

ПИСЬМА К М. В. САМЫГИНУ (1897—1903)

Вступительная статья, публикация и комментарии Н. А. Трифонова

Михаил Владимирович *Самыгин* (1874—1952), выступавший как беллетрист и драматург под псевдонимом Марк Криницкий, был во второй половине 1890-х годов одним из близких друзей Брюсова.

С Самыгиным Брюсов познакомился осенью 1894 г.¹ Оба они были студентами историко-филологического факультета Московского университета, хотя и разных курсов, оба входили в студенческий кружок любителей западноевропейской литературы и были деятельными его членами вместе с такими будущими литераторами, как П. С. Коган, А. А. Курсинский, В. М. Фриче, В. М. Шулятиков².

1 февраля 1895 г. Брюсов записывает в дневнике: «Ближе сошелся с Самыгиным (Марк Криницкий) — весьма замечательная личность. Довольно часто бываю у него»³.

Еще в студенческие годы Самыгин отличался религиозной направленностью своих воззрений. В письме к П. П. Перцову от 27 июля 1895 г. Брюсов так характеризовал своего нового приятеля: «Я лишь недавно познакомился с этим проповедником неохристианства и заинтересовался им. Уже одна внешность его замечательна: бледное лицо с резкими чертами, вдохновенно суровые глаза и всклокоченные волосы»⁴.

Можно отметить, что Брюсов нередко проявлял острый интерес и тяготение к людям с какими-то новыми для него, ярко выраженными чертами и устремлениями — будь то мистик-сектант или человек, связанный с революционным («крайним красным») ⁵, по брюсовскому выражению) лагерем.

С Самыгиным у Брюсова установилось живое общение. «Мне с вами, — признавался Самыгин своему товарищу, — всегда бывало легко и приятно; вы обладаете способностью угадывать настроение и помогать его выразить» (письмо от 20 ноября 1896 г.). Это отнюдь не исключало ожесточенных споров между новыми друзьями. В марте 1895 г. Брюсов делает, например, такую запись в дневнике: «у Самыгина сидел до 2 часов. Спорили отчаянно»⁶.

Для Брюсова тех лет был характерен повышенный интерес к вопросам философии. Он изучает различные философско-теоретические концепции прошлого и современности, особенно увлекается теорией познания Лейбница, о котором пишет в университете зачетное сочинение, ищет решения гносеологических и эстетических проблем, задумывает книгу «Философские опыты», стремится философски обосновать свои литературные позиции⁷. В Самыгине он находил вдумчивого и осведомленного собеседника, начитанного в философской литературе и собиравшегося выбрать историю философии своей научной специальностью.

14 июля 1895 г. Брюсов записывает в дневнике: «Вчера приехал от Самыгина, где провел два дня. Философия, философия, философия...»⁸. А в письме к Курсинскому от 15 июля Брюсов сообщал о том же посещении: «Самыгин (на даче у которого я только что прожил два дня) по-прежнему изучает Спинозу, проповедует неохристианство и качает в люльку своего маленького сына»⁹. И впоследствии, упоминая о встрече с Самыгиным, Брюсов отмечал прежде всего философское содержание их бесед. Например, в записной книжке за 1896 г. мы находим такую пометку: «(Май) 13. (...) у Самыгина (Марк Криницкий). Философия и поэзия»¹⁰.

Брюсов собирался зарисовать своего друга в одном из образов задуманного им романа «Покорность». Кроме нескольких черновых страниц этого романа, сохранилась запись с характеристикой его «типов», в которой имеется такая строчка: «Философ-альтруист. Благо друг(их) (Самыгин)»¹¹.

В начале 1895 г. Самыгин был уже автором сборника рассказов «В тумане», и Брюсов считал его «подающим надежды» литератором¹². Были у них даже общие издательские замыслы: в 1896 г. они собирались вместе выпускать альманах¹³.

Регулярная переписка между Брюсовым и Самыгиным началась во второй половине 1896 г., когда Самыгин по окончании университета уехал в Тулу, где получил место учителя русского языка в реальном училище (по совместительству он давал также уроки истории в женской гимназии). Дневниковая запись Брюсова свидетельствует, что он был огорчен отъездом своих друзей, и в том числе Самыгина¹⁴. Брюсов навещал Самыгина в Туле, а последний встречался с Брюсовым во время своих приездов в Москву.

В Туле Самыгин пробыл всего три года. Он оказался здесь в остром конфликте со своими сослуживцами; в письмах он характеризует их как «ходячих мертвецов, от которых веет сырым песком могилы», как «маниаков, психопатов, чудаков — православных без смысла, консервативных или либеральных без души» (письмо от 20 ноября 1896 г.).

В январе 1899 г., сообщая Брюсову о своей «смертной (. . .) борьбе с целым педагогическим советом», о поездках «для объяснения» к попечителю Московского учебного округа, он высказывал оправдавшееся предположение: «По всей вероятности, меня скоро уберут из Тулы»¹⁵. Действительно, в 1899 г. Самыгин был переведен в Иваново-Вознесенское реальное училище, затем в 1904 г. переехал в Коломну, где преподавал в местной гимназии. Его семнадцатилетняя педагогическая деятельность завершилась в Рязани.

К переписке с Брюсовым Самыгин относился с исключительной серьезностью, постоянно делясь с ним своими мыслями, настроениями, исканиями. «Между нами каждое письмо должно быть сообщением какого-нибудь замечательного духовного открытия, должно быть открытием», — утверждал Самыгин в письме от 17 февраля 1897 г.

В свою очередь, Брюсов в 1897—1898 гг. отвечает Самыгину дружеской откровенностью, порой пишет ему «так откровенно, как не всегда говорят наедине с собой» (п. 2).

К 1897 г. Брюсов охладевает ко многим своим университетским друзьям. Рассказывая в своем дневнике о встрече с ними в январе 1897 г., он признается: «Мне был смешон Курсинский с его „поэтическими“ проделками, чужд Фриче с его утилитарианизмом (так! — Н. Т.) и жалок Коган, этот ограниченный ученый»¹⁶. А в марте Брюсов записывает: «В день именины были у меня и Фриче, и Саводник, и Коган. Они не развеселили меня. Я им чужд»¹⁷.

Совсем по-другому отзываясь он в том же месяце о своем посещении Самыгина и о беседах с ним: «Два дня у Самыгина... Субстанция, идея, добро, истина... Снова и чувства и волнения. Да, после тех книг, которые я прочел за последнее время¹⁸, мне нужно было такого живого обмена мыслей и чувств. В меня вдохнули новую силу, огонь ярко пылает на алтаре. „Вперед и вперед!“¹⁹»

Значение этого «живого обмена мыслей и чувств» для Брюсова становится особенно понятным, если знать, как воспринималась им в то время окружающая его повседневность. Вот что записано им 13 марта 1897 г.: «Иногда мне кажется, что я не смогу выдержать этой жизни. Ни просвета. Господи! Ненавистная наука, презрение или списхождение людей, проза и проклятие домашней жизни, глупая бесцветность моих поклонников...»²⁰.

М. В. САМЫГИН

Фотография И. Ф. Курбатова. 1892, Москва
Центральный исторический архив города Москвы

Вскоре Брюсов вновь решительно противопоставляет Самыгина своим друзьям: «Проскользнули праздники... Я видел всех моих друзей, подруг и знакомых... Они все не нужны мне, и Курсинский, и Лена ²¹, и Фриче, и даже Виктор ²². Довольно!.. Пусть останутся у меня „эти три“ — Женья ²³, Бальмонт и Самыгин. Первые два далеко, Самыгин провел у меня день (...) он читал мне тезисы своей философии, я говорил ему о своих думах и о Жене. Центр наших душ различен, но круги пересекаются...» ²⁴.

Все это нашло отражение и в переписке. Именно Самыгину Брюсов рассказывает подробно, ничего не скрывая, о своей предстоящей женитьбе: о своей будущей жене, о ее достоинствах и недостатках (п. 3), очень самокритически характеризует и свое поведение (п. 4). Именно с Самыгиным он хочет поделиться своими горькими думами и переживаниями при расставании с умирающей женщиной, к которой он испытывал очень противоречивые чувства (п. 6). Брюсов часто обнаруживает себя в письмах, вопреки обычным представлениям о нем как о рационалисте, человеком повышенно эмоциональным с резкими переходами от одного настроения к другому. На первый план у него порой выступают не холодные наблюдения ума, а горестные заметы сердца.

Но оба корреспондента не только подробно информируют друг друга о своих настроениях, о своих делах и занятиях, они усиленно обсуждают и философские — отвлеченно-метафизические, гносеологические или этически-мировоззренческие — проблемы. Некоторые письма превращаются сплошь в наброски статей на эти темы. «С Самыгиным у нас философская переписка о „я“ (по поводу статьи Вл. Соловьева „Первое начало“), — записывает Брюсов 15 февраля 1898 г. ²⁵ В другом письме предметом обсуждения становится содержание книги Карла Дю Прея «Философия мистики, или двойственность человеческого существа» (1895).

В переписке Брюсова с Самыгиным не раз встречаются имена Лейбница, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше. Постоянно упоминаются и уточняются понятия субстанции, монады, субъекта и объекта, свободы и необходимости, пантеизма и микрокосмизма и т. д.

В ряде писем к Самыгину Брюсов формулировал мысли, которые он считал выражением своего стедо, и поэтому заносил в дневник, в записные книжки. Такова, например, февральская запись 1899 г. о множественности истины (п. 24) ²⁶. Несомненно, Брюсов собирался включить эти мысли в задуманную им книгу «Мои письма», о которой он не раз упоминал в своих записных книжках и тетрадях. Ее же он называл в списке готовящихся книг и на обложке сборника «Tertia vigilia». Сохранился и план книги «Мои письма»: «1) К молодому философу; 2) К историку литературы; 3) К защитнику экономического материализма; 4) К одной женщине; 5) К учителю» ²⁷. Можно предполагать, что под «молодым философом» подразумевался Самыгин. Во всяком случае, три письма к Самыгину (от августа — сентября 1898 г.) занесены Брюсовым подряд в одну из записных книжек как раз под заглавием «Мои письма» ²⁸. К тексту одного из своих писем Брюсов даже подобрал эпиграф из письма Самыгина.

Можно решительно утверждать, что переписка с Самыгиным — наиболее насыщенная философскими мотивами часть эпистолярного наследия Брюсова. Она содержит материал не только для изучения биографии Брюсова, его литературных интересов и взглядов, но и для уяснения философских исканий и позиций поэта, его отношения к различным философским системам, его размышлений о личности, о свободе воли и детерминизме, о добре и зле, о сознании и подсознательном, о кажущемся и реальном, о конечном и бесконечном, о единстве и множественности и на другие философские темы ²⁹.

В письмах обоих корреспондентов идет непрерывная дискуссия по философским вопросам, раскрываются их разные позиции. Мистицизм Самыгина, постоянно подчеркивающего свою веру в некую Тайну, которую познать нельзя, его религиозная мораль сталкиваются с противоречивыми мировоззренческими исканиями молодого Брюсова, окрашенными в тона плюрализма, индивидуализма, этического релятивизма. Сквозь все эти искания проходит идея примата и всевластности личного, индивидуального «я», утверждение личности, которая стремится «продумать все мелькнувшее в мыслях», «до дна упиться всеми чувствованиями» (п. 20).

Письма к Самыгину подчас оказывались своеобразной лабораторией, в которой отшлифовывались формулировки для позднейших статей Брюсова, а с другой стороны, в этих письмах приводились некоторые положения из только что написанных статей, отчасти и для того, чтобы проверить их на квалифицированном и критически настроенном читателе. Таковы, например, очень существенные для позиции тогдашнего Брюсова высказывания о духе и душе из

только что законченной работы «О искусстве»: «Безмерны изначальные сокровища духа (. . .) Нам озарена лишь часть (. . .) и эта часть — наша душа. Задача жизни и совершенствования — увеличивать область души, озаряя новые дали духа» (п. 22).

Споря со своим корреспондентом, Самыгин решительно критиковал его плюрализм и протезизм, важнейшую для Брюсова идею множественности истин и моральных принципов, призыв равно поклоняться и Христу и Дьяволу. С повышенной требовательностью и строгостью относящийся к эмоциональным декларациям и призывам Брюсова, Самыгин проявил несомненную проицательность, высказав сомнение в полной серьезности и искренности некоторых широковещательных философских и эстетических заявлений своего друга, в которых порой было больше артистической увлеченности, игры, чем подлинного утверждения истины. Отсюда острые вопросы к Брюсову: «Что это? Мудрость или беспечность? (. . .) Неужели Вы твердо верите в Вашу дорогу? (. . .) Вам еще в диковинку ощущать и ощущать...» (письмо от 2 февраля 1900 г.).

Брюсов имел основание очень высоко оценить своего оппонента: «Единственный человек, столкновение с которым оживляет мне душу»³⁰.

Гораздо меньше затрагиваются в переписке общественные вопросы. Все же в одном из писем Брюсова содержится интересный отклик на известия об англо-бурской войне, которая воспринимается как «событие первостепенной исторической важности» (п. 27).

И Самыгину, при всей его погруженности в мир религиозно-идеалистических фантазматических, нельзя было отказать в обостренной чуткости к некоторым происходившим в действительности процессам. В этом отношении характерно письмо от 19 июля 1897 г., в котором говорится о «грозе надвигающейся социальной революции» и о «призраке всемирной войны». Выразительные слова находил Самыгин и для очень самокритической характеристики своего поколения, своей среды: «Наши души подобны старым девам, полным вождения и обманувшимся в мечтах своей юности. Наши надежды слишком туманны, тусклы. Наши сердца, страстно раскрытые, измученные жаждой обладания, не оплодотворяются. Нет в нас ни величия, ни простоты, ни права на достаточную решимость. С одной стороны, мы горды, с другой — ничтожны. Мы скрытные, таимся друг от друга, и потому осуждены на вечное одиночество; в нас есть лишь непроходящая тоска и болезнь» (письмо от 19 ноября 1898 г.).

Постоянно обсуждались в переписке литературные вопросы. Здесь идет речь о Метерлинке и Д'Аннунцио, Гауптмане и Зудермане, Ростане и Ибсене, о Мережковском и Бальмонте, о стихах Лыдова и Березина-Ланга, разворачивается острая дискуссия о творчестве И. Ковевского (Ореуса) и т. д.

Самыгин называл себя одним из самых искренних ценителей поэзии Брюсова, «самым восторженным читателем» ее, и часто просил поэта присылать свои стихи. Дорожа мнением своего друга, Брюсов охотно выполнял эту просьбу: он дарил Самыгину свои книги, а на обороте ряда брюсовских писем можно найти и тексты некоторых недавно написанных и тогда еще не напечатанных его стихотворений.

Самыгин, в свою очередь, шлет Брюсову свои книги и статьи с дарственными надписями, а на присланное Брюсовым откликается пространными — то восторженными, то анализирующе-критическими — оценками как отдельных стихотворений, так и целых сборников — «Me eum esse», «Tertia vigilia», «Книга раздумий», «Urbi et orbi», брошюры «О искусстве», альманахов «Северные цветы».

Характерно, что из названных книг Самыгину особенно близким оказался сборник «Me eum esse», в котором сильнее, чем в других книгах Брюсова, были выражены декадентские мотивы ущербного индивидуализма, одиноких томлений, какой-то обреченности, «безумной тревоги», «больных ожиданий». Для Самыгина, погруженного в свои болезненные переживания и постоянно жаловавшегося на свое одиночество, все это было чем-то родственным. Эпиграф к первому разделу сборника — брюсовскую строку «Красота и смерть неизменно одно» (см. I, 581) — он прямо назвал своим изречением, сказанным много времени тому назад. «В Вашей книге я прочел почти всего себя», — писал Самыгин о стихах Брюсова, созданных именно в годы их близости (письмо от 23 февраля 1897 г.).

И следующие брюсовские сборники получали очень высокую оценку друга-читателя: «Вы написали (без лести) истинно великую книгу» («Tertia vigilia» — 6 ноября 1900 г.); «книга Ваша замечательна и должна была бы выдержать целый ряд изданий» («Urbi et orbi» — 5 ноября 1903 г.). Вошедшее в этот сборник стихотворение «Нить Ариадны» (I, 275) о дерзком пришельце, стремящемся познать «святые тайны» лабиринта и заблудившемся в его «без-

донном мраке», воспринимается Самыгиным как «образ всего нашего поколения», как «приговор». «Вы наш певец, певец думающего, напряженно ищущего поколения», — заявляет Самыгин в письме от 5 декабря 1903 г. Но в названных сборниках содержалось уже и то, что было, как мы увидим дальше, для Самыгина чуждым, неприемлемым.

Письма показывают, что Самыгина особенно привлекали те менее типичные для Брюсова стихи, в которых в той или иной мере проявлялись религиозные мотивы. Так, под впечатлением стихотворения «Пасха, праздникам праздник» (I, 206) Самыгин писал: «Все дни меня преследует настроение, навеянное этими строчками, и некоторые стихи поют у меня в груди и на губах». И приведя эти строчки («Что в мире лучше // Звона колокольного // В туманной тени // Ночи весенней, // В час молений?»), Самыгин восклицал: «Вы один из тех, кто это понимает, кто разумеет эту молитву «ночью весенней» (письмо от 6 января 1899 г.).

Он всячески хотел поддержать в литературных выступлениях Брюсова элементы именно подобных настроений. И когда последний закончил одну из своих статей утверждением, что «Баратынский был близок к тому, чтобы найти успокоение своим мучительным сомнениям в предвечном источнике всякого успокоения — в вере»³¹, Самыгин откликнулся такой одобрительной репликой: «Неожиданным теплом повеяло на меня (...) Если это не дань условностям века сего, то могу констатировать в Вашей душе зарождение новой эпохи. Как бы мне хотелось, чтобы я не ошибся» (письмо от 23 декабря 1901 г.).

В конце 90-х годов Самыгина — чем дальше, тем больше — захватывает волна религиозно-мистических настроений и переживаний. В его письмах, которые он хочет превратить в «исповеди души» (письмо от 9 января 1898 г.), мы постоянно встречаем такие утверждения: «Душа моя скорбит о бже (...) К нему я обращаю все мои помыслы и желания» (5 июля 1897 г.); «посвящаю себя науке о вечности, т. е. религиозной морали» (19 июля 1897 г.); «я хочу окупиться в мир христианской мысли» (21 января 1898 г.); «усердно занимаюсь вопросом о Христе и церкви» (9 сентября 1898 г.); «мне кажется, что тот был бы прав, кто охарактеризовал (бы) мой пафос словом „религиозный“. Я весь в вопросах религии» (18 октября 1901 г.).

Брюсов порой писал своему приятелю в близком ему ключе (здесь проявлялась и способность Брюсова настраиваться на волну того или иного из своих корреспондентов). Так, в его письме от 21 декабря 1897 г. о рождественских песнопениях и обаянии христианской мистики (п. 12). Характерно, что на экземпляре сборника «Chefs d'oeuvre», подаренном Самыгину, Брюсов воспроизвел в качестве дарственной надписи евангельский текст: «Будьте убо вы совершенни, како же отец ваш небесный совершен есть» (об этом мы узнаем из письма Самыгина от 21 апреля 1899 г.).

Однако не приходится сомневаться, что по существу своих взглядов, позиций и настроений Брюсов и Самыгин всегда были слишком различными (вспомним цитированные выше слова Брюсова: «Центр наших душ различен...»). Недаром Самыгин в одном из писем даже задавал вопрос: «Да и сходились ли мы вообще когда-нибудь?» (письмо от 21 апреля 1899 г.).

Во всяком случае, постепенно обнаруживалось все более резкое расхождение, тем более что в мировоззрении Брюсова происходили очень существенные сдвиги и изменения. Например, весной 1898 г. он писал Самыгину, расставаясь с заблуждениями субъективного идеализма: «Я любил думать, что все земное — ложь (...) За последнее время я думаю иначе» (п. 18).

Некоторые программные высказывания Брюсова и существенные черты его поэзии с каждым годом все более встречают порицание Самыгина. С решительным осуждением говорит он о присущем Брюсову — поэту и человеку — «духе гордости», о его «дерзости перед Господом»: «Страшно ходить по Вашему пути и грешно». «Путям гордости» Самыгин полемически противопоставляет позицию «умаления» человека: «Вопреки Вам я не только не чувствую „бездельности“ моего духа, но, напротив, слишком ощущаю его малый объем, его зависимость, пассивность, и в этой зависимости и пассивности весь мой рай, все мое блаженство» (письмо от 5 сентября 1898 г.). А позже в большом письме от 2 февраля 1900 г. Самыгин прямо призывал Брюсова к смирению, к тому, чтобы он ощутил себя «затерянной пылинкой, тенью тени».

Неудивительно, что все это вызывало у Брюсова отчуждение от Самыгина. Уже в июле 1898 г., записывая признание последнего, что он «смирился», стал учеником того, кто «учит человека его ничтожеству и презрению», Брюсов делает вывод: «И я люблю его меньше,

а он был недавно моим лучшим другом»³². И в другой записи того времени Брюсов с горечью констатирует, что «лучшие из друзей, как Самыгин, влекут» его душу «долу»³³.

При нечастых теперь встречах Самыгин не производит на Брюсова прежнего впечатления. «Был он вял, неинтересен», — читаем мы в дневниковой записи за июль-август 1899 г.³⁴

Слишком противоположными оказывались и жизненные устремления и творческие установки. Вот как охарактеризовал Самыгин свои литературные занятия в Иванове-Вознесенске: «Я пишу много и усиленно все описываю бледные и серые дни, унылые зимы, бессонные ночи, стрекотанье сверчков, одиночество, одинокие думы, старость бессильную и печальную... а на сердце у меня тихое умиление, — и все горячее, знойное, великолепное кажется мне пустым, скучным и ничтожным» (письмо от 17 октября 1899 г.). Брюсов же в это время все больше тяготел как раз к «горячему, знойному, великолепному», и прямой полемикой с самыгинскими вкусами и настроениями кажется его стихотворение того же 1899 г. (правда, написанное несколько раньше цитируемого письма):

Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша — цвет земли;
И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.

(I, 174)

Резко контрастными были оценки разных явлений современной жизни. Самыгин, например, так рассказывал о своих впечатлениях от приезда в Москву в конце 1901 г.: «Последнее мое посещение Москвы оставило во мне чувство крайне тяжелое. Эти высокие дома. „Капернау́ме, Капернау́ме, до неба возросшийся, до ада низринешися!“³⁵ — все время звучало в моей душе. Не увидел я ничего прочного в вашей московской жизни, а душа моя ищет теперь только прочного. Не мог я еще отделаться от впечатления чего-то мгновенного, точно яркая афиша, которую вот сейчас сорвут и бросят под ноги. И с этой точки зрения мне было так жаль Вас, потому что я видел, что вы захвачены тем же потоком и даже один из могущественных творцов этого потока...» (письмо от 23 декабря 1901 г.).

Иначе воспринималась городская действительность поэтом-урбанистом, создавшим знаменитый «дифирамб» большому городу. Конечно, по правильному замечанию Д. Е. Максимова, «любование городом (...) не перерастало у Брюсова в слепую апологию»³⁶. Поэт видел в современном городе и враждебные человеку черты, и, может быть, когда писалась поэма «Конь блед» с образом безумца, пророчествующего о грядущей гибели, автору вспомнились и слова Самыгина о Капернау́ме.

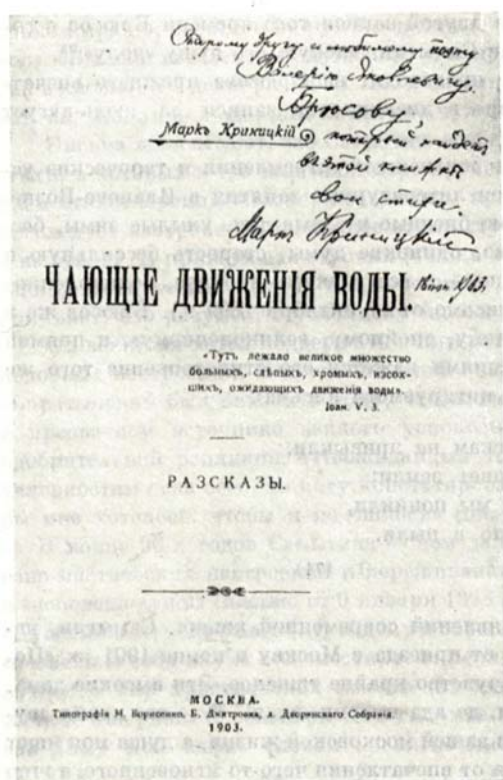
Если еще в мае 1899 г. Брюсов мог заявить Самыгину: «Я не верю, чтобы мы разошлись с вами далеко» (п. 25), то уже в феврале 1900 г. он с полным основанием констатирует: «Мы с Вами идем по путям расходящимся. Пока еще можем окликнуть один другого, но потом и голос не будет слышен» (п. 28).

Последнее упоминание имени Самыгина в брюсовском дневнике, датированное ноябрем 1901 г. и связанное с упоминавшимся выше его приездом в Москву, свидетельствует о явно осуждающе-ироническом отношении к бывшему другу, об утрате настоящего интереса к нему: «Все такой же. Говорит о боге, о благодати, боится темноты, и все его потрясает»³⁷.

Как-то, сравнивая Брюсова с орлом, Самыгин довольно метко сказал о собственном «умалении»: «Я мечтал быть орлом: суждено быть грибом» (письмо от 4 июля 1900 г.). Естественно, что для писателя с орлиным размахом гриб был малопривлекателен. Брюсов пишет Самыгину все реже, и вообще их переписка постепенно ограничивается кругом литературно-деловых вопросов. Самыгин еще пытается вернуть ей прежний характер, но это ему не удается, он не встречает поддержки у Брюсова.

Последний еще готов помогать своему товарищу в литературных делах, в устройстве его произведений в печать. Он приглашает своего корреспондента в скорпионогский альманах «Соверные цветы», и Самыгин участвует во всех его четырех выпусках первой половины 1900-х годов³⁸. Но и к его литературной деятельности у Брюсова нарастает критическое отношение.

Брюсов не прошел равнодушно мимо ранних рассказов Марка Кривицкого. Если Н. К. Михайловский писал о первой книжке Кривицкого — «В тумане», — что автор ее «слаб во

МАРК КРИНИЦКИЙ. ЧАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ. М., 1903

Титульный лист с дарственной надписью: «Старому другу и любимому поэту Валерию Яковлевичу Брюсову, который найдет в этой книжке свои стихи. Марк Криницкий 18 июня. 1903 г.»

Библиотека СССР им В. И. Ленина, Москва

друга были неприемлемы прежде всего старомодность его литературной манеры, художественный уровень воплощения взятой темы.

На полях экземпляра третьего сборника Криницкого — «Чающие движения воды», — подаренного автором Брюсову в июне 1903 г., последний сделал при чтении ряд критических пометок и надписей: «по-старинному», «очень плохо», «плохой надуманный конец», «устарелая полемика с позитивизмом» и т. д.⁴³

Свое мнение о сборнике Брюсов выразил на страницах «Весов». Здесь он упрекал Криницкого за то, что последний (подобно авторам двух других рецензируемых сборников рассказов — С. Рафаловичу и В. Голикову) «вливает новое вино в старые мехи, не находит для передачи настроений современности «ничего иного кроме обветшалых форм». «Писать теперь, — заявлял Брюсов, — как это делают Криницкий, Рафалович и Голиков, по трафареткам Тургенева, это все равно, что в век митральез и скорострельных ружей выступать против врага с рогатиной и пращей»⁴⁴.

Свои критические замечания о недостатках художественной манеры Криницкого Брюсов, очевидно, высказал ему и в недошедшем до нас письме, основное содержание которого становится ясным из развернутого ответа Самыгина от 24 августа 1903 г.: «Напрасно Вы так нападаете на мой стиль. Гамсуна и пр. я не читал и потому, конечно, не могу судить о технических усовершенствованиях современного стиля, но это было бы и излишне. Когда я пишу, я слов не взвешиваю и, вообще, не могу управлять своим вдохновением. Даже больше: когда я начну следить за собою, то выходит вовсе плохо. Поставьте в этом смысле на меня крест. А вот о «замыслах» напрасно Вы не написали подробнее. Впрочем, я не думаю, чтобы Вам особенно понравился мой сборник и с этой стороны (...) Вам не нравится простоволо-

всех смыслах — правописательном, художественном, идейном»⁴⁵, то Брюсов напел в этих рассказах «порывы и дерзновения» (п. 19).

Во второй книге Криницкого — «Цветы репейника» (1899) — Брюсов отметил «удачные замыслы», но реализация этих замыслов его не удовлетворяла. Он называл рассказы данного сборника «мучительно плохо написанными». Правда, Брюсов порицал безымянного рецензента из «Русского богатства», который заявил, что автор рассказов занимается «односторонним и бесплодным ковырянием души»⁴⁶, но сам Брюсов упрекал Самыгина за то, что его душевные порывы слишком «бледно отразились» в книге (п. 28).

Брюсов одобрительно оценил газетные публицистические статьи Самыгина на педагогические темы. «Это резко и сильно», записал он в дневнике 1898 г., объясняя, почему только одна из них попала в печать: «газетам страшно»⁴⁷. Но беллетристические произведения Криницкого вызывали недовольство Брюсова.

В критике тех лет Криницкого справедливо упрекали за чрезмерное тяготение к изображению болезненной психики, к персонажам, которые «находятся под властью какой-либо навязчивой идеи или действуют под влиянием темных, для них самих непонятных сил»⁴⁸.

Но не это в творчестве Криницкого вызывало возражения Брюсова-символиста; для него в произведениях бывшего

ность, непричесанность моей музыки. Она поражает Вас угловатостью и первобытностью провинциальных манер. Но я этого не боюсь. Я добиваюсь теперь новизны в области содержания. Я хочу сделаться интересным автором. Тот, кто способен рассказывать новые, неожиданные и, главное, захватывающие вещи, тому прощаются недочеты стиля. Таков мой метод. Против него можно спорить, но он имеет кое-что за себя.

Брюсов предполагал, что Криницкий станет писателем «нового направления», и в этом духе он пытался воздействовать на своего коллегу. Действительно, произведения Криницкого тех лет с их индивидуализмом, пессимизмом, антиобщественностью были в значительной степени созвучны декадентству. Близкий к символизму Виктор Гофман в своем хвалебном отзыве на первый том «Рассказов» Криницкого (изд. «Шиповник», 1908) с одобрением констатировал: «Основная тема Криницкого — ужас материального мира, кошмар механической вселенной (...) Дух и материя для Криницкого нечто непримиримо-противоположное, и он всюду чувствует их роковую антиномию, глухой разлад между ними (...) Из борьбы духа и материи победителем нередко выходит материя (...) Отсюда — пессимизм Криницкого»⁴⁵.

Отдал дань Криницкий и культивировавшейся символистами стилизации, например, в легенде «Ангел страха», посвященной Брюсову, или в сказании «Корабль», перекликающемся по теме с библейской легендой о всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Он дорожил своим сотрудничеством в символистских изданиях и как читатель проявлял большие симпатии к творчеству многих модернистско-декадентских литераторов. Все это давало некоторые основания З. Г. Минц называть Криницкого одним из представителей «массового» символизма⁴⁶.

Но и на том этапе он далеко не во всем солидаризировался с соседями по скорпионовскому альманаху. Об этом он прямо говорил в своих письмах Брюсову: «Вы знаете, что я не переношу слишком символической формы» (23 февраля 1897 г.); «ведь я не вполне Вашего лагеря» (8 ноября 1900 г.); «остаюсь на старой почве» (12 ноября 1902 г.).

Самыгин был не очень последователен и в выборе своих литературных образцов. Он хотел учиться у Метерлинка и в то же время объявлял себя последователем Гауптмана и Зудермана, которые выступали тогда как наиболее видные представители натуралистического направления в драматургии. Он с увлечением читал Мережковского и одновременно упивался Мопассаном, хотя оговаривался, что никогда не будет реалистом (письмо от 30 октября 1898 г.). А вскоре его привлекают «лавы Вересаева», и как бы в pendant к «Запискам врача» он пишет «Записки педагога средней школы»⁴⁷.

Как видим, вслед за идейными столкновениями и противоречиями между Брюсовым и Самыгиным усиливались и чисто литературные расхождения. Все это не могло не привести к окончательному охлаждению в их отношениях, к прекращению их дружбы.

В № 12 «Весов» за 1904 г. в списке авторов, обещавших свое сотрудничество журналу на будущий год, еще встречается имя Криницкого, но произведения его в этом главном символистском органе не появлялись, хотя в феврале 1904 г. Самыгин послал для «Весов» заметку: «О византийской традиции в современной иконописи» (письмо от 7 февраля 1904 г.).

В 1904 г. переписка между Брюсовым и Самыгиным обрывается. Последняя дошедшая до нас открытка Самыгина датирована 18 июля 1904 г. А к 1906 г. относится последний известный нам отзыв Брюсова о Самыгине.

Советуя привлечь для участия в газете «Слово» некоторых молодых литераторов, Брюсов писал П. П. Перцову 25 марта 1906 г.: «Еще существует Марк Криницкий (Коломна, Реальное училище), но я его "разлюбил" и рекомендовать его как-то не хочется». На полях письма Брюсов сделал приписку: «К тому же он месяц за месяцем безнадежно левеет»⁴⁸. Здесь имелось в виду, что Криницкий, сотрудничавший до первой русской революции в журналах правой ориентации или подчеркнуто асоциальных, начал печататься с 1906 г. в «Мире божьем» (журнал этот вскоре стал выходить под названием «Современный мир»), принадлежавшем к тем либерально-демократическим оппозиционным органам, которые долго были чужды Брюсову-символисту⁴⁹. Так к прежним причинам расхождения прибавилась еще одна⁵⁰.

Отношение Брюсова к Криницкому и его творчеству нашло выражение еще раз в 1908 г.: в журнале «Весы» была напечатана рецензия на первый том рассказов Криницкого, изданный «Шиповником». Рецензия эта, принадлежавшая Н. И. Петровской, доводила до логического конца прежние критические замечания Брюсова и сурово характеризовала автора

книги: «Криницкий оторвался от старого тенденциозного искусства (...) но отдался непосредственно и всецело новым идеалам не сумел. Не одолел он новых стилистических задач, не справился с наплывом психологических противоречивых современных переживаний и, несмотря на большое трудолюбие и ум, не мог создать ничего оригинального и значительного»⁵¹.

Выше уже отмечалось, что литератор того же модернистского лагеря Виктор Гофман написал о данной книге хвалебный отзыв. Он нашел у Криницкого «очень глубокие и интересные темы», «тонкую и умную наблюдательность», «большие и глубокие мысли», «большую правду воспроизведения»⁵². Сора́тница же Брюсова вынесла, — очевидно, полностью согласованный с руководителем «Весов», — беспощадный приговор: по ее утверждению, «оторванный от прошлого и не пригодный для настоящего» «Криницкий весь изломался и для искусства погиб»⁵³.

Литературная деятельность Криницкого продолжалась еще много лет. Он печатался во многих журналах и газетах. В 1908—1912 гг. издательство «Шиповник» выпустило три тома его рассказов, а в 1916—1918 гг. вышло пятнадцатитомное собрание его сочинений. Криницкий, к тому времени уже оставивший свою педагогическую работу, стал довольно популярным беллетристом предреволюционного десятилетия. Некоторые его романы (например, «Молодые годы Долецкого», «Маскарад чувств», «Случайная женщина» и др.) выдерживали по три-четыре издания, привлекая внимание широкой обывательской публики особенно тем, что в них на первый план выдвигалась модная тогда тема отношений между полами, критически изображались устои современной семейной жизни, защищалась идея так называемой «свободной любви». Разъясняя свою позицию в этом вопросе, автор писал в статье «За что я борюсь?»: «Нельзя говорить о свободе личности, об уважении к человеку и одновременно мириться с открытыми формами современного семейного быта, которые явно безнравственны. Я только это и говорю в своих книгах. Современная европейская семья протестуционна, так как основана на принципе продажности женщины. Наша женщина не отдается, а только продается: на один час (бульварная проституция), на более продолжительный срок (содержанка), на всю свою жизнь (жена)»⁵⁴. Передко встречалась в произведениях Криницкого и подсказанная его профессией учителя тема современной школы, гимназии с ее уродливыми сторонами, с ее зачастую ненормальными отношениями между педагогом и учениками.

Можно найти у Криницкого тех лет и отклики на большие социальные события современности. Так, роман «Час настал» (1915) был посвящен теме начавшейся тогда первой мировой войны и отношения к ней разных слоев буржуазной интеллигенции.

Передовая критика выражала неудовлетворенность героями Криницкого, бесконечно резонерствующими, бессильными, бескровными обывателями, которые, по словам Горького, «прячут свою никчемность в туманах метафизики»⁵⁵. Однако некоторые критики склонны были считать творчество Криницкого «глубоким и волнующим»⁵⁶. В критических обзорах современной литературы его произведения подчас рассматривались в одном ряду с произведениями Л. Андреева, Арцыбашева, Сергеева-Ценского, Зинаиды Гиппиус и других известных авторов тех лет⁵⁷.

Писательская работа Криницкого не ограничилась рамками дореволюционной эпохи. И, к его чести, он оказался в числе тех литераторов, которые сразу приняли революцию⁵⁸.

В 1918 г. он вступил в московский Союз советских журналистов, членами которого были многие видные литераторы-коммунисты (в том числе и В. И. Ленин)⁵⁹. В архиве этого Союза сохранилось заявление Криницкого, написанное в начале 1919 г.: «Признавая себя по убеждениям идейным коммунистом, примыкающим к революционному движению, представляемому Р. К. П., и активно проявляя это в моих произведениях, прошу зачислить меня в действительные члены Литературно-художественного клуба Советской секции писателей, художников и поэтов. Член секции Марк Криницкий»⁶⁰.

Первым послеоктябрьским произведением Криницкого стал вышедший в 1918 г. роман «Прапорщик Игнатов», явившийся продолжением романа «Час настал». Если в первой части диалогии — наряду с критическим отношением к буржуазной интеллигенции — нашли выражение неоправданные расплывчатые надежды на благотворную и обновляющую для страны роль империалистической войны, то во второй части главный герой окончательно убеждается на фронте в бессмысленности и преступности этой войны. Критик-большевик А. Воронский имел основание в своей рецензии противопоставить это произведение со зна-

ком плюс «казенному, барабанному ура-патриотизму» другой книги на аналогичную тему — сборнику рассказов Б. Лазаревского «Во время войны» (1915) ⁶¹.

В первые послеоктябрьские годы Криницкий активно участвует в современной литературной и театральной жизни: включается в инициативную группу по созданию московского «Дворца искусств» при Народном комиссариате просвещения ⁶², входит в организованное Есениным литературное общество «Ассоциация вольнодумцев в Москве» ⁶³, выступает с лекциями. В 1920—1921 гг. он связан с так называемой «Мастерской коммунистической драматургии» (Масткомдрам), пишет агитационные пьесы, которые с успехом шли в Теревсате (московском Театре революционной сатиры) и в разных передвижных театрах: «Новый фронт» (о перевоспитании отсталого рабочего в производственном коллективе), «Огненный змей» (о перестройке крестьянского сознания под влиянием рабочего класса), «Продналог», антирелигиозная сценка «У райских врат» и др. ⁶⁴

Имя Криницкого как автора пьесы «Огненный змей» с одобрением назвал в одной из статей о театре А. В. Луначарский ⁶⁵. Впоследствии М. Криницкий считал своей заслугой то, что он отдал «полностью свои силы первым годам революционного строительства: он напоминал, что им было «написано восемь пьес, иные из которых в эпоху до НЭПа, когда наша "большая" драматургия еще не сделала своих даже первых шагов, составляли главный хребет репертуара почти единственных тогда революционных театров, обслуживавших широкие массы» ⁶⁶.

Агитационно-плакатным характером отличались также повести и романы, написанные Криницким в 1920-е годы. Такова повесть «Светозар Октябрев», упрощенно изображавшая превращение старозаветного крестьянина в политически грамотного нового человека-общественника. Сходной теме был посвящен и роман «Девушка с Ладоги» (1927). Резко отрицательную оценку советской критики вызвал роман Криницкого «Брат мой Каин» (1928), в котором была сделана попытка отобразить события гражданской войны ⁶⁷. Участники революции были показаны здесь какими-то выдуманскими правдоискателями, а на первый план выступали метания от одного берега к другому истеричной кушеческой дочери.

Однако сколько-нибудь обстоятельная характеристика послеоктябрьской деятельности Криницкого выходит уже за пределы нашей темы: после 1908 г. пути Брюсова и Самыгина, если не считать отдельных случайных встреч, не перекрещиваются, хотя оба они, прodelав сложную эволюцию, пришли в ряды советских писателей. Конечно, Самыгин не мог позабыть о своем бывшем друге: не случайно в романе «Брат мой Каин» его мятущаяся героиня, вспоминая стихи Брюсова, задумывается над вопросом: «Что сейчас с Брюсовым и где он? На чьей стороне?».

Дальнейшая судьба Самыгина складывается драматически. Ухудшение здоровья ослабляет его литературную активность. В 1931 г. в результате перерегистрации членов Всероссийского союза писателей он выбывает из состава Союза, оказавшись в списке 63 «поэтов, прозаиков и драматургов, недостаточно проявивших себя как художники слова за годы революции или не соответствующих новому направлению ВССП, а также не имеющих достаточной связи с ВССП» ⁶⁸. В апреле 1932 г. Криницкий обжаловал это решение, обратившись в правление Федерации объединений советских писателей ⁶⁹. Вскоре, после постановления ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», он пытается принять участие в обсуждении вопросов творческого метода и критикует позицию литературного руководства, но не получает желаемой трибуны ⁷⁰.

В последующие годы у него все более развиваются настроения депрессии, чувства одиночества и обиды, переносимой особенно остро из-за явно преувеличенной самооценки своих прежних литературных заслуг. Сохранилась его надпись от 10 декабря 1933 г. на машинописном экземпляре пьесы «Сев», обращенная к Е. Ф. Никитиной (Криницкий, очевидно, читал эту пьесу на одном из заседаний «Никитинских субботников»). В этой надписи он так характеризовал свое положение: «...оттолкнутый друзьями, осмеянный близкими, бездомный, никому не нужным мусором я валяюсь при дороге» ⁷¹.

В годы войны Самыгин живет в эвакуации в Самарканде, стремясь вернуться в Москву. И опять в его письмах звучит тот же мотив: «Моя казнь — одиночество» ⁷².

У него развивается психическое заболевание. В 1951 г. его помещают в психоневрологическую больницу гор. Горького, где он и умирает 23 февраля 1952 г. ⁷³, намного пережив товарища своей молодости.

Письма Брюсова к Самыгину сохранились не полностью. Известны (целиком или в отрывках) тексты 37 писем за 1897—1903 гг. (все автографы, кроме фрагмента письма № 2, скопированного И. М. Брюсовой). Основная часть писем (кроме двух, находящихся в ИМЛИ — ф. 13) хранится в ГБЛ. Архивный шифр большей части писем (на листах почтовой бумаги) — ф. 386, 72.31. Как они оказались в брюсовском фонде, неизвестно. Остальные письма (черновики и авторские копии) извлечены из записных книжек и записных тетрадей, шифры которых указываются в примечаниях. Эпистолярные фрагменты (без даты), предположительно обращенные к Самыгину, даны в приложениях к п. 4.

В ГБЛ (ф. 386, 102.6—10) находятся также 103 письма Самыгина к Брюсову (1896—1904) и одно письмо его к И. М. Брюсовой (1902). Выдержки из ряда этих писем приводятся в примечаниях к настоящей публикации. Отметим, что некоторые из писем Самыгина дают возможность узнать о содержании отдельных писем Брюсова, не дошедших до нас.

Тексты писем № 4 и 22 подготовлены С. И. Гиндиным. Им же указаны черновики писем № 2 (второй фрагмент), 6, 19, 20, 21. В составлении отдельных примечаний, затрагивающих философскую тематику в публикуемых письмах, принимала участие С. К. Кульюс.

¹ См. запись Брюсова в его набросках «Канва моей жизни» (ГБЛ. Ф. 386, 1.1. Л. 24).

² Об этом обществе см. подробнее наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 10, прим. 2.

³ Дневники. С. 20. В неопубликованном тексте дневника зафиксировано, что в начале 1895 г. Брюсов был у Самыгина 22 и 27 января, 1 и 2 февраля (ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 5—5об.).

⁴ Письма к Перцову. С. 33. О том, что Брюсов был увлечен своим новым другом и общался с ним своим знакомым, мы узнаем и из других источников. См., например, наст. кн., Письма Ноздрина, п. 7.

⁵ Дневники. С. 123.

⁶ ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 7.

⁷ О философских интересах и воззрениях молодого Брюсова и их формировании см.: Кульюс С. К. Валерий Брюсов и Спиноза // Сборник трудов СНО филологического факультета [Тартуского гос. ун-та]. Русская филология. V. Тарту, 1977; Она же. О «кантианстве» раннего Брюсова // Учебный материал по теории литературы: литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв. Таллин, 1982; Она же. Формирование философско-эстетических взглядов В. Я. Брюсова и его творчество 1890-х годов: Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (Тарту, 1982); Она же. Формирование эстетических взглядов В. Я. Брюсова и философия Лейбница // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 620. Тарту, 1982; Она же. К вопросу о мировоззрении В. Брюсова на рубеже двух веков // Депоп. в ИНИОН АН СССР, № 10091 от 6.05.1982; Она же. Ранний Брюсов о философских основах мировоззрения Эдгара По (1890-е годы) // Чтения 1980; Она же. «Основания всякой метафизики» В. Я. Брюсова: (Опыт реконструкции) // Социальная детерминация подосознания: Культурологический аспект. Труды по философии. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 653. Тарту, 1983; см. также: Помирный Р. Е. Из идейных исканий В. Я. Брюсова (Брюсов и Лейбниц) // Чтения 1971.

⁸ ГБЛ. Ф. 386, 1.13/2. Л. 12об.

⁹ См. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 7.

¹⁰ ГБЛ. Ф. 386, 1.14/1. Л. 14об.

¹¹ ГБЛ. Ф. 386, 3.12. Л. 56.

¹² Письма к Перцову. С. 33.

¹³ Об этом замысле упоминается в письме Самыгина от 30 октября 1896 г. (см. также наст. кн., Письма Ноздрина, п. 6).

¹⁴ Дневники. С. 25.

¹⁵ В Центральном государственном архиве г. Москвы сохранилось «дело» канцелярии попечителя Московского учебного округа «О преподавателе Тульского реального училища М. Самыгине...» (Ф. 459. Оп. 3. Д. 3491, на 52 листах). В содержащихся здесь документах раскрываются конфликты между Самыгиным и его сослуживцами, в частности, по вопросу о темах для ученических сочинений. В докладных записках директора училища попечителю учебного округа констатируется, что Самыгин «преподавание ведет живо и умеет возбудить в учениках интерес к преподаваемым предметам» (л. 16), но в то же время усиленно подчеркивается «свойственное ему упорство, самомнение и полное нежелание следовать чьим бы то ни было указаниям» (л. 2), «резкий заносчивый тон» (л. 14), «беспокойный нрав и неуживчивость» Самыгина (л. 3), который «позволяет себе в резкой форме критиковать методы преподавания и воспитания своих товарищей» (л. 15). Директор приходил к выводу, что дальнейшая служебная деятельность Самыгина в Тульском реальном училище нежелательна, так как она вносит смуту и раздор между преподавательским персоналом (л. 3).

¹⁶ ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 15.

¹⁸ Из книг, прочитанных в это время Брюсовым, наибольшее впечатление произвела на него книга философских этюдов М. Метерлинка «Le trésor des humbles» («Сокровище смиренных», 1896). 23 февраля 1897 г. Брюсов записал в дневнике: «И тогда мне открылось

новое. То были дали, которых я не знал, и перспективы, существование которых я отрицал. Вдруг, внезапно я понял. Все кончено. Былое отпадает, как сон. Последний год я блуждал уже в полумгле рассвета. Завеса прорвана. Брызнули лучи — и восходит солнце ... восходит на Небо. Это откровение принес мне осмеянный у нас, пародированный нами, проклятый — Метерлинк. Да будет благословенной книга его — *«Le trésor des humbles»* (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 130б.). О книге Метерлинка см. также п. 3, прим. 4.

¹⁹ ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 140б. «Вперед и вперед!» («Иди неустанно вперед и вперед!») — последняя строка из стихотворения Брюсова 1896 г.: «Не плачь и не думай...» (I, 129), вошедшего в МЕЕ (под заглавием «Утро»).

²⁰ ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 150б.

²¹ См. п. 3, прим. 7.

²² См. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 55, прим. 4.

²³ Евгения Ильинична Павловская. См. о поездке Брюсова к ней в п. 6.

²⁴ Запись от 18 апреля 1897 г. // ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 190б.

²⁵ Дневники. С. 33. Точное название статьи с указанием места и времени ее опубликования см. в п. 14.

²⁶ Дневники. С. 61.

²⁷ ГБЛ. Ф. 386, 3.21. Л. 39.

²⁸ ГБЛ. Ф. 386, 14.5/10. Л. 100б.—110б.

²⁹ Переписка Брюсова и Самыгина используется в качестве одного из источников в диссертации С. К. Кулюкс «Формирование философско-эстетических взглядов В. Брюсова и его творчество 1890-х годов» (Тарту, 1982).

³⁰ Дневники. С. 39.

³¹ Брюсов В. Старое о г-не Щеглове // РА. 1901. № 12. С. 579.

³² Дневники. С. 41.

³³ Там же. С. 45.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ Капернаум — один из городов Галилеи. По евангельской легенде, жители города, погруженные в свои торгово-промышленные интересы и суетные заботы, остались глухи к проповеди учения Иисуса Христа, который предрек городу гибель (Матфей 11, 23). Вскоре Капернаум был совершенно разрушен.

³⁶ Максимов Д. Брюсов: Поэзия и позиция. Л., 1969. С. 148.

³⁷ Дневники. С. 107.

³⁸ Позже Самыгин склонен был считать выступления в «Северных цветах» подлинным началом своей литературной деятельности (см. об этом в его заявлениях во Всероссийский союз писателей от 16 января 1928 г. — ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 12).

³⁹ Мизгайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1895. № 2. С. 152 (2-й пагинации).

⁴⁰ Русское богатство. 1899. № 9 (12). С. 37 (2-й пагинации).

⁴¹ Дневники. С. 52. О статье Самыгина см. п. 23, прим. 3.

⁴² Рецензия за подписью Ю-нъ на сб. Криницкого «Чающие движения воды» // Новое время. 1903. № 9870. 27 авг. (иллюстрированное прибавление, с. 8).

⁴³ ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1150. На экземпляре книги дарственная надпись автора: «Старому другу и любимому поэту Валерию Яковлевичу Брюсову, который найдет в этой книжке свои стихи. Марк Криницкий. 8 июня 1903 г.»

⁴⁴ Весы. 1904. № 5. С. 53—54. Еще раньше, в 1903 г., Брюсов написал рецензию на книгу «Чающие движения воды» для № 9 «Нового пути», но в последний момент по невыясненным причинам просил П. П. Перцова «вынуть и разобрать (...) статейку о Криницком», так как «она не могла еще быть напечатана» (ЛН. Т. 27—28. С. 294). Текст «статейки» неизвестен.

⁴⁵ РМ. 1908. № 4. С. 71 (3-й пагинации).

⁴⁶ ЛН. Т. 92, кн. 1. С. 110.

⁴⁷ 27 января 1901 г. Самыгин сообщал Брюсову: «Лавры Вересаева не дают мне спать: теперь я пишу, вернее оканчиваю писанием «Записки педагога средней школы». Второе заглавие этой повести из гимназического быта, законченной к началу 1902 г., — «Плевелы» (см. п. 34, прим. 3).

⁴⁸ ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 20. Л. 8. Брюсов допустил в письме неточность: Самыгин преподавал в Коломне не в реальном училище, а в гимназии.

⁴⁹ Спустя четверть века Криницкий писал: «После 1905 года мои общественно-политические симпатии приобретают большую определенность, диктуемую не личными привязанностями, а гражданскими мотивами» (ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 12). О переходе Криницкого после революции 1905 г. на более левые позиции свидетельствует, в частности, его письмо от 6 октября 1908 г. к А. С. Глинке-Волжскому в ответ на приглашение последнего сотрудничать в журнале «Северное сияние»: «Уверей, что, хотя и без определенного направления, Ваш журнал тем не менее не будет политически реакционным и в него не будут допущены сотрудниками лица, участвующие в органах печати, санкционирующих висилицу (...) и потому охотно буду у Вас сотрудничать» (ЦГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 237). Но вскоре, в письме от 16 ноября 1908 г., Криницкий отказался от участия в журнале, заявив, что он «против всякой травли национальностей, хотя бы это совершалось и в очень замаскированной форме», и что помещение произведений, отражающих подобные взгляды, в № 1 «Северного сияния» закрывает для него вход в этот журнал (Там же). Общественно-

политическая эволюция Криницкого сопровождалась и постепенным его отходом от религиозных основ мировоззрения.

⁵⁰ Переход Криницкого из правых или модернистских журналов в издания типа «Мира божьего» не был одиночным явлением в тогдашней литературной жизни. Критик Н. Я. Абрамович (Н. Кадмин) в статье «Журнальная беллетристика» отметил, что «в большинстве наших толстых ежемесячников с 1906 года появляются имена писателей, бывших еще так недавно за непереходимой стеной, в чуждом и даже враждебном лагере. Беллетристы и поэты из «Вопросов жизни», «Весов», «Нового пути», органов самодовлеющего и неслужебного искусства, находят приют в «Мире божьем», «Образовании» и «Русской мысли» (Новая книга. 1907. № 12. 30 сент. С. 1). Но любопытно, что Абрамович в перечне писателей, пришедших в демократические и либеральные журналы из модернистских изданий, рядом с Марком Криницким и Борисом Зайцевым назвал и Валерия Брюсова, который с 1907 г., проявляя нередкую для него непоследовательность, также перестал избегать сотрудничества в таких ежемесячниках, как «Образование», «Современный мир», «Трудовой путь».

⁵¹ Вesy. 1908. № 2. С. 82.

⁵² РМ. 1908. № 4. С. 71—72 (3-й пагинации).

⁵³ Вesy. 1908. № 2. С. 82, 81.

⁵⁴ Журнал журналов. 1915. № 23. С. 10—11. Впоследствии в «Литературной энциклопедии» Криницкий был аттестован как «один из типичных беллетристов «легкого жанра», близкий Арцыбашеву». В энциклопедической заметке говорилось, что «почти все произведения Криницкого посвящены описанию быта и жизни дореволюционного мещанства, изображенных им с неизменным подчеркиванием интимно-эротических сторон (...) Многочисленными описаниями адюльтеров романы Криницкого отвечали запросам обывателя-мещанина эпохи между двумя революциями...» (Лит. энциклопедия. 1931. Т. 5. Стб. 588). Эта заметка несомненно огрубляла и вульгаризировала облик Криницкого-писателя. Неудивительно, что он протестовал против содержащихся здесь утверждений и заявлял: «Я посвятил свою литературную деятельность этого периода как раз разгрому идеологических и бытовых установок этого обывателя-мещанина» (ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 13).

⁵⁵ Рецензия Горького на кн.: Криницкий М. Рассказы. Изд. «Шиповник», 1912. Т. III. // Современник. 1913. № 1. С. 377 (вошла в кн.: Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941). Неодобительно отозвался Горький и о повести Криницкого «Молодые годы Долецкого» (письмо к А. В. Амфитеатрову от 24 июля 1911 г.). Амфитеатров в письме к Горькому от 22 июля оценил повесть еще более сурово: «Оригинальности ни капли (...) Знания жизни ни малейшего» (ЛН. Т. 95. С. 326.).

⁵⁶ Веселовский Н. Уберите рабынь! (О Марке Криницком) // Свободный журнал. 1915. № 12. С. 127—128.

⁵⁷ См.: Абрамович Н. Я. (Н. Кадмин). О художественном письме в современной беллетристике // Образование. 1908. № 6; Васильев Ю. «Мертвые души» (искания «современной души» в романах З. Гиппиус и Марка Криницкого) // Путь. 1912. № 10—11.

⁵⁸ О переменах, происходивших накануне Октября в политическом сознании и позиции Самыгина, свидетельствует его запись от 26 августа 1917 г.: «Чувствую себя как новорожденный. Хочется не повторять старых ошибок. У меня нет камня за пазухой. Примите меня как младенца, — и тогда не ошибетесь и Вы» (Альбом А. С. Балагина со стихотворениями и автографами писателей // ЦГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 16).

⁵⁹ См. список членов Московского Союза советских журналистов. — ЦГАЛИ. Ф. 1600. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1—5. О составе и деятельности Союза см. сообщения А. Л. Евстигнеевой «Стоя по моим убеждениям на платформе Советской власти...» (Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1978).

⁶⁰ ЦГАЛИ. Ф. 1600. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 11. Такая формулировка повторяется во многих аналогичных заявлениях членов секции.

⁶¹ Воронский А. Без дороги // Рабочий край. Иваново, 1919. № 4. 5 янв.

⁶² См. статью Андрея Белого «Из хроник московской жизни. Дворец искусств» // ЦГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 10.

⁶³ Ройzman М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 31—32, 38, 239.

⁶⁴ См. кн.: Русский советский театр, 1917—1921. Л., 1968. С. 182—184, 186, 189, 190. Пьеса «Новый фронт» была впервые напечатана в «Вестнике театра» (1921. № 87—88 и № 89—90). Вместе с другими пьесами вошла в кн.: Криницкий М. Новый народный театр. Харьков, 1923. О работе Криницкого в Масткомдраме см.: Нежный И. Былое перед глазами: Театральные воспоминания. М., 1969. С. 109, 116, 119—121.

⁶⁵ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 3. С. 95.

⁶⁶ Заявление Криницкого во Всероссийский союз писателей от 16 января 1929 г. (ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 12). В другом его заявлении говорится: «Пишущий эти строки гордится, что на волжских агитпароходах 1922 года играли с остановками в населенных пунктах почти исключительно его пьесы: «Огненный змей», «Новый фронт» и «Урок трудовой грамоты» (Там же. № 13).

⁶⁷ См. рецензии Я. Григорьева (На лит. посту. 1928. № 6), Е. Рамма (ПР. 1928. № 4), И. Гроссмана-Роцина «О «дураках» и классовой борьбе в литературе» (На лит. посту. 1928. № 9).

⁶⁸ Протокол № 28 заседания правления ВССП от 16 октября 1931 г. (ИМЛИ. Ф. 157. Оп. 1. № 28).

⁶⁹ ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 13. В своем заявлении Криницкий писал: «... я считаю состав персональной комиссии ВСПИ вряд ли компетентным в вопросе о выдаче мне литературного паспорта, писателю с 37-летним стажем, к тому же имеющему революционно-литературные заслуги за период от 17-го до 22-го гг., когда некоторые из старых писателей, членов нынешней персональной комиссии, «высокохудожественно бездействовали», разделяя элостный предрассудок, имевший место, в особенности в 19—22 гг., что для «настоящей» художественной литературы еще не пришло время. Литературный жанр, служивший в то время непосредственно целям революционно-политической агитации, получил презренную кличку «агиток», что не помешало последним, следуя примеру т. Демьяна Бедного, занять свое, смею сказать, почетное место в истории послеоктябрьской революционной литературы».

⁷⁰ См. заявление в Секретариат Оргкомитета советских писателей от 10 сентября 1933 г. (ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. 629) и «Протест в Организационный комитет Союза советских писателей (против ошибок литературного руководства)» от 25 мая 1934 г. (ИМЛИ. Ф. 374. Оп. 1. № 14).

⁷¹ ГБЛ. Ф. 198, 4.26. Цитируемым словам в подписи предшествует такая автохарактеристика: «Решивший хребтовые проблемы эпохи, создатель советского театра, оставшегося в моих папках (8 пьес!)».

⁷² Письмо Самыгина к Е. Ф. Никитиной от 19 июля 1942 г. (ГБЛ. Ф. 198, 4.30. Л. 1).

⁷³ Сообщено автору данной статьи Горьковским отделом ЗАГС в письме от 2 октября 1981 г.

1

15 июля (18)97 г. Останкино

Дорогой друг!

Я не напишу Вам больше восторженного письма ¹: те минуты прошли, и я опять холодно и спокойно смотрю на свою жизнь ². То, что Вы мне писали, конечно, сознаю я и сам ³, но ведь не испугают же меня так называемые «мелочи жизни».

Не легкокрылых грёз, детей полночной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных ⁴.

Это — слабость. Можно, я это утверждаю, стоять выше людских сует, забот юдольных, и не бояться их — можно! «Жизнь с приключениями» — я ее веду вот уже лет десять, а к чему сводятся все эти приключения? — единственно к лживому «люблю». О, много красивых сцен! клятвы, слёзы, проклятия, — то ночь и лес, то чужой «альков», то грязный номер с пьяными песнями за стеной. Блуждать по бездне, как Бодлер.

Но если ум твой в безднах бродит,
Ища обетованный рай ⁵.

И что было бы? — Я написал бы еще книгу, а может быть две, — стихов, стихов отчаянья.

Беспощадное «поздно»
Прозвучало давно ⁶.

Я дал бы в своем пересказе Верлена, Бодлера, Баратынского, немного себя. Есть поэт Ахилл Сегард; он описывает в одном стихотворении, как он приехал однажды в Париж.

Я одинок в столице шумной,
Иду не встреченный никем ⁷.

Бальмонт смеялся над этим стихотворением, а меня оно мучило; вы представьте себе этого поэта, юношу без особого таланта, немудреного, простого, о котором все тотчас забудут после его смерти (его стихи плоховаты); и вот он идет по шумному Парижу, где миллионы людей и где он одинок.

Иду, не встреченный никем...
Чего-то жажду я безумно...
...О, где же та, кого я жду ⁸.

М. В. САМЫГИН

Фотография. 1910-е годы

Собрание К. А. Марцишевской, Москва

тырь? — это другой исход. Как Флобер. Но Аластор¹³ дух злобный; он мстит своим поклонникам. — Я много работаю над «Историей лирики»; это будет труд громадный, величайший. Он должен создать науку «истории литературы»¹⁴. Подобного ему нет, не было. Он разрастается с каждым новым шагом; годы, годы — передо мной. И неужели мне суждено будет умереть со словами Бокля: «Книга, моя книга, я никогда не окончу ее!»¹⁵ Да, это «моя книга». Пока еще меня волнуют думы, я пишу повести, поэмки, стихи, но если б я обладал совершенной волей, я весь отдался бы своему труду, весь. — Вечно читая «старых мастеров», я перечел недавно Бальмонта. Он еще понятен мне, я понимаю, чем он восхищается, но все это чуждо мне — чуждо совсем. Что будет, когда мы встретимся с ним¹⁶. Мы не поймем друг друга. Мы стали разными людьми.

Но я искушаю Ваше терпение. Обещаюсь следующее письмо написать разумно: есть два вопроса, отвлеченных, о которых мне хочется с Вами поспорить. Книгу Вашу посылаю сегодня¹⁷. Хотелось бы увидеться с Вами, но, вероятно, ко времени нашего «свадебного путешествия»¹⁸ Вас уже не будет в Пернове¹⁹. Много хлопот по венчанию: я — студент, а она австрийская подданная, и вдобавок — католичка.

Ваш Валерий Брюсов

Жизнь мою отдаю я тебе,

Жизнь мою.

Верю: верить хочу я судьбе;

Я — люблю.

Знаю, ждет меня много и слез...

Знаю. Пусть.

Я готов ради пламенных грез

Ведать грусть.

Если даже раскаянья миг

Мне сужден,

Слабой платой восторгов моих

Будет он²⁰.

В. Б.

Но разве нельзя быть одиноким, женившись? — О, какой грубый вопрос, как он резко врывается в мои думы. Я ничего не утверждаю. Простите. Я сегодня совсем бессистемно болтаю, и этого письма не следовало бы посылать. Помните у Фофанова?

И молча мне больно,

И сердце обиды людские шутя переносит.

Довольно! довольно!

Душа утомилась и только забвения просит!⁹

Меньше всего я могу сказать, что утомился. Напротив, я начинаю новую жизнь. Клянусь, это возрождение.

Но краски чуждые с годами

Спадают ветхой чешуей¹⁰.

«Того, что я писал, назад я не беру»¹¹ — но я не написал бы многого теперь. Даже «Me eum» далеко от меня¹². — Я всё говорю о себе. Не сердитесь. Так много идей, образов, матерьялов, — что я мог бы безостановочно работать много лет. Заточиться в монастырь.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 3—4об.

¹ «Восторженное письмо» Брюсова, написанное, вероятно, в конце июня 1897 г., до нас не дошло. О настроении, нашедшем отражение в нем, свидетельствует дневниковая запись Брюсова 27 июня 1897 г.: «Жить вместе с той, кого я люблю безмерно, встречаться с ней каждый день, ждать и верить, что скоро она будет моей,— это такое счастье, что я плохо представляю его себе. Что, если Эда умрет. Ужас, ужас думать» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 29). Эда — прозвище, которое Брюсов дал своей будущей жене, Иоанне Матвеевне Рунт.

² 8 июля 1897 г. Брюсов записывает в дневнике: «Душа — в равновесии. Волнения минули. Восторженное письмо, посланное Самыгину, кажется смешным. Любви в сердце нет. Но это ничего. Я все же женюсь. Я избавлюсь этим от любовей, от любовниц и от своей семьи. Прощусь с моей юностью, с безумными надеждами, с безумной жизнью. Тихая работа над Историей лирики, спокойные замыслы повестей и драм, изредка лирический порыв. Да будет!» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 30об.).

³ Отвечая на «восторженное письмо», Самыгин писал 5 июля 1897 г.: «Радость Ваша, мой друг,— радость моя. Ваши надежды — вместе и мои. Но горе путнику, принимающему за действительность случайную и прихотливую игру лучей. Нам нужны действительные колодцы, а не пустой призрак, действительная прохлада лесов, а не обманчивая тень, и призраки каменных громад только предвестники страданий и гибели утомленного сердца».

⁴ Из стих. Баратынского «Толпе тревожный день приветен...».

⁵ Из стих. Ш. Бодлера «Эпиграф к одной осужденной книге» в переводе П. Якубовича (Бодлер. Стихотворения. М.: изд. Петровской библиотеки, 1895. С. 104).

⁶ Неточная цитата из стих. Брюсова «После ночи бессонной...» (1895), вошедшего в *ChdO* 2. В сборнике 2-я строчка: «Прозвучало, как гром» (1, 122).

⁷ Ахилл Сегард (Achille Segard) — французский поэт, автор сборников стихотворений: «*Nymphes profanes*» («Нечестивые гимны»), 1895 и «*Le départ à l'aventure*» («В путь наугад»), 1897. В записных книжках Брюсова «Мои стихи» имеются относящиеся к 1895 г. переводы стихотворений Ахилла Сегарда «Весь день в моей душе дрожит воспоминанье...» (ГБЛ. Ф. 386, 14.5/3. Л. 27об.—28) и «Я одинок в столице шумной...» (Там же. 5/5. Л. 19).

⁸ Из стих. «Я одинок в столице шумной...».

⁹ См. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 40, прим. 1.

¹⁰ Из стих. Пушкина «Возрождение» (1819).

¹¹ Первая строчка Брюсовского перевода стих. Верлена «*Rompons! Ce que j'ai dit je ne le reprends pas*» из сб. «Счастье» (1891). См.: Верлен П. Собр. стихотв. в переводе В. Брюсова. М.: Скорпион, 1911.

¹² В ноябре 1897 г. Брюсов написал стих. «По поводу "Me eum esse"», в котором утверждал, что «эти звенящие строки» теперь от него «далеки» (I, 201). Стихотворение (с первоначальным заглавием «Искушения») он послал Самыгину в письме от 15 ноября 1897 г. (п. 9).

¹³ Аластор — в греческой мифологии — демон мщения, преследующий за преступление; по другой версии — злой дух, толкающий на преступление.

¹⁴ О работе Брюсова над «Историей русской лирики» см.: *Неосуществленный замысел*.

¹⁵ Слова, повторявшиеся в предсмертном бреду английским историком и социологом Генри Томасом Боклем (1821—1862). Автор двухтомной «Истории цивилизации в Англии» (1858—1861), он собирался написать и полную историю цивилизации всего человечества.

¹⁶ Балыон был в это время (с сентября 1896 г. по ноябрь 1897 г.) за границей.

¹⁷ Самыгин в письме от 5 мая 1897 г. обратился к Брюсову со следующей просьбой: «Книжку о Ницше, рекомендованную Фриче, не забудьте выписать для меня и поскорее, чтобы к моим каникулам она могла уже прибыть» (возможно, речь идет о немецкой книге А. Рилья, упоминаемой Брюсовым в письме от 14 января 1898 г.— см. п. 13, прим. 3).

¹⁸ Свадьба Брюсова и Иоанны Матвеевны Рунт состоялась 28 сентября 1897 г. После венчания они уехали в Петербург.

¹⁹ Лето 1897 г. Самыгин проводил в курортном городе Пернове Лифляндской губ. (теперь — Пярну Эстонской ССР). Брюсов увиделся с ним 9 августа 1897 г. в Москве.

²⁰ Из неопубликованных стихотворений Брюсова («Мои стихи». Записная книжка № 8 — ГБЛ. Ф. 386, 14. 5/8. Л. 22).

2

(Москва. Начало июля 1897 г.)

I

Прочел «Ольгушку из Подъяческой» (М. Северной) ¹. У автора есть средства для того, чтобы писать, есть умение, — но то, что я прочел, не драма и даже не истинно художественное произведение. Это сцены из жизни — и только. Нет здесь того, что мы с Вами в наших спорах называли идеей, такая идея дает цельность произведению, через нее оно получает начало и конец — в «Ольгушке» этого нет: она может начаться раньше первого действия, можно к ней присоединить 4-ое действие (ведь читатель не обязан верить, что минутная вспышка любви у Ольгушки перейдет в твердое постоянное чувство).

II

(...) Вы сравниваете эту вещь с «Евгением Онегиным» по фабуле. Вот в чем разница и вот почему в «Евгении Онегине» есть драма, а в «Ольгушке» нет или, кажется, нет.

Онегин и Татьяна оба правы (в мире драм, по словам Лира, нет виноватых), в «Ольгушке» есть виноватый, это Миколай. Зритель не сочувствует ему, не любит его, да и автор его не любит, а это уже преступление — поэт только того изображает художественно, кого любит. «Ольгушка» оставляет неприятное ощущение. «Ах, думаешь, ну чего он этот Миколай, женился бы и все бы хорошо». Какая же драма, если вся она построена на недобросовестности Миколая. Истинно драматическое заключается в столкновении с высшей силой, с роком. И этот Рок так и напрашивается в эту драму. Зачем было делать из Миколая обольстителя. Он мог искренно любить Ольгушку и искренно быть убежденным, что он не может на ней жениться, что уж таково устройство белого света, которого не переделаешь. Тогда было бы драматическое положение. Ольгушка по убеждениям своим, по душе своей жаждет быть женой Миколая и иначе любить не может. Миколай по убеждениям, по строю души своей думает, что Ольгушка должна любить его так, без брака, что жениться они не должны. Оба считают себя правыми, оба винят другого, и вот истинная коллизия. [Вместо этого перед нами Миколай, который и сам полагает, что он поступает нехорошо, и Ольгушка, которая борется с злым обольстителем.]

Как только в Миколае есть хоть какое сознание, что он поступает дурно, драма исчезает. Мне скажут, что моя схема не соответствует жизни. Может быть — но из подражания жизни выйдет только фотография, а не драма, — фотография и вышла. Замечу впрочем, что местами Миколай приближается к тому, чем я его желал бы видеть, некоторые его речи носят отпечаток искренности, и это одно несколько спасает пьесу.

Первый фрагмент — ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 43 — отрывок из письма, переписанный И. М. Брюсовой, с пометками: «Письмо к Самыгину» и «См. Неизданные рассказы, папка «Отрывки разных рассказов». Второй фрагмент — ГБЛ. Ф. 386. 3.9. Л. 46об.—46 (в порядке обратной нумерации) — отрывок из черновика, находящегося в записной тетради № 30. Предыдущие листы отрезаны. Датируется по месту чернового текста в записной тетради, относящейся к первой половине 1897 г. На том же листе 46 находится черновик письма к Эде (см. п. 1, прим. 1) от 1 июля 1897 г.

¹ Северная М. Ольгушка из Подъяческой. Драматический этюд в трех действиях. (Посвящается тульским ремесленникам). Тула, 1896. Упоминается Брюсовым в «Списке моих книг» с пометой: «От М(ихайла) С(амыгина) 1897 г.» (ГБЛ. Ф. 386, 117.34).

В письме от 30 октября 1896 г. из Тулы Самыгин писал: «Здесь живет очень талантливая драматическая писательница Мария Северная, уже пожилая особа, школы Островского. Я с ней познакомился и надеюсь сойтись ближе: очень замечательная женщина».

В том же 1896 г. в Туле вышла ее книжка «Драматические произведения из народного быта». Произведения М. Северной печатались и в периодических изданиях (напр., пьеса «Бабыя доля» в «Отечественных записках» — 1880. № 7).

Еще в первые годы после Октября на сцене Театра Рогожско-Симоновского совета шла пьеса Северной «Никудышкины и солидные люди» с участием артиста Малого театра Н. К. Яковлева (см. в кн.: Каерин Ф. Н. Воспоминания и театральные рассказы. М.: ВТО, 1964. С. 94—95).

3

26 июля (18)97 г. Останкино

Друг мой! искренний! близкий!

Буду говорить с Вами так откровенно, как не всегда говорят наедине с собой, — постараюсь ответить на все Ваши сделанные и подразумевавшиеся вопросы¹.

Вот прежде всего характеристика моей будущей жены. Она — не из числа замечательных женщин; таких, как она, много; нет в ней и той оригинальности, того самостоятельного склада души, которому мы с Вами дивились в письмах Евгении Ильиничны². Это — вполне романский характер. Она была воспитана,

26 июля 97. Останкино.

Друг мой! некрестный! близкий!

Буду говорить о Вас как только откровенно, как же всегда говорил наедине с собой, — по старинке оповещать нас все Ваши сдвиги и подрагивавшиеся вопросы.

Вот прежде всего характеристика моей будущей жены. Она — не из тех жалких белых француженок; таковы, как она, много: есть в ней и той оригинальности, того самостоятельного склада души, которому мы и Вами удивлялись. В тебяр Ев. Кибичкина. Это — вполне романский характер. Она была воспитана, как в монастыре, проникнута идеями единой папской церкви и в поэзии читает *l'ars poétique*. Буало, из которого знает длинные цитаты наизусть. Она догматична, как в монастыре, проникнута идеями единой папской церкви и в поэзии читает *l'ars poétique*. Буало, из которого знает длинные цитаты наизусть. Она догматична.

ПИСЬМО БРЮСОВА М. В. САМЫГИНУ

Автограф. Останкино, 26 июля 1897 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

как в монастыре, проникнута идеями единой папской церкви и в поэзии читает «*Ars poétique*» * Буало, из которого знает длинные цитаты наизусть. Она догматична, наивна, но — как всё романское — склонна к мимолетному безграничному протесту (это не значит капризна). (Ибо что такое романский дух? Это Век Людовика XIV, *l'état c'est moi* **, и революция; это лжеклассицизм и символизм; это папство и низвержение христианства). — Добавлю еще, что далеко не красива и не слишком молода (ей 21 год); впрочем, Вы с ней встречались.

Да, этот брак не будет тем идеальным союзом, о котором Вы проповедуете.

* Поэтическое искусство (лат. — франц.).

** государство это я (франц.).

Избранница, которая была бы равна мне по таланту, по силе мысли, по знаниям — вероятно, это было бы прекрасно. Но можете ли Вы утверждать, что я встречу такую и что мы полюбим друг друга? А, может быть, возненавидим? Да и то, вспомните Жорж Занд и Альфреда де Мюссе³. В прошлом у меня были подруги, которые стояли выше других женщин. Мне случалось проводить ночи с женщиной, которая рифмовала не хуже меня, и на постели мы вперегонки слагали строфы шуточных поэм. Наконец, та же Евгения Ильинична, со своими мучительными думами о счастье людей, о добре, о боге. Но ни одну из таких я не желал бы иметь постоянной подругой. Все они, самостоятельные, талантливые, — всё же (Вы поверите!) ниже меня, всё же в умственной сфере я должен к ним спускаться. И это вечное положение наставника, с которым спорят и которого осуждают (потому что меня не поймут никогда), и они бы стали оценивать мои стихи! — для меня невыносимо. Я предпочитаю, чтобы со мной было дитя, которое мне верит. Мне нужен мир, келья для моей работы, а там была бы вечная, и для меня бесплодная, борьба.

Видите, что этот брак почти «по расчету». Но, конечно, не в этих доводах все дело! Есть один великий довод, перед которым все остальные ничто: это — любовь, ее любовь. Неужели же в нелепой гордости мне пройти мимо, повторяя себе: «о, этого я найду сколько угодно». Слушайте, вот цитата из Метерлинка: «Будь я Микель Анджели, Паскаль или Платон, и если бы моя любовница говорила мне о своих серьгах, — все равно все слова и ее и мои были бы только призраками. Думаете ли вы, что нам нужны высокие слова, когда душа глядит в душу? нет, я не знаю столь дивной мысли, чтобы она смела поднять голову перед таинством Любви»⁴.

Я очень дорожу Вашим мнением, Михаил Владимирович, мне было бы очень больно, если б Вы нашли, что я поступаю безрассудно. Боже мой, ведь не «ослеплен же я страстью». Это смешно. Десять лет я веду пышную жизнь неоромантика, бездельничающего поэта, довольствующегося строфами о своем настроении. Но Вы знаете, что этого мне не нужно.

Не нужна мне жизнь волнений,
Солнца блеск и волн прибой,
Ты всегда со мной, мой гений,
Я везде, всегда с тобой!⁵

Так много планов, так много замыслов передо мной! Чтобы исполнить все, конечно, жизни не хватит⁶. И вот я замыкаюсь в мою семейную келью. — Вы скажете, что я много говорю о себе, а не подумал о том, что нужно ей. Неправда, подумал и думаю. Я вовсе не хочу заставить ее жить только моими радостями. Я люблю жизнь, обыкновенную, общую, хотя, правда, больше, как наблюдатель. Ведь не скучал же я, проводя с Еленой вечера в кабаках⁷. О, во мне достаточно молодости, чтобы дурачиться и веселиться, как школьнику. Вы еще скажете, что я должен «учить» ее. Да, — в пределах. Теперь мы читаем Шекспира, когда-нибудь будем читать Метерлинка. — Но в конце концов Вы правы, — я больше думаю о себе. Мой девиз в этом браке слова одного английского писателя: «Не надо бросать светильник за то только, что это не солнце»⁸.

Душою Ваш Валерий Брюсов

Р. S. Ваше письмо принесло Жанне много печали⁹. Она просила его прочесть, потому что читала предыдущее. Я подумал и дал. Думаю, что так и надо было.

Р. P. S. Ваш адрес не изменяется?

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 5—7об.

Напечатано (с пропусками, без указания имени адресата) в статье И. М. Брюсовой «Материалы к биографии Валерия Брюсова» (*Брюсов В. Избр. стихи. М., Л.: Academia, 1933. С. 126—128*).

¹ В письме от 19 июля 1897 г. Самыгин просил Брюсова написать подробнее о предстоящем браке и о его будущей жене: «Я знать хочу, в чем тайная сущность гармонического

союза души Вашей с Вашей избранницей? Чего надеетесь Вы достигнуть в союзе с ней и для чего этот союз? Я не могу допустить, чтобы он был данью людской пошлости».

² В архиве Брюсова хранится 27 писем Е. И. Павловской (ГБЛ. Ф. 386, 97.26—27).

³ Любовь Жорж Санд и Альфреда де Мюссе, в которой бурные конфликты многократно чередовались с примирениями, закончилась разрывом. Впоследствии Брюсов опубликовал рецензию на книгу «Correspondance de George Sand et d'Alfred de Musset» («Переписка Жорж Санд и Альфреда де Мюссе»), Bruxelles, 1904. «В этой любви, — писал Брюсов, — была заложена трагедия, которая могла разрешиться только гибелью одного из двух» (Весы. 1904. № 7. С. 63).

⁴ Неточная цитата из статьи «О женщинах» в философской книге М. Метерлинка «Сокровище смиренных». Еще в 1896 г. Брюсов прочитал в № 2 «Северного вестника» три этюда Метерлинка, составивших заключительную часть этой книги. Свое впечатление он сформулировал в записи 6 марта: «Странно — вся эта Незримая Доброта, Внутренняя Красота etc. производят на меня впечатление скрытой поэзии» (Дневники. С. 24). В 1897 г. Брюсов причислял «Сокровище смиренных» — наряду с Библией и Вергилием — к своим любимым книгам (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 21). 18 марта он записывает в дневнике: «Я читаю книгу Метерлинка, но я уже знаю ее. Я прочитываю страницы, которые уже предчувствовал» (Там же. Л. 160б.). Брюсов намеревался перевести эту книгу. В записной тетради № 33 имеется начало перевода (ГБЛ. Ф. 386, 3.12. Л. 57об.—56). У Брюсова название книги — «Сокровище униженных».

⁵ Начало неопубликованного стихотворения Брюсова, без заглавия («Мои стихи»). Записная книжка № 8 — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/8. Л. 22об.).

⁶ О планах и замыслах Брюсова в 1897 г. см.: Дневники. С. 28.

⁷ Речь идет, вероятно, о Елене Евгеньевне Коршуновой, упоминаемой Брюсовым под 1897 г. в его списках «Мои "прекрасные дамы"» (ГБЛ. Ф. 386, 1.4. Л. 2) и «Mes amantes» («Мои любовницы» — Там же. Л. 3).

⁸ Источник цитаты не установлен.

⁹ Вероятно, имеются в виду такие утверждения, содержащиеся в письме Самыгина от 19 июля: «Женитьба есть акт гражданственный, условный, т. е. самое худшее и скучное из всего того, что наполняет теперешнюю Вашу жизнь. Правды, высшей философской правды, не знаю я еще в Вашем союзе, той правды, во имя которой мы — друзья!».

4

(Останкино. 4—5 августа 1897 г.)

Мой светлый друг! мой близкий!

Мы, действительно, сидели рядом, читая Ваше письмо ¹ (мучительно стелкающиеся аккорды из залы, изнизу), и когда я дочел последние слова, она мне сказала — «Как он всю правду пишет» ².

Я посмотрел на нее, и это были слезы на глазах. Никогда, никогда я не ожидал этого! Я был вдруг охвачен таким счастьем за нее, за Вас, за себя. Эти слезы! эти слезы! — их я ждал, их я искал!

О примите — не благодарность — какое жалкое слово — весь трепет моего сердца в эту минуту Вам — я кричу Вам — Осанна! Да благословен грядый во имя Господне.

Возьмите прочь Ваши похвалы ³. Вот он я, презренный, жалкий, с восковыми крыльями Икара. Вам хочется знать мои последние дни. Мои последние дни. Слушайте.

Я сказал себе, что она не понимает меня. И тогда я ее проклял. Проклял и стал презирать. Мы встречались и расходились ⁴.

Сущность души ее — покорность. Я возжелал, чтобы она была Антигоной ⁵, я стал требовать этого. Бедная, она подчинилась мне, и эти робкие попытки заставили меня доходить до ненависти.

Я сказал ей, что ненавижу ее. Она плакала. Еще раз я убил свое сердце и сказал, что не люблю ее, а жалею, жалею и потому не уйду. Величайшее оскорбление, до которого может додуматься человек.

Что я хотел? — не знаю. Я хотел прошлого, мною уже навсегда осужденного, я хотел того, выше чего сам стоял давно. Закрыв глаза, я кричал «хочу».

Вы не знаете Аннунцио? Это великий поэт, великий, — но это позорнейший из людей ⁶. Я воздвигнул ему алтарь, как художнику, Вы убьете его как хулителя Духа Свята.

О Метерлинк! ⁷ Он еще часто блуждает, в его младенчески светлом лепете

Г. Д. АННУНЦИО
Рисунок Е. Лильена
«Весы», 1906, № 9

еще слышатся отзвуки пышных украс Сен *-Поль-Ру *, последнего из парнасцев. «Взгляд до разлуки назад». Но он светел! Уже переступил он через грань тени и лишь обернулся. Солнце!

Тогда пришло Ваше письмо, нужное, желанное, вовремя. Тонкие абрисы листьев колыхаются на верхних, вытянутых ветках... Небо бледнеет перед вечером... Эта даль этих высот так бесконечна, так прозрачна. — Все возможно! все доступно! — Осанна в вышних.

В. Б.

Записная тетрадь № 32 — ГБЛ. Ф. 386, 3.11. Л. 25—24.

Черновик. Ответ на письмо Самыгина от 31 июля 1897 г. Датируется по месту в тетради: следует за письмом «к Жене. 4 авг(уста)». В той же записной тетради несколькими страницами дальше (л. 19—18) содержится черновой текст еще двух эпистолярных фрагментов (без даты), обращенных, очевидно, также к Самыгину. Здесь они даны в приложении.

¹ В письме от 31 июля 1897 г. Самыгин писал Брюсову: «И вот Вы спрашиваете меня, и та, которой надлежит

быть Вашей неизменной подругой, сидит возле и слушает».

² В письме Самыгина содержались, например, такие утверждения о браке, которые могли произвести сильное впечатление на невесту Брюсова: «Союз душ, каких бы то ни было, есть соглашение двух путников среди глубокого мрака, среди пропастей и расселин показывать друг другу правильную дорогу к спасительному пристанищу. Любовь есть доверчивая просьба дать блаженство, провести среди ужасов постоянных разочарований жизни в спасительное прибежище вечной правды (...) О, как я желаю Вам этого счастья — вместе жить, думать и чувствовать. Для этого ей нужно быть такою же сильною, как Вы. Правда божия не чужда и слабым (...) Не бесшабашного веселого житья-бытья ждет от Вас Ваша Жанна, она ждет, как и всякая живая душа, помощи Вашей пробиться к вечно желанному свету».

³ Самыгин писал Брюсову: «Будьте же всегда таким добрым и хорошим, каким Вы мелькнули передо мною в Вашем последнем письме».

⁴ В конце июля и начале августа 1897 г. в дневнике Брюсова очень часто встречаются записи о его ссорах с Жанной Рунт, которые сменялись примирениями («Моя жизнь», ч. XI — ГБЛ. Ф. 386, 1. 14/2).

⁵ Антигона — героиня трагедии Софокла, благородная, готовая на всякое самопожертвование дочь фиванского царя Эдипа, последовавшая за ним в изгнание и посвятившая себя заботам о несчастном, слепом отце.

⁶ Габриеле Д'Аннунцио (1863—1938) — итальянский писатель, автор романов и драм, проникнутых декадентскими и ницшеанскими мотивами; основной герой его произведений — эстет-аморалист. Брюсов перевел несколько стихотворений Д'Аннунцио, а позже (в 1907—1908 гг., совместно с Вяч. Ивановым) его трагедию «Франческа да Римини».

⁷ Творчество Мориса Метерлинка (1862—1949) оказало сильное воздействие на молодого Брюсова (см. прим. 18 к вступительной статье, а также п. 3, прим. 4). В 1897 г. Брюсов собирался написать статью о Метерлинке (намечаемые названия: «Философия Метерлинка» и «Мистическая мораль») для своих неосуществленных сборников «Философские опыты» и «Опыты философские и литературные». Стихи Метерлинка Брюсов начал переводить уже в годы выпуска «Русских символистов» (1894—1895). Еще в 1892 г. он перевел пьесу Метерлинка «L'Intruse» («Втируша» — автограф перевода см.: ГБЛ. Ф. 386), а впоследствии (1907) его драму «Пеллеас и Мелизанда».

* у Брюсова, вероятно, описка: Жан-Поль Ру.

⁸ Французский поэт *Сен-Поль-Ру* (1861—1940) начинал как парнасец, затем стал символическим, а в XX в. способствовал развитию реалистических тенденций французской поэзии. Брюсов называет его одним из участников «первых боев» символизма с защитниками «старого» (*ПСС XXI*, С. 229).

Приложение к п. 4

В отчаянии Вы готовы были вернуться к дуализму ¹ ... Если хотите, да! — но не в декартовской форме тела и духа, а в противоположности Единства и Множественности. Мы не можем мыслить одно Единство, ибо тогда «я» было бы богом и не было бы вопроса. Но мы не можем и не мыслить Единство, как это Вы сами понимаете (см. письмо 1) ².

Явилась множественность («явилась», конечно, не в смысле начала, времени). и создала мир явлений. Индивидуальное «я» есть причина майи ³. Нет надобности искать, что такое тело, надо искать, что такое я, как могут существовать два я. Начала, дробления не было, уже потому, что время есть тоже майя. Безумно ждать, что некогда все вновь сольется в Единое. Противоположность Единого и Множественного первична, неустранима, сама по себе составляет сущность.

I

Я формулирую все то, что утверждал в нашем последнем споре ⁴, что яснее понимал, вернувшись домой, в тиши книг и одиночества.

Прежде чем начинать какое бы то ни было исследование, человек должен верить, что он может исследовать, что у него есть для этого средства, способность, орган. Или не должно рассуждать вовсе, или должно верить, что мы можем постичь истину.

Частичной истины не может быть. Постигнув часть истины, мы постигаем все. Или человек может постичь сущность бытия или ничего. *Tertium non datur* *. Я верю, что мир, как он есть, вне его отношений, — будет мне ясен, откроется мне, я его восприму в свою душу... ⁵

Вы возразите, что все же это будет мир в его отношении ко мне. Нет, ибо я — необходимое звено мира; без меня он был бы неполон, он не был бы этот (?) путь к постижению.

Все силы мира, все есть во мне. Говоря языком Спинозы — в каждом модусе есть все бесчисленные атрибуты субстанции. И во мне, ибо я модус. Познай самого себя, всего, — и ты познаешь всё, *λαν* ^{2*}, весь мир в его сущности. Познай, т. е. почувствуй, почувствуя всю полноту бытия.

Перечтите те стихотворения Фета, где он чувствует безмерность мгновения и равняет его Вечности (?) [Вот проникновение!]

¹ Очевидно, слова Самыгина, обращенные к Брюсову в устном споре.

² На какое письмо ссылается Брюсов, неизвестно.

³ См. п. 18, прим. 3.

⁴ Брюсов встречался с Самыгиным 9 августа 1897 г. (см.: *ГБЛ*. Ф. 386, л. 14/2, Л. 33об.).

⁵ Данный фрагмент свидетельствует о том, что в отличие от позиции большинства «старших» символистов 1890-х годов Брюсов был далек от кантианского агностицизма.

5

(Москва.) 28 августа 1897

Я выезжаю, Михаил Владимирович, в субботу, в полдень с скорым поездом. Пользуясь Вашим приглашением, я буду у Вас в 5 час. ¹ Будем говорить о поэзии, как Вы того хотели ². Захватчу с собой повесть, хотя она этого и не стоит ³. Надеюсь, что у Вас есть много что мне прочесть. Я, после того как:

* Третьего не дано (лат.).

^{2*} всё (греч.).

мы виделись с Вами ⁴, написал только одно стихотворение; не помню, послал ли я его Вам в прошлом письме ⁵; на всякий случай переписываю еще раз (на обороте) ⁶.

Ваш Валерий Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 10—10об.

¹ В записной книжке Брюсова «Моя жизнь» (ч. XI) есть запись, относящаяся к августу 1897 г.: «30. Суббота. В Туле у Самыгина» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 34об.).

² В письме от 19 августа 1897 г. Самыгин писал Брюсову: «Привезите с собою все, что написали. Вы знаете, что я неравнодушен к Вашей поэзии. Будемте теперь пока больше говорить о поэзии, чем о метафизике».

³ Возможно, речь идет о повести «Эда», законченной 10 июля 1897 г. (первоначальное заглавие — «Первая любовь») — ГБЛ. Ф. 386, 3.12. Л. 23—42об.

⁴ См. п. 4, Приложение, прим. 4.

⁵ Такое письмо нам неизвестно.

⁶ На обороте письма текст стих. Брюсова «Мы гордо людей презираем», датированного 13 августа 1897 г. и предназначавшегося для невышедшего сборника «Сорока» (III, 245 и 596).

6

(В поезде Киев — Москва. 8—9 сентября 1897 г.)

Душа моя — в прахе, в обломках, Михаил Владимирович! В сердце — смерть. О, если б то была та смерть, без которой не оживает падшее на землю пшеничное зерно! Ее образ остался в моей памяти, отпечатлелся, как я ее видел последний раз, перед отъездом. Я уже вышел в сад, дверь захлопнулась. Она стояла у окна (слабая, так что стояла едва) и держала лампу. Я обернулся и встретил ее взор. Я иду, и она освещает мне путь ¹. Это образ для вечности *, —...И теперь! Я уезжаю в бесконечном томлении. Уезжаю, едва пробыв с ней три дня! Остаться там, бросить все, университетские занятия — да! да! — И Жанну? — Знаю, что истинный ответ — да! — Но не говорю этого... еду... — Свисток, поезд рванулся... Колеса стучат... Еду, и я это знал.

В. Б.

Он мерит всё так бережно и скудно,

Не мерят так и лютому врагу ².

Записная книжка «Моя жизнь», ч. XI — ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 36об. — с обозначением «Из письма к М. В. Самыгину». Сохранился и черновик карандашом — ГБЛ. Ф. 386, 3.11. Л. 11, 15—14об.

Датируется по содержанию: 31 августа 1897 г. Брюсов уехал на Украину, в Сорочинцы, проститься с умирающей Евгенией Ильиничной Павловской. 5—7 сентября он пробыл в Сорочинцах. 8—9-го был в пути. 10-го вернулся в Москву.

¹ 7 сентября 1897 г. Брюсов написал стих. «Лампада», посвященное Е. И. Павловской («Огонь еще горит и светит, светит нам...») — I, 200—201.

² Неточная цитата из стих. Тютчева «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (1851—1852).

7

29 сент(ября) 18)97 г. Петербург

Дорогой друг, близкий, искренний!

Как был дорог Ваш привет ¹. На свадьбе, среди шумных тостов, я прочел его всем, и он произвел впечатление. «Торжественно печальный» день миновал. Новая жизнь наступает, и мы верим в нее.

Ваш Валерий Брюсов ²

* В черновике здесь были еще следующие слова: «Говорят (и это более, чем правда), что моя любовь принесла ей много, много страданий. Так. Но и мне принесла она их много. Быть может, когда я мучил ее, избегая встреч с нею, — я избегал их именно потому, что мне мучительно было встречаться. Я сознавал (смутно, но непобедимо (?)), где мой путь, и знал, что не пойду по нему. И это было отчаянье».

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 11.

¹ 27 сентября 1897 г. Самыгин отправил Брюсову следующее письмо: «Пошлю друзьям своим, Валерию Яковлевичу и его дорогой избраннице, самое лучшее, что могу, к торжественно-печальному дню их свадьбы.

Друзья мои! Вот мое пожелание вам!

Не ходите по дороге лжи, и пусть между Вами будет всегда истина: если она не разобьет Вашу жизнь и счастье, то это будет только значить, что путь Ваш был прав.

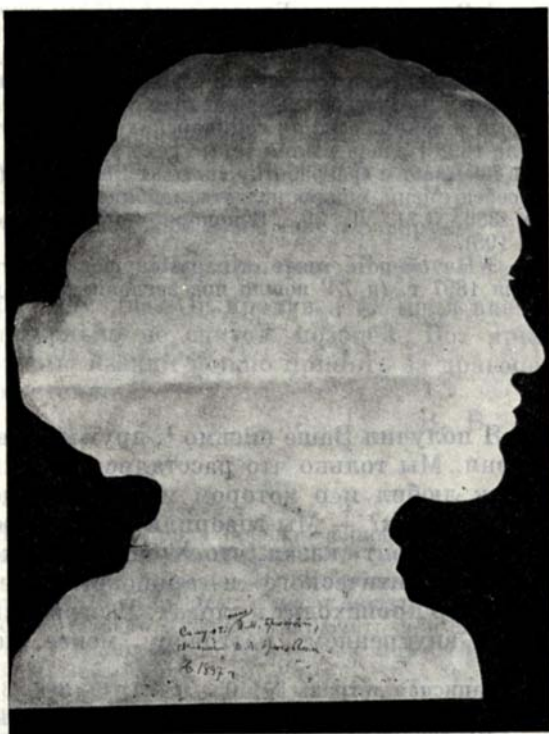
Не бегайте за лживыми приманками веселья. Рано или поздно Вас постигнет карающая рука Вашей собственной природы. Готовьтесь страдать, возьмите свой крест без боязни.

И любите друг друга нежной детской любовью.
Нас всех спасет любовь к правде и милость.

Мих. Самыгин.

Присоединяю и мое пожелание, чтобы Вам всегда было светло и радостно друг возле друга. А. Самыгина».

² После подписи Брюсова приписка рукою И. М. Брюсовой: «Благодарная Вам и Вашей жене Жанна».

СИЛУЭТ И. М. БРЮСОВОЙ

Внизу помета И. М. Брюсовой: «Силуэт-тень И. М. Брюсовой, сделанный В. Я. Брюсовым в 1897 г.»

Литературный музей, Москва

8

(Москва.) 12 окт(ября) 1897

Привет!

Видеть Вас, Михаил Владимирович, это было бы так хорошо. Вы всегда приходили ко мне в важные моменты моей жизни. Я Вас жду. — Настроение, в котором я писал Вам последнее длинное письмо, рассеялось ¹. То был тихий и светлый туман, то было ясное солнце в вышине; теперь яркий и знойный день, синее море, синее небо, разноцветно-изломанные скалы. — Адрес для писем тот же; а меня найдете Вы вот по какому адресу: угол Большой Дмитровки и Салтыковского пер., меблированные комнаты «Тулон», № 28 ².

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 13.

¹ Письмо, вероятно, не сохранилось.

² После возвращения из свадебной поездки в Петербург Брюсов с женой поселились в октябре 1897 г. в меблированных комнатах «Тулон», где жили до апреля 1898 г., когда вернулись в дом на Цветном бульваре.

9

(Москва.) 15 ноября (18)97 г.

Друг мой!

Очень простите меня, что я не пишу Вам. Наскоро — не хочу, а действительно писать — нет времени: теснит Лейбниц ¹. Скоро, однако, буду свободен.

Ваш Валерий Брюсов

На обороте стихи ².

ГБЛ. Ф. 386. 72.31. Л. 15—15об.

¹ В университете Брюсов с увлечением изучал труды немецкого философа и математика Готфрида Вильгельма Лейбница (1646—1716), написал зачетное сочинение на тему «Учение Лейбница о познании» (текст реферата см.: ГБЛ. Ф. 386, 4.28). В записных тетрадях Брюсова сохранились многочисленные варианты работы о Лейбнице и наброски к ней, далеко не исчерпанные зачетным сочинением. 23 октября 1897 г. Брюсов записывает: «Лейбниц, которым я занимаюсь для семинарских работ, дает много для души» (*Дневники*. С. 29). В феврале 1898 г., перечисляя темы трех трудов, над которыми ему «хотелось бы работать», Брюсов называет и «разработку системы Лейбница» (Там же. С. 33). В том же году Брюсов писал о себе: «Меня можно назвать лейбницианцем, я исхожу из прозрений Лейбница» (ГБЛ. Ф. 386, 3.21. Л. 39). В ноябре 1897 г. написано стих. Брюсова «К портрету Лейбница» (I, 195).

² На обороте текст стих. «Искушения (Art.-Bonheur.-Charité *)», датированного 8 ноября 1897 г. (в *TV* вошло под заглавием «По поводу "Me eum esse"» — I, 201).

10

(Москва. 21 ноября 1897 г.)

Я получил Ваше письмо ¹, друг мой, в один из наиболее горьких часов моей жизни. Мы только что расстались с Бальмонтом, с тем Бальмонтом, которого я так любил и о котором мечтал так долго. Мы расстались почти врагами. Почему? как? — Мы говорили о философских системах (?), о дуализме, о Христе. Бальмонт сказал, что Христос только [примирение] насильственное соединение «семитического» и «арийского» элементов. Я возражал. Впрочем, разве разговор происходит в словах. Разговаривают души, а слова едва соответствуют этому внутреннему разговору, менее, чем тело душе в гармонии Лейбница.

Записная тетрадь № 40 — ГБЛ. Ф. 386, 3.16. Л. 48об. Черновик. Датируется по записи о том же разговоре с Бальмонтом: «Ноябрь, 21. Мы расстались не холодно, а мрачно (...) Мы говорили о Христе. Бальмонт назвал его лакеем, философом для нищих... Впрочем, разве разговор ведется словами. Есть беседа души. И многое было сказано...» (*Дневники*. С. 30).

¹ Очевидно, письмо от 19 ноября 1897 г.

11

(Москва.) 13 дек(абря) 1897 г.

Друг мой!

Дни ускользают, царствует Время, в свет мы еще не верим. Грустно. Если бы мы заговорили с Вами о том, что нами сделано, я бы опять стал рассказывать замыслы, читать наброски, начала...¹ Да будет благословенной борьба! она говорит, что жизнь есть. Пока борются идеи, пока настроения сменяются, пока разрушаются, как миры, целые мирозерцания, — жить еще возможно. Можно жить, — но страшно. О, как жаждешь минуты примирения. Как я ищу ее, как сознаю, что она необходима душе; я готов воскликнуть «из глубины»: — «довольно!» А смерть придет для этого существования, для этого момента, уже полного, переполненного бытием.

Умер Федор Шперк ². Это имя Вам ничего не скажет. Если что припомните, — только грубо насмешливые отзывы журналов и знакомых. Я все «собирался» прочесть книжки этого пасынка литературы, его «Философию индивидуальности», «Диалектику бытия», все эти «Аргументы и выводы моей философии». Федор Шперк умер. Розанов поместил в «Русском обозрении» (№ 11) статью, посвященную его памяти. И какой ласкающий образ возник перед читателями. Юноша, вышедший из университета, «потому что в свою живую душу не мог вбирать мертвого содержания лекций», живущий среди всеобщего отчуждения, среди лаконичного «не нужно» редакций и бесстыдных надругательств присяжной критики. «Я помню его, — говорит Розанов, — в эти годы смятенной борьбы, почти мальчика, в еще студенческом совершенно заношенном мундире, всегда с пытливым взглядом, вечно с гадающим умом...». Он рано женился. «И снова в простых, почти грубых чертах прошло здесь не

* Искусство. — Счастье. — Милосердие (*франц.*).

только сходство, но и повторение жалостливой истории Ромео и Джульетты»³. Сырые квартиры и вечная нужда создали чахотку. Он умер 7 октября. Имя его «предано поношению», его искания истины остались только исканиями, память о нем останется только в кружке немногих друзей, которых очаровал он чистотой своей души, потому что он очаровывал всех, к кому приближался.

Друг мой! Я радуюсь, я приветствую Ваше возрождение⁴. Да будет оно великим веселием. Будем работать, создавать, пророчествовать. Дни проходят, царствует Время, пусть загорается Свет, в который мы еще не веруем.

Ваш Валерий Брюсов

Р. С. Со Льдовым я встречался раз или два. Он произвел на меня впечатление неприятное. Стихи его я решительно не считаю поэзией. Вот яркий пример фальшивых бриллиантов, которые издали можно принять за драгоценные камни и которые только хрупкое стекло⁵.

В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 16—17об.

¹ См. п. 3, прим. 6.

² Федор Эдуардович Шперк (1871—1897) — автор ряда брошюр философского содержания, сотрудник «Нового времени». Свою запись о нем в *Дневнике* (11 декабря 1897 г.) Брюсов кончает словами: «О, как близка мне его судьба!» (с. 31). В библиотеке Брюсова имела брошюра Шперка «Диалектика бытия» (СПб., 1897) (см. «Список моих книг» — ГБЛ. Ф. 386, 117.34). Брюсов намеревался написать статью о Шперке и включить ее в свой предполагавшийся сборник «Философские опыты». В «Записной тетради» № 35 имеется набросок статьи «Федор Шперк» (ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 3об.—5об.).

³ Русское обозрение. 1897. № 11. С. 461 и 464.

⁴ В письме от 6 декабря 1897 г. Самыгин писал: «Хотел бы, чтобы Вы порадовались со мною: кажется, мой тяжелый недуг оставляет меня и возвращает к жизни и деятельности».

⁵ К. Льдов (Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862— после 1935) — поэт и беллетрист. К 1897 г. выпустил три сборника стихотворений. Для его поэзии характерна отрешенность от действительности. В письме от 6 декабря Самыгин писал: «Приобрел новую сочувствующую мне душу — поэта Кон. Ник. Льдова, с которым сошелся во время пребывания его в Туле и чтения им его талантливых лекций на тему о религиозных настроениях русской поэзии (Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет). Много беседовал с ним и увидел в нем человека несокрушимой энергии и горячей веры в бога». Свою отрицательную оценку Льдова и его поэзии Брюсов повторил в дневниковой записи от 22 декабря (*Дневники*. С. 32).

12

(Москва.) 21 декабря 1897 г.

«Звездам поклоняющиеся, звездой учаясь, ныне бо родился Отрочамладо-Превечный бог». Ужасная сила в сочетании последних слов; вся эта песнь построена на сочетании непостижимого. «Дева днесь пресущественного рождает, и земля вертеп неприступному приносит...»¹ Не в этом ли все обаяние христианской мистики. Уму человеческому так сладостно прикасаться к загадкам, вечным, — кажется иногда, неодолимым. И вечно, и вечно мысль наша устремляется к «бесконечности», к этому «порыву к идее». Все заблуждения разума зависят от того, что он решается своими бессильными силами коснуться этой идеи, это(го) чувства, этого желания души. Не знаю, в тот день, когда человек поймет возможность ответа с другой стороны, — откажется ли его разум от своих бесплодных поисков. Во всяком случае до тех пор Тайна будет очаровывать. Можно отказаться от религии жалости и целомудрия, можно не поклоняться распятому страдальцу, но чудо вифлеемской пещеры слишком обольстительно, слишком таинственно. И будут неизменно поклоняться и пастыри, и цари, и маги, принося золото, мирру и ладан...²

Я верю, что в Вашей душе веселие...

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 18—19.

¹ Цитаты из рождественских церковных песнопений — тропаря и кондака (первая цитата неточна).

² *Дю Прель Карл*. Философия мистики или двойственность человеческого существа/Пер. с нем. М. С. Аксенова. СПб.: Изд. А. Н. Аксакова, 1895. Брюсов собирался написать статью «Двойственность бытия (Дю Прель)» для своего предполагавшегося сборника «Опыты философские и литературные». Хотя Брюсов не очень высоко оценил книгу Дю Преля, она оказалась на него несомненное воздействие. Например, в своей программной статье «Ко всем, кто ищет» Брюсов писал со ссылкой на Дю Преля: «Нам уяснилось, что сознательная жизнь духа составляет ничтожную часть всего нашего духовного бытия, что в некоторые мгновения душа наша может обнаружить запас сведений и воспоминаний, которых сознательно мы не обретаем в ней» (в кн.: *Миропольский А. Л.* Лестница. М.: Скорпион, 1903. С. 20).

³ *Riel A.* Ein Essay. Friedrich Nietzsche der Künstler und der Denker. Stuttgart, 1897. Проф. *Риль А.* Фридрих Ницше как художник и мыслитель/Пер. с нем. З. Венгеровой. СПб., 1898.

⁴ В журн. «Вопросы философии и психологии» (1897. Кн. 39) была помещена рецензия Ю. И. Айхенвальда (на немецкое издание книги), который писал: «Необыкновенная сила и жеманность языка, достойная того, кого изображает автор, яркость характеристики, глубина понимания — все это, связанное с интересом удивительной личности гениального безумца, делает опыт Риль в высшей степени привлекательным» (с. 698). Вторая рецензия того же автора (под псевдонимом: Ю. А-ь) появилась в газ. «Русские ведомости» (1897. № 332. 1 дек.).

⁵ Самыгин сообщал в письме от 9 января 1898 г.: «писал ... драму (...) Драма из времени гонений на христиан при Домициане (...) Сюжет ее аналогичен «Отверженному» Мережковского». В письме от 14 января содержатся новые сведения о драме: «Драма (...) подвигается (...) она называется «Галилеяне». Я хочу прославить в ней могущество истинно-христианского характера, доказать его глубокую красоту и жизненность, в противоположность всем иным характерам. Таким образом моя драма есть апология гения христианства перед Антихристом, готовым его пожрать. Христос есть не бессилие одряхлевшей эллино-романской души, а вечное могущество человека!».

⁶ В письмах от 9 и 11 января 1898 г. Самыгин говорит о своем сильном впечатлении от романа Д. С. Мережковского «Отверженный», который печатался в журн. «Северный вестник» (1895, № 1—6), а в 1896 г. вышел отдельным изданием; во 2-м издании (1902) роман получил название: «Смерть богов» («Юлиан-Отступник»). «Мысль Мережковского, — писал Самыгин, — одна из тех, которые носятся в воздухе. Эллада возвысила человеческое достоинство, христианство доказало бессилие современного человека; но «будет век блаженных, вечно смеющихся олимпийцев»! Какой это грядущий век? (...) А может быть этот век уже грядет, уже наступает? Может быть я уже могу быть гражданином этого века?»

Брюсов дал высокую оценку романа «Отверженный» в письме к В. К. Станюковичу (ЛН. Т. 85. С. 736—737) и в *Письмах к Перцову* (с. 22, 25, 28, 29, 30). В предисловии к готовившейся им работе «Русская поэзия 1895 г.» он назвал «Отверженного» великим произведением (см.: *Гиндин С.* Становление брюсовского отношения к Толстому // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 21), а в записной тетради 1895 г. утверждал, что Мережковский «после своего романа «Отверженный» должен занять одно из первых мест в русской литературе» (ГБЛ. Ф. 386, 3. 1 б. Л. 53об.).

⁷ «Саламбо» — роман Флобера (1862) из эпохи борьбы Древнего Рима с Карфагеном.

⁸ Книга французского исследователя Гастона Масперо «Древняя история народов Востока». М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1895.

⁹ «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи»). Под названием «Возрождение» начал печататься в журнале «Начало» (1899. № 1—4). Однако журнал был запрещен, и роман целиком был опубликован в журн. «Мир божий» (1900. № 1—12).

¹⁰ Происшедший в 1897 г. разрыв Мережковского с редакцией «Северного вестника» был вызван и идейными и личными мотивами. Параллельно с работой Мережковского над романом «Воскресшие боги» свои статьи о Леонардо да Винчи писал и печатал идейный руководитель журнала А. Волынский. Мережковский считал, что последний воспользовался для своих статей его материалом. В то же время статьи Волынского оказались в значительной степени направлены против Мережковского, находившегося тогда под сильным впечатлением идей Ницше. Волынский, отрицательно относившийся к философии Ницше, вел, как он сам заявлял в письме к Толстому, борьбу «за благой идеал христианства против утонченнейшего язычника Леонардо да Винчи»; тем самым он развенчивал в великом художнике Возрождения то, что превозносил Мережковский. Характерно, что другой символист, сотрудничавший в «Северном вестнике», Минский, назвал статьи Волынского о Леонардо «издалека начатой подземной миной, которая должна взорвать на воздух современный символизм» (Новости. 1899. № 28. 28 янв.). О взаимоотношениях Мережковского и других символистов с «Северным вестником» см.: *Куприяновский П. В.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // *Русская советская поэзия и стиховедение*. М., 1969; *Иванова Е. В.* Северный вестник // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904*. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982.

¹¹ *Максим Эфесский* — философ, живший в IV в. н. э., автор сочинений по астрологии и магии. В романе Мережковского изображен как учитель императора Юлиана, способствовавший его отказу от христианства и переходу на сторону языческой религии.

¹² Самыгин отвечал Брюсову в письме от 21 января 1898 г.: «Я согласен: мы, действительно, ищем большего, но в чем? в неродившемся ли еще будущем или в былом, жившем и нас с Вами выдвинувшем?».

14

(Москва.) 23 янв(аря) 18)98

В 40 книге «Вопросов философии и психологии» помещена статья Вл. Соловьева: «Первое начало теоретической философии». Не обсудите ли Вы, Михаил Владимирович, ее сообщая со мной¹. Вот ее содержание:

1. Мерило достоверности для мысли присуще ей самой. Но может случиться, что она по самообольщению или из шарлатанства остановится, не дойдя до конца, и провозгласит: дальше идти некуда, я уперлась в стену, около которой мужики на небо зипуны вешают. Тогда другая мысль может и должна пощупать эту стену, не есть ли она со всем этим небом и зипунами только бумажная декорация.

2. В чистом сознании нет никакого различия между кажущимся и реальным, для него все одинаково действительно. То, что (*quid, was*) мне виделось во сне, могло не быть действительностью, но что (*quod, dass*) оно мне виделось, есть факт безусловно достоверный; если даже воспоминание меня обманывает, все же факт воспоминания, хотя бы объективно ложный, остается безусловно достоверным, как субъективное состояние.

Может быть есть признаки различия кажущегося от подлинно существующего, но они не лежат в наличности сознаваемого факта.

3. Если самодостоверность наличного сознания, как внутреннего опыта, не ручается за достоверность сознаваемых предметов, как внешних реально-стей, то нельзя ли от этого сознания заключать к реальности сознающего субъекта, как особого самостоятельного существа? (Это сделал Декарт — *Cogito ergo sum* *). Ответ: невозможно, ибо от наличности мысли можно перейти лишь к чистому субъекту мышления, который мыслит, а не к эмпирическому субъекту, к живой индивидуальности. Чистый субъект мышления есть феноменологический факт не менее, но и не более достоверный, чем все другие, т. е. он достоверен только в составе наличного содержания сознания. (Из того, что всевозможные психологические состояния соотносятся с одной и той же мыслью о я, никак не следует, чтобы это я было не мыслью, а чем-то другим.)²

5. Как обманы чувств дают право сомневаться в достоверности ощущения, как свидет(ельства) о реальности физического мира — так обманы самосознания (гипноз, раздвоение личности etc.) возбуждают сомнение в его (самосознания) показаниях о нашем психологическом субъекте. (Определение души, как потенции, уже предполагает тождество индивидуального субъекта и следовательно не может обосновывать это тождество.)

6. Итак, на вопрос, чье же это сознание существует как наличный факт, надо отвечать: неизвестно (ибо вопрос, существуют ли разные кто). Может быть мое, может быть иной личности, воображающей себя мною, может быть некоего трансцендентального субъекта, впавшего в иллюзию множественности «я», может быть — ничье.

В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 22—22об., 25—25об. Сохранился и черновик в записной тетради № 35 (ГБЛ.Ф. 386, 3.13. Л. 22—23).

¹ Самыгин принял предложение Брюсова обсудить статью Вл. Соловьева и ответил своему корреспонденту в письме от 8 февраля 1898 г.

² Четвертый пункт в письме отсутствует, после третьего сразу идет пятый (в черновике нарушения нумерации нет).

* Я мыслю, следовательно я существую (*лат.*).

(Москва.) 24 янв(аря) 1898

Письмо мое уже было написано ¹, когда я получил Ваше, Михаил Владимирович! Одно место Вашего письма показывает, что Вам не чужды вопросы, которые я предлагаю на обсуждение. Мне всегда казалось (согласно с общепринятым взглядом), что я у Канта есть некий априорный акт мысли, присущий во всех явлениях, но не существующий вне этого ². Имеет ли я свою жизнь, останется ли оно, если отнять все явления, есть ли какие-либо основания, чтобы утверждать существование я личного, я противоположного обманному призраку личности в пантеизме? ³ Я думаю, что эти вопросы стоят внимания.

Ваш душою Валерий Брюсов

Verte *

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 26—26об.

¹ См. п. 14.

² 21 января 1898 г. Самыгин писал Брюсову: «Мои занятия Кантом привели меня к выводу, странность которого предоставляю оценить Вашему метафизическому чутью: «Критика чистого разума» имеет свою метафизику; это теория монады Лейбница. Субъект не есть взаимное определение Я и не — Я, а чистый субъект, все производящий из своей бессознательной сокровищницы. Я постепенно подготавливаю исследование об этом предмете». (Это свое письмо Самыгин ошибочно датировал: «21 янв. 97 г.», и в брюсовском фонде ГБЛ оно лежит в пачке писем 1897 г.).

³ Известно, что в гимназические годы Брюсов объявлял себя «поклонником Спинозы и, следовательно, пантеистом» (Брюсов В. Из моей жизни. 1927. С. 78). Во второй половине 1890-х годов его перестает удовлетворять пантеизм, в котором, по его словам, «личность исчезла в безликом божестве» и который делает «душу игралищем закона причинности» (ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 6—6об.). Брюсов идет от спинозизма (и пантеизма вообще) к апологии независимой индивидуальности. В оценке пантеизма Брюсов резко расходится с Самыгиным, считавшим пантеизм «осторожнейшей и глубочайшей из философских систем», а «монадологию» Лейбница, к которой склонялся Брюсов, основанной «на ряде самых плоских недоразумений» (ГБЛ. Ф. 386, 102.7. Л. 42—43).

⁴ На обороте приводится текст стих. Брюсова «Я не знаю других обязательств...» (с некоторыми разночтениями и без заглавия «Обязательства»), написанного 14 января 1898 г. и напечатанного в 1899 г. в сб. «Книга раздумий» (I, 132).

(Москва. 9 февраля 1898 г.)¹

Друг мой!

Отвечаю Вам с точки зрения Вл. Соловьева.

1. Он, как и Вы, признает только непреложный факт взаимн(ого) определения субъект — объекта, и это вполне равносильно тому выражению, что «в чистом сознании (или просто в сознании) нет различия между фактами» ² — все они равносильны, все они действительны, все они непреложны (именно это выражает весь § 2). Но только они и непреложны; ничто более. Вы, как и Вл. Соловьев, утверждаете непреложность первой половины декартовской формулы — *cogito, je pense* ^{2*}. Это дано, но только это и дано. Отсюда нельзя вывести *ergo sum, donc je suis* ^{3*}, я существую я, личный я, индивидуальное я.

2. Пусть перед Вл. Соловьевым вечно носится проблема различения реального от кажущегося. Забудем это. Но вот вопрос, — сознает ли человек себя отдельной личностью, индивидуальностью? Я мыслю, — так; моя жизнь есть непрерывное самоопределение субъекта — объекта — так; но этот субъект, можно ли о нем сказать это я, именно я, и не кто другой. Различия между «кажущимся» и «подлинно существующим» нет, пусть ³. Но, отбросив все эти факты и те, что кажутся кажущимися и те, что кажутся подлинно существующими, найдем ли мы некое я, хоть как потенцию. Ведь пантеизм мыслим! воз-

* Смотри на обороте (лат.) ⁴.^{2*} Я мыслю (лат., франц.).^{3*} Следовательно, я существую (лат., франц.).

можен для разума! — как же мне спасти (это уж я говорю, а не Вл. С.) мою личность, ибо я хочу знать, безусловно знать, что эта личность едина, обособлена, что я монада. Мне это необходимо.

3. «Корень нашего бытия есть тайна»⁴. Может быть. Если нельзя ее «живописать словами»⁵, я хочу ее чувствовать, — а слова могут мне указать путь к этому. Чувствую ли я себя как монаду, как единое я. Да, чувствую, знаю и верю. Могу ли я указать другим, как прийти к этому чувствованию? К чувствованию, что я не может стать не этим, иным я, не может раствориться в божестве, что я ведь был и всегда буду? — Нет, я не могу указать другим путь к такому чувствованию. Убежден ли я однако, что каждый его (это чувство) ведает? Нет, не убежден.

Если другой мне говорит (как «Книга молчания», переводимая Бальмонтом⁶): личное я есть призрак, есть великое заблуждение, — я молчу, я клоню голову.

4. В заключение несколько слов о сне. Вряд ли сон есть «плохо проясненное сознание», как Вы говорите. Дю Прель («Философия мистики») для меня ясно показал, что во сне существуют способности высшие, чем те, которыми обладают бодрствующее сознание⁷ {...}*

Записная тетрадь № 36 — ГБЛ. Ф. 386, 3.14. Л. 24—25. Черновик. Ответ на письмо Самыгина от 8 февраля 1898 г., полученное в Москве 9 февраля (основание — почтовый штемпель). Это определяет датировку данного письма Брюсова.

¹ В записной тетради тексту письма предшествует помета «К Самыгину. Второе письмо» (т. е. подразумевается, что это второе философское письмо; первое — п. 14, от 23 января 1898 г.).

² Самыгин в письме от 8 февраля писал: «Предложенное Вами или Вл. Соловьевым понятие «чистого сознания» не соответствует действительности. Чистого сознания нет: это ошибка Лейбница и Канта».

³ Самыгин писал в письме от 8 февраля: «Сон не менее достоверен, чем действительность. Сон пользуется тем же материалом, что и бодрствующее сознание. С этой точки зрения не существует и не должно существовать никакого различия между «кажущимся» и «подлинно существующим».

⁴ Заканчивая философскую часть своего письма от 8 февраля, Самыгин выдвигает следующее утверждение: «Корень нашего бытия есть Тайна» (характерно, что Самыгин писал это слово с большой буквы, а Брюсов, цитируя слова своего корреспондента, — с малой).

⁵ Самыгин писал: «Словами условной правды земли не дерзнем живописать тайных глубин Неба».

⁶ См.: *Тетради*, п. 74—Б, прим. 8.

⁷ Дю Прель в своей книге утверждал, что категории времени и пространства действительны лишь для «бодрствующего» сознания и предлагал принимать во внимание те состояния личности (сон, галлюцинации, сомнамбулизм и т. п.), в которых проявляются особые способности личности, свидетельствующие о «расширении психического субъекта». Брюсов склонен был усматривать слабость позиции Вл. Соловьева в том, что он в своей статье «исследует наше Я лишь в бодрственной жизни и таким образом целая треть человеческой жизни остается не оцененной (см. Дю Прель)». — ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 20. Критические суждения о позиции Вл. Соловьева Брюсов предполагал высказать в задуманной им статье о Лейбнице. В плане статьи имеется следующий пункт: «Ошибка Вл. Соловьева относительно личности в том, что он полагает, что наше Я = в самосознании» (ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Л. 36об.).

Приложение к п. 16

Сон (по Дю-Прелю)¹

Во время сновидения обнаруживаются другие силы души и другие ее отношения ко вселенной.

1) (Формы познания). Сон обладает особой трансцендентальной мерой времени. Во сне, в обмороке, в состоянии наркоза наблюдается особенное сужение представлений. Утопающие в те две-три минуты, что они проводят под водой, часто переживают вновь всю жизнь с мельчайшими подробностями. (При-

* Далее в данном черновом тексте письма идет изложение главы о сне из книги Дю Преля «Философия мистики», которое здесь опускается, так как в нижеследующем приложении к письму дается текст сохранившейся чистовой рукописи.

мер приводит Фехнер ²). Курильщики опиума имеют сновидения, которые как бы продолжаются 10, 30, 60 и более лет.

Дарвин и Фихте обращали внимание, что внешние раздражения, будя спящего, в то же время создают пространные сновидения — в короткий промежуток времени между восприятием раздражения и пробуждением. Декарт, раздраженный укушением блохи, видел драматический сон, кончившийся дуэлью, в которой он получил сабельный удар в укушенное место, Рихерс ³ рассказывает, что одному разбуженному выстрелом приснилось, что он сделался солдатом, подвергался разным напастьм, дезертировал, был пойман, судим и расстрелян. Мори ⁴ видел во сне сцены французской революции, суд над собой, путь к гильотине, свою казнь и проснулся от удара по шее прута, отскочившего от кровати.

Сон возникает по причине раздражения, а нам сон кажется мотивировкой последней сцены, где фигурирует это раздражение.

2) (Содержание познания). В сознании спящего бывают факты, которых нет в сознании бодрствующего. Сновидения символически воспроизводят состояния тела, не ощущаемые при бодрствовании. Так министру Людовика-Филиппа Тесту снилось, что его разбил паралич и это случилось с ним через три дня. Сновидение подсказывает средства от болезни. Меланхтон ⁵ страдал мучительной, не поддающейся никакому лечению болезнью глаз: ему приснилось, что врач прописал ему оганку; употребляя ее, он выздоровел.

Память во сне усиливается. Лейбниц рассказывает, что Юлий Скалигер ⁶, воспевавший в стихах знаменитых веронских мужей, увидел во сне некоего Бругнолуса, который жаловался, что он предан забвению. Оказалось, что, действительно, в Вероне жил Бругнолус. Близкие к смерти вспоминают всю свою жизнь, иногда начинают говорить на забытом ими языке и т. д.

Все это позволяет утверждать, что в нашем самосознании заключается не весь наш субъект, а лишь наше погруженное в феноменальный мир я.

Мальбранш ⁷ полагал, что есть существа, которые в полчаса могут продумать столько, сколько мы в 1000 лет. Можно сказать, что мы сами такие существа.

Р. С. Мы не помним сновидений глубокого сна; то, что мы помним, лишь сновидение последнего мгновения. Об истинной природе органа сновидения приходится судить по сомнамбулизму.

В. Б.

В архиве Брюсова данный текст вложен в п. 14 — ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 23—24об. Публикация этого текста в виде приложения соответствует замыслу самого Брюсова, который указал в «Записной тетради» после изложения мысли Дю Прея: «При издании переписки можно все это отнести в приложение» (ГБЛ. Ф. 386, 3.14. Л. 25).

¹ Психология сна привлекала внимание Брюсова на протяжении многих лет. Например, 25 апреля 1897 г. он записывает в дневнике: «Опять период пророческих снов... Это целые повести. Известно, что из одного своего сна я создал рассказ «Под Старым мостом». Теперь я смог бы написать драму» (ГБЛ. Ф. 386, 1.14/2. Л. 20). К мыслям о значении изучения сновидений Брюсов возвращается не раз и впоследствии (см., напр.: ГБЛ. Ф. 386, 5.6. Л. 6—7).

² Густав Теодор Фехнер (1801—1887) — немецкий физик, психолог, философ-идеалист.

³ Иоганнес Рихерс — автор трехтомного труда «Natur und Geist» (Лейпциг, 1850—1851).

⁴ Жан-Сиффрен Мори (1746—1817) — французский религиозный и политический деятель, один из вожаков монархически-феодальной партии во время революции 1789 г.

⁵ Филипп Меланхтон (1497—1560) — немецкий протестантский богослов и педагог.

⁶ Юлий Цезарь Скалигер (1484—1558) — французский филолог, критик, поэт эпохи Возрождения.

⁷ Никола Мальбранш (1638—1715) — французский философ-идеалист.

Я был бы очень рад увидеть Вас, друг мой, но только завтра я в первый раз после болезни выйду на улицу и, конечно, ехать в Тулу не могу¹. Вы

писали, что Анна Ивановна ² больна; если не ошибаюсь, судя по последнему Вашему письму, теперь все хорошо. Ваша драма? я все же надеюсь услышать ее ³. Сам я пишу прозаические статьи, которые, быть может, напечатаю осенью ⁴. Стихов нет. Но они будут.

Неизменно Ваш Валерий Брюсов.

P. S. Если будете отвечать на мои пункты, не присылайте моего письма: у меня есть конспект ⁵.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 27. Черновик — в записной тетради № 36 (ГБЛ. Ф. 386, 3.14. Л. 25об.). Публикуемое письмо, возможно, составляло заключительную часть п. 16.

¹ В письме от 8 февраля 1898 г. Самыгин приглашал Брюсова и его жену приехать к нему в Тулу на масляной неделе.

² Жена Самыгина (рожд. Поздеева).

³ См. п. 13, прим. 5.

⁴ По черновику письма можно уточнить, что речь идет о «статейках по теории поэзии» (ГБЛ. Ф. 386, 3.14. Л. 25об.). Вероятно, это наброски разных разделов «Учебника стиховорства», над которым Брюсов работал в 1898 г. (см.: ГБЛ. Ф. 386, 3.20).

⁵ Очевидно, Брюсов имеет в виду черновик своего письма, сохранившийся в «Записной тетради». Постскриптом Брюсова вызван тем, что Самыгин «для большего удобства при обсуждении» его возражений прилагал к своему письму от 8 февраля первое философское письмо своего корреспондента, но просил прислать его обратно.

18

(Москва, 9 апреля 1898 г.)

Мы уезжаем к морю ¹.

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...²

Майя! ³ — Проклинать ли ее? Я любил думать, что все земное — ложь, что тело — заблуждение. Так ли? За последнее время я думаю иначе.

Если есть жизнь, то есть и всё. Или я должен не жить, или —. Как невозможно сказать себе, что нет свободы воли, потому что тогда будет невозможн(ым) всякий поступок ⁴; как невозможно сказать себе, что причина есть истина лишь субъективная, потому что тогда станет невозможной всякая мысль; как невозможно сказать себе, что моего я нет, потому что тогда станет невозможным никакое движение (?) духа, — так невозможно проклясть Майю.

«Свобода и необходимость только логические понятия, как правое и левое, как жизнь и смерть» — может быть, но мы должны признать их истинными, безусловными, объективно существующей * истиной — или не жить.

Друг мой! Я возвращаюсь к жизни и к Майе и к морю. В те дни я не видел его, потому что был слишком горд и слеп ⁵. (Теперь я хочу видеть, слышать и плакать.) Но есть блаженство в мире, есть радость в жизни, и путь в бесконечность идет от бесстрастия к любви через нежность.

В. Б.

Записная тетрадь № 40 — ГБЛ. Ф. 386, 3.16. Л. 47об.—48. Черновик. Датируется по месту письма в записной тетради: ему предшествует письмо к Бальмонту от 9 апреля 1898 г.

¹ Брюсовы приехали в Крым 15 апреля 1898 г.

² Начальные строки стихотворения (без заглавия), написанного в 1896 г. в Крыму и вошедшего в сб. МЕЕ (I, 111).

³ Многозначное понятие древнеиндийской философии; одно из значений этого слова, в котором оно употреблено здесь, — внешний, телесный облик действительности, часто обьявляемый обманчивым в противоположность духовному началу, сущности.

⁴ Мысль о свободе воли Брюсов в сходных выражениях формулирует в статье 1901 г. «Истины. Начала и намеки» (см. VI, 55).

⁵ Во время путешествия в Крым и на Кавказ летом 1896 г. Брюсов не раз выражал демонстративное пренебрежение к реальной природе. Цитируемое в начале письма стихотворение завершается строкой:

* У Брюсова, вероятно, описка: несуществующей.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы,—
Что перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды!

19

(Москва. 11 августа 1898 г.)

Совсем жалею, что вы не заглянули ко мне до своего отъезда. Мне было что сказать вам¹. Я думал о нашем разговоре в липовой аллее*. Да, вы верно определили свою жизнь: вы умалились, вы отошли назад². Как ни были в целом невыдержанны ваши произведения, были в них порывы и дерзновения³, за которые я их любил^{2*}. Но вы убоялись и отступили. Чего же вы теперь хотите? Писать маленькие рассказы ни хорошо ни дурно? рассказы с любопытной мыслью при приличном слого? Оставьте — и на Западе и у нас много написано таких рассказов, к чему увеличивать на два — на три это количество сходностей. Или вы в самом деле хотите «облегчить хоть чье-нибудь страдание, стереть хоть чью-нибудь слезу»? Полноте — стирать одну слезу не стоит. Лучше просто не плакать самому, и та же цель будет достигнута. Я думаю, что вы призваны не облегчать горести, а возложить на людей новые великие и спасительные страдания. Горе, если я ошибался. Подумайте.

11 авг. 98

Записная книжка № 10 «Мои стихи» — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/10. Л. 10об. Сохранился черновик в записной тетради № 39 — ГБЛ. Ф. 386, 3.19. Л. 49об.—50.

¹ Самыгин писал Брюсову 6 августа 1898 г.: «Уезжаю, не успев пожать Вашей руки; но так как я не имею Вам ничего сказать на прощанье, то особенно не сокрушаюсь об этом».

² См. запись Брюсова от 27 июля 1898 г.: «Был у Самыгина. Есть в нем что-то, почему я люблю его меньше. Он рассказывал мне:

— Помните мое письмо к Вам? Я писал: «Иду один и никого нет со мной». Я шел дерзновенно. Душа моя скорбела о Господе. Этот путь кончился моим полным поражением. Я раздавлен. Я смирился. Я хочу во многом быть как все. Вот почему и переделываю свои произведения на новый лад (...)

И я люблю его меньше, а он был недавно моим лучшим другом» (*Дневники*. С. 41).

³ О первой книжке рассказов Криничкого — «В тумане» (1895) — Брюсов писал: «Там только намеки, но намеки на смелость и оригинальность» (*Письма к Перцову*. С. 33).

20

(Москва. 3 сентября 1898 г.)

Друг мой! есть одно, чего я не понимаю в раздумьях других: возможность исходить предела. «Я» — бесконечно и самобытно и всевластно. Разве есть истина более истинная, более очевидная? Бездонную глубину духа я чувствую. Моя душа, моя жизнь в этой бесконечности — лишь мгновение, лишь то, что на своем земном языке мы называем частью. Предела нет. Не ограничены мы нашей жизнью. Как — то краткое время, в которое мы не успеваем продумать всего мелькнувшего в мыслях, не успеваем до дна упиться всеми чувствованиями! Это время чтоб оно было всем!^{3*} Нет предела! Не ограничены мы нашей призрачной смертью. Есть бытие для моего «я» и за ее черной, но геометрически тонкой, чертой. Буду жив я, а не иной кто мною. Мои замыслы я понесу дальше, мои чувства раскроют крылья во всю широту и ринутся в свободное пространство. Ничто не умирает, ибо входит как доля развития в бессмертный дух. Будем творить и мыслить, зная, что все замыслы воплотятся и всем стремлениям дано будет удовлетворение. И это все не мудрствование на бумаге, не

* В черновом тексте: в липовой аллее [Кунцевского] [Перовского парка].

2* В черновом тексте: ...великие порывы, за которые я их так [очень] любил. Довольно одного замысла «Mysteria Mortis» («Тайна Смерти»), чтобы потрясти душу.

3* В черновом тексте далее идет: «[Но кто может так думать. Прав] [О мудрый Декарт [в том] что бесконечность желания [есть] залог бессмертия».

поучение для книги — это сознание, что так я чувствую, моя вера. Подумайте об этом и скажите, можно ли плакать, или сомневаться, или идти назад? ¹

3 сент. 98

Записная книжка № 10 «Мои стихи» — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/10. Л. 10об.—11. Сохранился черновик (без даты и указания адресата) в записной тетради № 39 — ГБЛ. Ф. 386, 3.19. Л. 57об.—58.

¹ В ответном письме от 5 сентября 1898 г. Самыгин спрашивал Брюсова: «Кто Вы? Пантеист или стоите в его преддверии, тщетно пытаетесь сохранить реальность за миром снов и призраков?».

21

(Москва. 7 и 25 сентября 1898 г.)

Отчаянье? — да будет отчаянье! ¹ Или нам бояться детских пугал, этих призраков, созданных человеком-рабом. Поэт ли не знает, что есть высшие оценки чем <добро и> зло, счастье и горе, успокоение и отчаянье *. [Разве отверженец не может быть достоин поклонения, и в чем добродетель праведника, не имеющего нужды в покаянии. Сладостно иное страдание, желанны иногда часы отчаянья!] — Не бойтесь зла. Ответим на призыв и переоценим ценности ². Неизменно одно — не быть неизменным. Мое «я» достойно жизни лишь потому, что стремится стать иным. Истины по своей сущности переходящи. Только то и может быть истиной, что исчезнет. Рядом с единым и недвижимым заветом вечного движения — множество движущихся переменчивых истин, временно говорящих о недвижимом и неизменном. Не отступайте перед нарушениями, ибо в них самая цель установлений. Помните, все мы станем иными.— Не бойтесь и отчаянья. Есть мгновения, когда взор проникает за грани души и видит неозаренные дали духа. И видит бесконечный путь побед и примирений. Предчувствие иных трепетаний и иной бестрепетности. Как отпадают тогда эти бессильные страхи до ужаса быть одному и до безумия быть с другими! Детские пугала, созданные человеком-рабом. Да! вы правы: мы повторим древние слова, сказанные у древа познания ³. Но плод его уже вкусило человечество...²

25 сент. 98

Записная книжка № 10 «Мои стихи» — ГБЛ. Ф. 386, 14.5/10. Л. 11—11об. Сохранился и черновик этого письма — ГБЛ. Ф. 386, 3.21. Л. 58об.—58. Двойная датировка вызвана тем, что черновик датирован 7 сентября 1898 г., а под переписанным текстом стоит дата «25 сент(ября) 98».

¹ Самыгин писал Брюсову 5 сентября 1898 г., отвечая на его письмо от 3 сентября: «Верьте мне. Вы на страшной дороге (...) Вы восклицаете в гордости, как Люцифер: «Я равен по природе богу, ибо он есть такая же монада» И в гордости мните Вы дух Ваш равным бесконечности, Ваш слабый, больной, исполненный смятения и усталости дух (...) Знайте, что на этом пути Вас встретит грозный архангел, которому имя — Отчаяние. Страшно ходить по Вашему пути и грешно». Конец цитаты (от слов «на этом пути») выписан Брюсовым в конце чернового текста письма с обозначением «Эпиграф».

² Брюсов отвечает здесь на слова Самыгина (в письме без даты): «Переоценка ценностей нуждается в новом критерии, а у Ницше такового нет. Его критерий старый, заезженный, — критерий высшей организации. Об этом критерии говорил еще в раю нашим прародителям древний змий-обольститель: «И сами будете как боги»».

* В черновом тексте: «...есть высшие оценки, чем [мерки пресмыкающихся на земле:] добро и зло, счастье и горе, успокоение и отчаянье, святость и грех.

² В черновом тексте содержание этих фраз дается не в императивной форме, а от первого лица: «я не боюсь [греха] зла [и не боюсь отчаянья]. Я ответил на призыв и переоценил ценности».

³ В черновом тексте здесь вставка: «Мы будем все как боги».

(Москва.) 9 сент(ября 18)98

Как могли Вы так не понять моих слов! Это письмо объяснение предыдущего¹.

Основа бытия дух, сотворивший сам себя. Все, что живет, его основа дух. Безмерны изначальные сокровища духа, ибо в них все что возможно и что невозможно. Нам озарена лишь часть (говоря земными словами), и эта часть наша душа. Задача жизни и совершенствования увеличивать область души, озаряя новые дали духа. Идеал сравнять душу с духом. (И тогда мы все будем как боги).

Нельзя мои слова о пресмыкающемся человечестве² понимать как презрение. Все духи равны между собой. Но есть отличие, — кто выше поднялся на бесконечной лестнице совершенств(ования), кто стоит ниже. Человек вдруг узнает, что в душе его незастывающий родник жалости и нежности. Любовь свойство человека³. Мы любим всех и стремимся стать выше всех. Это тоже любовь. Мы любим себя и каждый истинный миг становимся иными. И это любовь.

ГБЛ. Ф. 386, 3.21. Л. 57об. Черновик. Письма 21 и 22 тесно связаны друг с другом. Оба они являются ответом на письмо Самыгина от 5 сентября 1898 г. Неясно, были ли отправлены оба письма и в какой последовательности.

¹ См. п. 21.

² «Слова о пресмыкающемся человечестве» имеются в черновом тексте п. 21.

³ Основные положения этого письма повторяют мысли, вошедшие в 4-ю главу брошюры Брюсова «О искусстве», работу над которой он закончил 13 августа 1898 г. (ср. VI, 52—53).

(Москва. Сентябрь—октябрь 1898 г.)

Вы не поняли меня. Неужели я предлагаю подражать хотя бы Ницше!¹ Не говорю отказываться от добра и зла, но не бояться [зла]! Добро и зло соотносительные понятия, как свобода и необходимость, как правое и левое². Они будут существовать вечно — в воображении людей, от них отказаться нельзя.

Но что бы я ни считал злом — могу и смею преступать это [преступать себе поставленные границы] —

Еще не поняли Вы моих слов о Бесконечном Духе. Никогда не говорил я их в пантеистическом смысле. О, старая сказка, годная для (того), [чтобы] утешать плачущих! Лицемерие и коварство тех, кто не надеется на себя, боится других. Дух — это я, говорю Вам, *me eum esse* *, и наше существование во времени — миг нашего бытия, и наша личность по отношению к нашей единичности как Духа то, что на земном языке называют частью...

[Но будет спорить. Возможно, что я заблудился в фантазиях и метафизике. Не хочу защищать (?) истин, ибо им нет доказательств и нет продолженности.

Не напишете ли, как Вы живете.

Статьи Вашей не достал. Не было ли еще? Если это можно, пришлите. Сохраню и возвращу³.

Р. S. Посылаю Вам мою маленькую заметку⁴.]

Ваш В. Б.

Записная тетрадь с материалами к «Учебнику стиховорства» — ГБЛ. Ф. 386, 3.20. Л. 43. Черновик. Письмо по содержанию близко к письмам 21 и 22. Не исключено, что оно было послано вместо них. Датируется на основании того, что содержит ответ на письмо Самыгина от 5 сентября 1898 г. и вызвало ответное его письмо от 30 октября того же года.

¹ Сохранилось свидетельство того, что Брюсов проявлял интерес к Ницше уже в первой половине 1890-х годов. В 1893 г. он пишет «Мысли поэта-декадента об искусстве» под названием «Старая сказка» (ГБЛ. Ф. 386, 2.8. Л. 74—75) и в перечне содержания определяет их как

* это — я (лат.).

«Мысли à la Nitzsche» (Там же. Л. 20б.). В одном из писем 1898 г. Брюсов называет Ницше среди имен крупнейших представителей позднейшей философии (ГБЛ. Ф. 386, 3.21. Л. 39). В сб. TV Брюсов ставит в качестве эпиграфа к стих. «Братьям соблазненным» (1899) привлекшее его изречение из книги Ницше «Так говорил Заратустра»: «Великого в человеке то, что он мост, а не цель» (I, 602).

² В письме от 30 октября 1898 г. Самыгин писал: «Что касается до Вашего приглашения “не бояться” добра и зла, взглянув на них как на простые соотносительные понятия, то я не нахожу его достаточно ясным для себя». Тезис о соотносительности добра и зла, их «братства», Брюсов предполагал специально развить в книге «Философские опыты» (см.: ГБЛ. Ф. 386, 3.13. Обложка). Поэтические варианты этой мысли можно найти в некоторых стихотворениях Брюсова 1890-х годов, напр., в стих. «Скала к скале: безмолвие пустыни...»:

Добро и зло — два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков.

(I, 89)

³ В письме от 5 сентября 1898 г. Самыгин писал: «2-го и 5-го сентября в “Русском листке” напечатан мой фельетон с небольшими изменениями против первоначальной редакции». Имеется в виду статья «Что такое “репетитор”?» (за подписью «Отец»), в которой автор выступал против репетиторства и говорил о несостоятельности метода преподавания в современной средней школе. Самыгин, очевидно, прислал Брюсову свой фельетон (в фонде Брюсова в ГБЛ имеются вырезки из двух номеров «Русского листка» с этой статьей — Ф. 386. Книжки, № 1675).

⁴ В письме от 30 октября Самыгин благодарит Брюсова «за заметку о Тютчеве». Вероятно, это статья «О собрании сочинений Ф. И. Тютчева» (РА. 1898. № 11).

24

(Москва.) Февраль (1899 г.)

Занят работами к экзамену, настроение будничное, бесцветное¹. Мелькают перед взорами императоры, века, народы... Если б можно было замедлить, обдумать, но некогда, спешить. Печально, но эти месяцы будут просто потеряны. Вынес только одно сознание: если история — наука, то господствуют в ней не личности, и нельзя отвергнуть в ней необходимости. Без рока нет науки нигде. Но знаю я и иную правду, к которой пришел иным путем. Истинно и то и это. Истин много и часто они противоречат друг другу. Это надо принять и понять... Да я и всегда об этом думал. Ибо мне было смешным наше стремление к единству сил или начал или истины. Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов. Будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. «Я» — это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примираются². Первая (хотя и низшая) заповедь — любовь к себе и поклонение себе. Credo *

Дневники. С. 61 (между записями от 9 и 22 февраля 1899 г. — под заглавием «Из письма к Самыгину»).

¹ В апреле — мае 1899 г. Брюсов сдавал в университете государственные испытания.

² См. также наст. кн., Переписка с Коневским, п. 6, прим. 2.

25

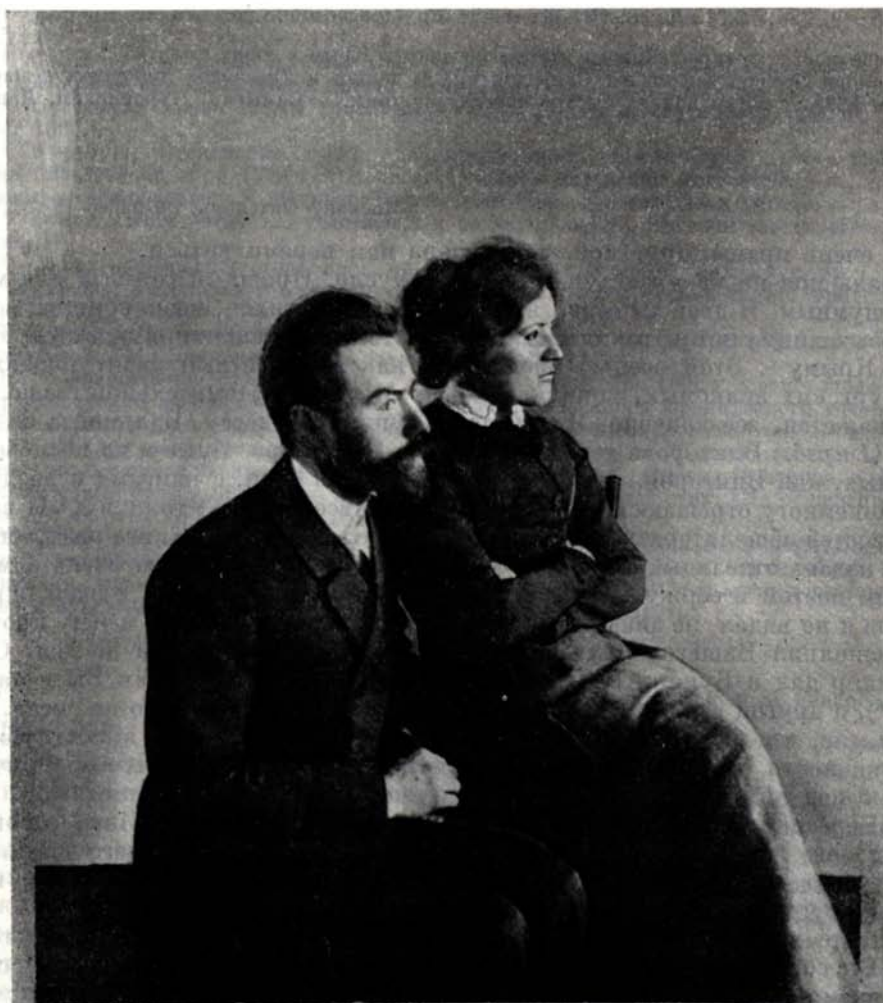
(Москва. Начало мая 1899 г.)

Простите, друг мой, что не пишу. Нет и получаса свободного. Знания мои оказались столь ограниченными, что принужден целые дни до поздней ночи проводить за лекциями¹. Я не верю, чтоб мы разошлись с Вами далеко². Мне, по крайней мере, Вы и всё Ваше, Tu Tuaque^{2*}, близко. Подробнее и о всем остальном поговорим летом. (Вы будете близ Москвы?) Если мои экзамены будут удачны, освобожусь 1-го июня.

Неизменно Ваш Валерий Брюсов

* Верую (лат.).

^{2*} Ты и Твое (лат.).

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ И ИОАННА МАТВЕЕВНА БРЮСОВЫ

Фотография. 1897

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 33. Датируется по почт. шт.: Ростов обл. В. Дон. 5.V.1899. Письмо ошибочно было заслано в Ростов-на-Дону и в октябре 1899 г. «за истечением срока хранения» вернулось обратно в Москву.

¹ См. п. 24.

² 21 апреля 1899 г. Самыгин писал Брюсову: «Я долго думал о наших отношениях и сейчас только понял, насколько мы с Вами разошлись в последнее время во взглядах на вещи первостепенной важности. Да и сходились ли мы вообще когда-нибудь?».

(Москва. 22 июля 1899 г.)

В Москву мы вернулись ¹. Не сообщите ли Вы нам, где Вы, можно ли Вас повидать ², или, что еще желаннее, не посетите ли нас? Конечно, ждем всегда.

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 28. Открытка. Датируется по почт. шт.

¹ Речь идет о возвращении из второй поездки в Крым в июне-июле 1899 г.

² Вскоре Брюсов увиделся с Самыгиным. См. запись в *Дневниках*, помеченную июлем-августом 1899 г.: «Для начала быстро обегал знакомых — Самыгин, Курсинский, Ланг...» (с. 74).

27

(Москва.) Окт(ябрь, не ранее 19-го, 18)99

Вы очень правы, друг мой, давно пора нам перемолвиться.

Жизнь моя на время вступает в тихое русло. Прошлый год был для меня очень шумным. Я дважды ездил в Петербург, встретился, познакомился с сотней новых лиц ¹, потом томился в «государственных испытаниях», потом отдыхал в Крыму ². Этой осенью последовал как бы ответный визит многих из петербургских знакомых, появлявшихся в Москве в утомительной смене. Теперь, кажется, все кончено. Я проводил Бунина в Одессу, Бальмонта за границу (*1 нрзб.*) Викторова тоже ³), Ореуса в Петербург. Иные и из московских знакомых, как Викторов, поразъехались. Я опять один, с книгами и раздумьями. Понемногу отрешаюсь от современности и все глубже ухожу в XVII век ⁴.

Новостей общелитературных мало. Все печатается наша «Книга раздумий» ⁵. Ореус издает отдельный сборник ⁶ (по-прежнему я его считаю очень замечательным поэтом и сержусь на Вас, что Вы его не поняли ⁷). О Вашей книге ⁸ отзывов я не видал, не знаю, что было и в «Курьере» ⁹. Сказать между прочим, я не исполнил Вашего поручения и в «Курьер» Вашей книги не дал. Один экземпляр дал я Бунину (то есть для «Южного обозрения», как Вы и назначали ¹⁰), а другой взял у меня Курсинский ¹¹; я протестовал, но не очень. Думается мне, что даже у Курсинского (хотя он и погружается в(се) глубже в тину пошлости с каждым годом) Вашей книге быть лучше, чем у Фриче ¹², который под той же самой тиной утонул уже давно и безвозвратно.

А. Березин — псевдоним вам небезызвестного А. Ланга ¹³. Иные строки и строфы в его стихах мне нравятся. Он поэт, но не художник, у него нет власти ни над словами, ни над настроениями. Впрочем, лично его — люблю, и по личному сочувствию люблю его стихи.

Читаете ли Вы что-нибудь? Следите ли за газетами? Ведь бывают годы, когда Вы совершенно забрасываете книги и (читаете только) дневные листки. Было время, я с трепетом ждал телеграмм из Ренна ¹⁴. Теперь если не с трепетом, то с жадностью читаю вести из Южной Африки. Война Англии с бурами — событие первостепенной исторической важности и для нас, для России величайшего значения ¹⁵. Только, конечно, наши политики медлят и колеблются, и забывают что рано или поздно нам все равно предстоит с ней великая борьба на Востоке, борьба не только двух государств, но и двух начал, все тех же, борющихся уже много веков. Мне до мучительности ясны события будущих столетий.

Пишите мне.

Ваш Валерий Брюсов.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 29—30. Ответ на письмо Самыгина от 17 октября 1899 г. Первая и заключительная части письма Брюсова во многом совпадают с его письмом (октябрь 1899 г.) к В. К. Станюковичу (*ЛН*. Т. 85. С. 747—748).

¹ В 1898—1899 г. Брюсов был в Петербурге с 8 по 14 декабря и с 18 по 22 марта (см.: *Дневники*. С. 53—58 и 63—67). Брюсов познакомился тогда с Мережковскими, Н. Минским, К. Случевским, И. Ясинским, И. Ореусом (Коновским), К. Фофановым, М. Лохвицкой, П. Вейнбергом и многими другими петербургскими литераторами.

² О поездке Брюсова в Крым в июне 1899 г. см.: *Дневники*. С. 71—73.

³ См. вступ. ст., прим. 22.

⁴ Брюсов предполагал начать «Историю русской лирики» характеристикой культуры Московской Руси XVII в. Сохранилась черновая рукопись 1-й части «Истории русской лирики», озаглавленная «XVII век» (ГБЛ. Ф. 386, 41.3). В связи с этой работой Брюсов совершал экскурсии по старой Москве, осматривал терема, древние церкви и т. п. (см., напр.: *Дневники*. С. 80; см. также наст. кн., Переписка с Коновским, п. 23, прим. 6).

⁵ Сборник стихотворений Бальмонта, Брюсова, М. Дурнова и Ив. Коневского «Книга раздумий» вышел в ноябре 1899 г.

⁶ Коневской Ив. Мечты и думы, 1896—1899. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1900.

⁷ Об отношении Самыгина к поэзии Коневского см. п. 28, прим. 3.

⁸ Криницкий Марк. Цветы репейника. Рассказы для взрослых. М.: Изд. И. И. Поздеева, 1899.

⁹ «Курьер» — московская газета демократического направления (1897—1904). Самыгин писал 17 октября 1899 г.: «Я живу в полном неведении относительно судьбы моей книжки за исключением № «Курьера» от 27 сентября, где помещена рецензия Гольцева».

¹⁰ Бунин в 1898—1899 гг. участвовал в редактировании одесской газеты «Южное обозрение».

¹¹ Об А. А. Курсинском см. наст. кн., Переписка с Курсинским, Вступ. ст.

¹² Там же, Переписка с Бальмонтом, п. 5, прим. 1. В то время В. М. Фриче был постоянным сотрудником газеты «Курьер».

¹³ Там же, Письма Ноздрина, п. 3, прим. 12. Самыгин писал Брюсову о получении им книги: Березин А. Одинокий труд: Статьи и стихи. М., 1899.

¹⁴ Во французском городе Ренне с 7 августа по 9 сентября 1899 г. происходило вторичное рассмотрение военным судом дела А. Дрейфуса, офицера французского генерального штаба, обвиненного в продаже Германии секретных военных документов. Новый разбор дела закончился лишь уменьшением наказания обвиняемому до 10 лет заключения. Брюсов и раньше возмущался расправой над Дрейфусом (см. наст. кн., Письма Ноздрина, п. 8, прим. 5, 6). На новый судебный процесс в Ренне Брюсов откликнулся стих. «На осуждение Дрейфуса» (29 августа 1899 г. — III, 255—256).

¹⁵ Англо-бурская война (1899—1902) — захватническая война Великобритании против бурских республик Южной Африки (Оранжевой и Трансвааля), закончившаяся победой английских колонизаторов. В России широкие слои населения относились с глубокой симпатией к бурским республикам, защищавшим свою независимость.

28

(Москва. Между 18 и 31 января 1900 г.)

Друг мой! Я давно хотел писать Вам, сознавая, что писать должно, но почему-то не писалось. Вы не примите этого в пошлом смысле — лени, небрежности. Нет! «не писалось» по каким-то внутренним причинам. Нет сомнения — мы разошлись за последние годы, с тех пор как Вы — по Вашему выражению — «умалились»¹. Дурно было бы в том не признаться и лицемерствовать, как лицемерствуем мы теперь в письмах с Бальмонтом, беседуя, словно мы еще прежние друзья, словно по-прежнему близки. Так и мы с Вами идем по путям расходящимся. Пока еще можем окликнуть один другого, но потом и голос не будет слышен. Это не пустая примета, что Ив. Коневской, 4-й соучастник нашего сборника², кажется мне великим поэтом, а Вам пустым повторителем чужих слов³; или еще того более, что мои стихи кажутся Вам ненужными и обманувшимися⁴. Я даже уж не знаю, чего Вы ищете. Вы отреклись от победы, но не хотите и поражения, не возлюбили и страданий. Я не знаю третьего пути. Или Сатана или Христос. Сладко быть и тем и другим, но нельзя не быть ни тем ни другим.

Ваша книга⁵ еще во многом прошлое. Что в ней самого нового — то и самое неустойчивое. Кто Вы? Я Вас не знаю! Как нам говорить? Как [пассажирам] путникам в вагоне — наудачу? [Не для болтовни же?] Вы пишете, что разбиты⁶. Чем? не жизнью же, — это было бы слишком позорно! Какими же раздумьями? Какими отчаяньями и проклятиями? Отчего — опять возвращаюсь — эти порывы Ваши так бледно отразились в Вашей книге? Пишите мне. Пишите много и часто. Зачем Вы ждете моих писем?

Я — Ваш В. Б.

Р. С. Разбор Вашей книги появился в «Русском богатстве», — по обыкновению эти жур(налисты) до последних крайностей глупы; они не поняли ни одного слова⁷.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 35—35об. Черновик. Дата определяется тем, что Брюсов отвечает здесь на письмо Самыгина от 16 января 1900 г., а Самыгин реагирует на данное письмо 2 февраля.

¹ См. п. 19. Самыгин повторил это выражение «умалился» в письме от 16 января 1900 г.

² См. п. 27, прим. 5.

³ О Коневском (Ореусе) Самыгин писал Брюсову 24 февраля 1900 г.: «Стихи Ореуса очень внимательно изучал и скажу по совести, что это замечательный живописец своей души, но души наивно-прекрасной, смотрящей на мир младенчески-самоуверенным взором. Смесь божества с животным». А в письме от 2 февраля Самыгин возражал Брюсову: «В заключение о Коневском, которому суждено стать яблоком нашего раздора, — я его вовсе не считаю "пустым повторителем чужих слов", но он безусловно не открыл новой духовной двери (...) Я заглядывал и в садовую калиточку Коневского, — и не пошел туда: нет там для меня жизни; все какие-то торжествующие улыбки и детски-несознанные победные слова».

⁴ 16 января Самыгин писал Брюсову: «Мне вдруг захотелось сказать Вам и не только Вам, но и всем идущим с Вами, мою правду: сладки Ваши слова и исполнены дерзости, но в них нету ничего, кроме призыва. Вы ведь зовете (и я звал), но когда пойдешь за Вами, то ничего не найдешь. "Мечтатели, сивиллы и пророки" — вы все дерзкие самообманщики, которые дерзко заплатят за свое самооболение. На этой земле шутить нельзя. Не следует звать куда-то вперед, когда сам не чувствуешь душевной полноты и озарения. Если бы было в вас (всех) озарение, вы имели бы власть не только призывать, но и сообщать силу. Не исходит сила от вас, но одно бессилие (...) Все это по поводу "Книги раздумий", которой я был очень внимательный и сознательный читатель».

⁵ См. п. 27, прим. 8.

⁶ Самыгин писал 16 января: «Сейчас я могу беседовать с Вами, хотя разбит душевно и утомлен».

⁷ Рецензия (анонимная) на книгу Криницкого «Цветы репейника» напечатана в «Русском богатстве» (1899. № 9 (12). Дек. С. 35—37, 2-й пагинация). «Психологические повестушки г. Криницкого — не только вздорные, но даже болезненные», — писал рецензент. Он советовал «не читать совсем этих "рассказов для взрослых", пусть уж жертвами больного и извращенного духа г. Криницкого будем только мы, рецензенты, подневольные козлы отпущения».

29

(Москва. Март, около 11-го, 1900 г.)

Друг мой! я благодарю Вас за Ваше письмо — и будет об этом ¹.

Зима подходит к концу, и стоит на нее оглянуться. Для меня она не была такой, как должно бы. Немало времени отняли занятия с сестрой, которая сдавала экзамен (при Округе по истории) ² — и гораздо больше — едва ли не половину всего — писание библиографических статей ³ (кроме тех, которые я Вам посылал, были и другие); статьи эти полезны кое для кого, но мне-то их писать обидно.

Жрецы ль у вас метлу берут! ⁴

Это в двух смыслах: во-первых, вместо того, чтобы писать историю лирики, я должен был исполнять черную работу историка, во-вторых, вместо того, чтобы писать статьи по многому нужные, писал в нечитаемом «Русском архиве». Но пусть. [Утешение в том, что узнал я, как никогда прежде, Пушкина, Б(аратынского), Тютчева, Некрасова, и в том, что «вошел в литературу», а то очень уж я был отверженцем.]

Подходит весна. Я брошу все журналы и альманахи 20-х годов и возьму опять давно желанных Verhaeren'a ⁵, Strindberg'a ⁶, буду писать то, что хочу. К осени непременно издам книгу стихов ⁷.

Я выдаю Вашу книжку ⁸ у читателей и в библиотеках, в домах, нужны бы были, однако, объявления. Что Вы пишете теперь? хотелось бы знать точнее! — Новое везде заливают, стирает старое — и не лучшее новое, а именно его мутная накипь. Москва заполнена декадентскими выставками картин ⁹. Устраивали у нас в Охотничьем клубе Вечер Нового Искусства, где читал и я ¹⁰, в «Жизни» рядом бранят русских символистов и хвалят французских ¹¹, роман Мережковского (быть ему академиком!) печатает «Мир божий» ¹², Метерлинк издан в «Дешевой библиотеке» Суворина ¹³, окна магазинов завешаны декадентскими [рекламами] стиля fin de siècle *.

Что в будущем восторжествуем мы,
Я знаю...¹⁴

* конец века (франц.).

Друг мой, пишите мне.

Теперь о найденных Вами рукописях¹⁵. Как словесник, Вы знаете лучше меня, что первая из них довольно известная; но, может быть, в ней есть любопытные варианты. О второй¹⁶ трудно сказать, не прочитав ее. Если можно, пришлите их, очень любопытно прочесть. И узнайте от владельца, можно ли их напечатать (если окажутся стоящими того) и на каких условиях. — Год написания или переписано позже, какой почерк?

Ваш В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 31—32. Черновик. Датируется по записям в *Дневнике* 8 и 11 марта 1900 г.

¹ Речь идет о большом, критическом по отношению к Брюсову и Коневскому, письме Самыгина от 2 февраля 1900 г., отправленном Брюсову вместе с письмом от 24 февраля. Посылая его, Самыгин предлагал своему корреспонденту не отвечать на него.

² Н. Я. Брюсова сдавала экзамены при Московском учебном округе на звание учительницы. 8 марта 1900 г. Брюсов записал: «Вчера Надя сдала последний экзамен по истории» (*Дневники*. С. 82).

³ Имеются в виду следующие статьи, напечатанные в «Русском архиве»: «О собраниях сочинений Е. А. Баратынского» (1899. № 11), «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» (1899. № 12), «Некрасов и Тютчев» (1900. № 2), «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева» (1900. № 3), «К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского» (1900. № 4).

⁴ Из стих. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

⁵ См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 62, прим. 17.

⁶ Внимание Брюсова к творчеству шведского писателя Августа Стриндберга (1849—1912) привлек в 1899 г. С. А. Поляков (*Дневники*. С. 78). В 1900 г. был напечатан брюсовский перевод рассказа Стриндберга «Чудо» (Ребус. № 46. 13 нояб.).

⁷ Сб. «Tertia vigilia» вышел в октябре 1900 г.

⁸ См. п. 27, прим. 3.

⁹ О посещении Брюсовым выставок см.: *Дневники*. С. 82 и 83.

¹⁰ На вечере нового искусства, происходившем в зале Охотничьего клуба 15 февраля 1900 г., Брюсов выступал с чтением стихов Бальмонта (см.: *Дневники*. С. 81).

¹¹ Речь идет о напечатанных в № 1 журнала «Жизнь» за 1900 г. статьях Андреевича (Е. Соловьева) «Очерки текущей русской литературы. (Искание смысла жизни)» и Л. Гуревич «Новости иностранной литературы. Новые движения во французской литературе».

¹² См. п. 13, прим. 9.

¹³ В «Дешевой библиотеке» издания А. С. Суворина в 1895 г. была издана драма М. Метерлинка «Тайны души» (в переводе и с предисловием самого издателя).

¹⁴ Из стих. Брюсова «Я знаю...» (1898), посвященного Бальмонту и напечатанного впервые в сб. *TV* (I, 230).

¹⁵ Самыгин сообщал в письме от 24 февраля 1900 г.: «Откопал здесь манускрипт, помеченный 1754 г., списан с Истории стрелецкого бунта и Журнала заграничного путешествия, веденного от первого лица. Если этот список единственный с утеряного оригинала, он представляет большой интерес. Впечатления составителя журнала при всей наивности крайне колоритны. Начинается рукопись описанием зачатия Петра Великого, которое было усмотрено по звездам Симеоном Полоцким, — кончается казнью стрельцов во время второго бунта. Если интересуетесь, могу попросить позволения у собственн(ика) рукописи переслать ее Вам на просмотр».

¹⁶ См. п. 30, прим. 3.

30

(Москва. 18 марта 1900 г.)

Друг мой, Вы мне читали когда-то драму из жизни первых христиан¹. Там называли Вы христиан «булочниками» и говорили мне, что это только Ваша догадка (помните ли? на берегу пруда). Теперь я нашел подтверждение Вашей догадке. У раннего христианского апологета Минуция Феликса в соч. «Октавий» в гл. XIV христиане тоже названы хлебопеками².

Ваш Валерий Брюсов

Р. С. Если можно, пришлите на прочтение рукописи XVIII в.³ Именно теперь я занят разборами бумаг и писаний того времени.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 36—36об. Открытка. Почт. шт.: Москва, 18.III, 1900.

¹ О драме Самыгина «Галилеяне» см. п. 13, прим. 5.

² См. Minucii Felicis «Octavius», XIV. 1 (Rec. H. Boenig, Lipsiae, 1903. Bibliotheka Teubneriana). Самыгин отвечал Брюсову 2 апреля: «Спасибо за сообщение о христианах: это заставило меня вновь присмотреться к моей драме и, по правде, в ней есть кое-что, ради чего она заслуживает быть оконченной».

³ Самыгин послал Брюсову рукопись на просмотр, сопроводив ее следующим разъяснением: «Вы составили неверное представление о двух рукописях: рукопись, как видите, одна, но в ней, помимо исторического рассказа, заключается еще журнал путешествия».

31

Июль 1900. Ревель.

Простите, друг мой, что не писал Вам так давно. Отсюда приходилось писать так много писем, что у меня выработался особый эпистолярный стиль и писал я всем одно и то же или почти. Вам — мне этого не хотелось. Неужели условно-красивыми фразами описывать море и старый Ревель с готическими соборами, «припедшими из Средних веков», и размышлять о власти Прошедшего над нашей душой ¹.

Я хочу говорить о себе и о Вас *. Меня смутило, что Вы в первом письме ставили как образцы Зудермана и Гауптмана ². Что такое Зудерман? Что такое «Бой бабочек»? ³ Это — литературное ничто, призраки, миражи. Гауптман уже нечто, словно что-то действительное ^{2*}. Но знаете ли? — я сознаюсь Вам, о чем другим не хочу говорить: Гауптман не истинный поэт ⁴. Он все же подделка, как Ростан ⁵, как наш Льдов ⁶. Искусный бриллиант из стекла. Мне это сказать тем тягостнее, что в Гауптмане так много (будто бы) мне дорогого, заветного. Да. И всё же — Ибсен истинный творец, а муза Гауптмана

Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
С чужим младенцем на руках ⁷.

Все это, конечно, лишь очень и очень косвенно относится к Вашей драме ⁸. Жду дня (искренно и сердечно), когда буду ее слушать. В двух прежних Ваших драмах («Мрак» и «Из римской жизни») помню сцены, до сих пор прельщающие воображение. Имеете ли Вы сведения о судьбе своей книги? ⁹

Я осенью печатаю сборник стихов ¹⁰, потом может быть повесть ¹¹, потом перевод «Энеиды» (отрывок) ¹², потом «Книгу размышлений» ¹³. Это все почти «готово» к печати. Сборник стихов уже пришел ко мне из цензуры. Это мои лучшие вещи, может быть то лучшее, что я могу писать в стихах... Цензура, конечно, обошлась жестоко: вычеркнула «Антихриста» ¹⁴, сказание ¹⁵, заимствованное из Пролога ¹⁶, почти все религиозные стихи и строфы из «Аганатис»...¹⁷ Мне обещает защиту Ю. Бартенев ¹⁸ (сын П(етра) Б(артенева), издателя «Русского архива» ¹⁹). Всю зиму я писал и всячески «работал» в «Русском архиве» (жаль, что не могу сейчас послать Вам моей маленькой биографии Ф. Тютчева, — это лучшая из моих Архивных статей ²⁰) — через это я с Ю. Бартеневым более или менее сблизился. Теперь он на горе отцу, который всю жизнь враждовал с цензурой, назначен цензором. Возможность помочь мне у него есть, он мои стихи ценит и говорит, что «станет за них грудью» ²¹. Буду уповать, иначе смысл моей книги очень затуманится ^{3*}. Глупцы! они сами не знают чего им надо. Эти бывшие лакеи Каткова ²² (буквально, а не переносно) боятся всякой мысли в литературе.

«Так. Полдень мой настал» — слова Пушкина ²³. Чувствую и сознаю свои силы. Ныне я не могу написать ничтожной вещи. Все равно — будь то статья, драма или поэма. Я буду в них полновластным творцом и буду говорить как

* В черновике (ГБЛ. Ф. 386, 70.3) далее следует: «В начале века писали с каждой почтой и по тетради. Мы должны уметь вместить все на 4 страницах?».

^{2*} В черновике далее следует: «Я сам не мог читать много в его вещах без живого движения — особенно «Ганнеле», «Колокол» и последние вещи».

^{3*} В черновике вместо следующих двух фраз было: «Безумцы! Чего же им надо? Литературы без мысли и без силы. Но ведь именно такая и ведет к революции. Почитайте поэтов Людовика XVI».

учитель. Я мог бы наполнить сотни томов, если б хотел сказать всё. Мне теперь дела нет до формы, — до формы в самом широком смысле. Теперь я воистину достиг того, о чем твердил с детства. Мне — до глубины души искренно — не нужны никакие приветствия, не нужны читатели. Мне все равно. Понимаете Вы всю свободу, даруемую этим сознанием ^{4*}. Нетрудно быть выше насмешек, но надо стать выше всех восторгов и выше всех убеждений — своих и чужих. Только тогда можно быть творцом. Я нашел свою высоту.

Пишите мне.

Мой адрес на Москву.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 12. Л. 1—2об. Сохранился и черновик — ГБЛ. Ф. 386, 70.3.

¹ Письма с повторяющимися описаниями Ревеля и вызванными им размышлениями Брюсов писал летом 1900 г. Ю. К. Балтрушайтису, К. Д. Бальмонту, И. И. Ореусу (Коновскому) и А. А. Шестеркиной. См. наст. кн., Переписка с Коневским, п. 41 и преамбулу к комментариям.

² Брюсов упоминает имена современных ему немецких драматургов Германа Зудермана (1857—1928) и Герхарта Гауптмана (1862—1946) в связи со следующим признанием Самыгина в июльском письме 1900 г.: «Сделался последователем Зудермана и Гауптмана. Говорят, что они ультра натуралисты, а я этого не думаю».

³ Одна из пьес Зудермана (1894), пользовавшаяся некоторой популярностью на русской сцене. В ней с успехом выступала В. Ф. Комиссаржевская.

⁴ Впоследствии Брюсов безоговорочно причислял Гауптмана наряду с Ибсеном к «настоящим художникам». См., напр., лекцию 1907 г. «Театр будущего» (ЛН. Т. 85. С. 181).

⁵ Эдмон Ростан (1868—1918) — французский поэт и драматург, автор романтических пьес, из которых наибольшей известностью пользовалась пьеса «Сирано де Бержерак» (1897). Брюсов считал, что Ростану свойственны риторичность языка и банальность мыслей. Отрицательное отношение Брюсова к творчеству Ростана сохранилось и позже. См. письмо М. Цветаевой к Брюсову от 15 марта 1910 г. (Новый мир. 1969. № 4. С. 186).

⁶ См. п. 11, прим. 5.

⁷ Из стих. Баратынского «Подражателям» (1830).

⁸ В апрельских и июльском письмах 1900 г. Самыгин сообщал, что пишет драму «Воздушные замки».

⁹ См. п. 27, прим. 8.

¹⁰ См. п. 29, прим. 7.

¹¹ Автобиографическая повесть «Моя юность» (осталась незаконченной; напечатана в кн.: Брюсов В. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М.: Изд. М. и С. Сабашиных, 1927).

¹² Первые попытки перевода «Энеиды» Вергилия были сделаны Брюсовым еще в гимназии в 1891 г. (Брюсов В. Из моей жизни. С. 69, 118—119). В 1900 г. он перевел II и III книги поэмы. Впервые отрывки из «Энеиды» в переводе Брюсова появились в печати в 1913 г. (Гермес. № 6).

¹³ Вероятно, имеется в виду замысел, частично реализованный в статье «Истины. Начала и намеки», вошедшей в СЦ 1901. В объявлении на обложке содержалось упоминание о готовящейся к изданию книге «Истины».

¹⁴ Имеется в виду стих. Брюсова «Брань народов» (1899) из сб. TV (I, 224—225).

¹⁵ «Сказание о разбойнике» (1898 — I, 239).

¹⁶ Пролог — сборник житий святых, назидательных повестей, поучений, расположенных по дням календаря.

¹⁷ Название лирической поэмы (1897—1898) из сборника TV с подзаголовком «Финикийский рассказ»; было потом изменено автором на «Аганат» (см. I, 241—245, 603).

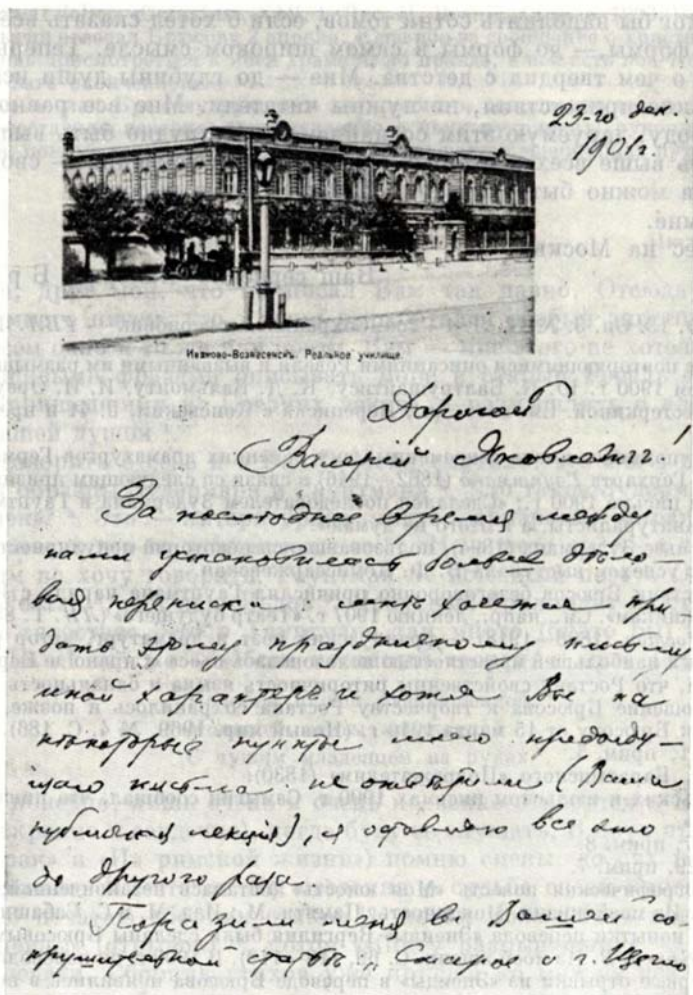
¹⁸ Ю. П. Бартенева служил с 1900 г. цензором в Московском комитете по делам печати.

¹⁹ О Петре Ивановиче Бартенева (1829—1912) Брюсов написал очерк «Обломок старых поколений», вошедший в книгу За моим окном (М.: Скорпион, 1913).

²⁰ Статья «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева» (см. п. 29, прим. 3). В ней давались дополнения к биографии Тютчева, написанной И. С. Аксаковым.

²¹ Большая часть намечавшихся цензурных изъятий в TV была восстановлена. Возвращая рукопись цензурного экземпляра автору, Ю. П. Бартенева написал на титульном листе: «В. И. И так весь сборник могу разрешить. Но в Ваших же интересах рекомендовал бы изъять «Ламию», в «Городе» (стр. 83—4) № 6-й и, хотя это весьма жалко, смягчить в «Аганатис» от-

^{4*} В черновике, дальше было другое окончание письма: «Свободу не от врагов, это легко, но от друзей и близких. Если прежде меня не смущали насмешки, то теперь меня не обманут, как недавно, восторги. Мне даже хочется насмешиться над своими поклонниками... Но все это не относится ни на миг к Вам. Если Вы и цените мои стихи, то я никогда не посмею применить к Вам иное имя как друга. Здесь я вспоминаю Вас с жадностью, верьте! Вспоминаю чаще, всегда — не упрекайте, что писал Вам меньше, чем другим. Я — Ваш Валерий Брюсов».

ПИСЬМО М. В. САМЫГИНА БРЮСОВУ

Автограф. 23 декабря 1901 г.

Сверху — изображение Иваново-Вознесенского реального училища

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

меченное мною. Попрошу дать «Сказанию о разбойнике» другое соседство. Ю. Б. 9/VII» (ГБЛ. Ф. 386, 5.8. Л. 1). Стих. «Лампа» из сборника изъято не было.

²² Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — реакционный публицист.

²³ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. VI. Строфа XLV.

(Москва. 5—6 ноября 1901 г.)

Ваша рукопись уже несколько дней у меня¹. Ю. Бартенев² от нее, в восторге, ставит Вас выше всех современных романистов, т. е. выше Чехова, Горького, Андреева, Сологуба. Он мне читал отрывки. Хорошо, но мало наглядности. То, что должно бы быть изображено, передается как думы героя; получается статья в рассказе. Это мое мнение, основанное лишь на отрывках.

Теперь распорядитесь. Я жду Филиппова из Петербурга, где он устраивает внешние дела по журналу³, во вторник или в среду. Если хотите, я передам ему «Исповедь маньяка», — конечно, если при рассмотрении его «деловых дел» буду убежден, что «Русское обозрение» будет выходить и будет иметь чита-

гелей. «Необходимость жить» по размерам подошла бы к «Северным цветам»⁴. Теперь ни одна типография не возьмется напечатать к Рождеству. «Северные цветы» выходят в феврале точно, «Русское обозрение» в январе. Вам остается напечатать книгу в марте, это еще не опоздание — до Пасхи. Но, может быть, Вы пришлете иного?

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. Разумеется, не вычеркнуто ничего⁵.

Р. С. Письмо было написано, когда получил Ваше⁶. Что значит 250 р. с издателем? Кто их кому дает? Если издатель Вам, то это сносно, и принять это должно, а для «Северных цветов» и «Русского обозрения» Вы напишете что-либо новое, конечно напишете. Если же Вы даете 250 р. издателю, то, конечно, это безумие и бессмыслица. Или издатель хочет, чтобы книга появилась и дает 250 р., а Вам предоставляет прибыль? Вы написали очень невразумительно⁷.

Крайний срок для «Северных цветов» между 15 и 20 этого месяца⁸, конечно, если знать наверное, можно отдалить и еще на 5—6 дней, но тогда надо иметь хоть отрывок, хоть сюжет для успокоения скорпионовского собрания. Срок для «Русского обозрения» все еще не решился, хотя 1-й книги многое набрано.

Приезжайте, поговорим о внешнем, и, вероятно, скажем один другому и кое-что из домысленного нами за эти годы. Думаю, что в воззрениях на что и как разошлись мы очень далеко.

Я — Ваш Валерий Б.

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 3—5об.

Датируется на основании того, что в постскриптуме содержится отклик на письмо Самыгина от 3 ноября 1901 г.

¹ В сентябре 1901 г. Самыгин послал Брюсову рукопись сборника своих рассказов с просьбой отнести ее в цензуру. Первоначальное название сборника было «Ангел смерти». Сборник вышел под названием «Чающие движения воды» в 1903 г. (дозволено цензурой 27 февраля 1903 г.).

² См. п. 34, прим. 18.

³ Сотрудник газеты «Московские ведомости» Алексей Фролович Филиппов в 1901—1903 гг. пытался возобновить издание реакционно-охранительного по своему направлению журнала «Русское обозрение», выходявшего с 1890 по 1898 г. В 1901 г. он выпустил единственный номер, в 1902 г. журнал не выходил, а в 1903 г. появился лишь один строенный выпуск (№ 1—3). Далее издание журнала прекратилось. Самыгин был намерен сотрудничать в этом журнале. В письме к Брюсову от 18 октября 1901 г. он предлагал открыть в Иваново-Вознесенске контору журнала.

⁴ Рассказы Криницкого «Исповедь маньяка» и «Необходимость жить» вошли в его сб. «Чающие движения воды».

⁵ Имеется в виду, что цензура ничего не выбросила из рукописи сборника.

⁶ Письмо от 3 ноября.

⁷ В ответном письме от 8 ноября Самыгин разъяснял: «Издатель дает в мое распоряжение 250 руб. с тем, чтобы я сам распоряжался всем делом и пользовался всею прибылью, словом это скорее заимодавец, чем издатель».

⁸ В СД 1902 был напечатан рассказ Криницкого «Ангел страха», посвященный Брюсову.

Если Вам можно — приезжайте в четверг, хотя бы к вечеру¹. Это приемный день Бартенева. Он Вас очень хочет видеть. Если нельзя, — я напишу ему о позволении посетить его в пятницу. Вас жду.

Ваш В. Б.

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 41. Открытка. Датируется на основании письма Самыгина от 8 ноября 1901 г., в котором последний сообщал о своем намерении приехать в Москву «16-го в пятницу (утром)».

¹ В открытке от 14 ноября Самыгин извещал Брюсова, что он уже в Москве: «В четверг Ваш с утра».

(Москва. Не ранее 28 марта 1902 г.)

«Русский вестник» будет ли выходить, — неизвестно ¹. Рукопись Ваша в новом журнале «Новый путь», но и сей будет ли выходить неизвестно ². «Плевелы» спрашивал ³ — они целы, но еще их не получил: у Казецкого умер брат и его неловко тревожить ⁴. Фролыч, он же Филиппов, безнадежен, у него ничего печатать не стоит ⁵. Хочу Вас увидеть. Могу быть Ваш, кроме 2-го дня, всю Святую ⁶. Юрия Петровича ⁷ не видал давно. А на молчания мои не сердитесь, — таков я. «Северные цветы» выйдут на той неделе непременно, если не цензура ⁸. С. А. Поляков, наш издатель, был очень болен, теперь лучше. Юргис ⁹ уехал за границу. Был Бальмонт, уехал туда же. После Пасхи уезжаем мы — туда же ¹⁰.

Сердечно Ваш В а л е р и й

1902

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 39—40. Ответ на письмо Самыгина от 26 марта 1902 г.

¹ Реакционно-охранительный журнал «Русский вестник» в 1902 г. был реорганизован. Его издание было перенесено в Петербург и продолжалось по 1906 г.

² См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 49, прим. 10. В 1904 г. в «Новом пути» были напечатаны рассказы Криницкого «Тора Аможе» (№ 8) и «Проклятье» (№ 12).

³ В январе 1902 г. Самыгин переслал Брюсову свою повесть «Плевелы» «из жизни средне-учебного заведения». 13 января он писал: «В повести “Плевелы” я вылил все, что у меня накопело на самый принцип современной средней школы. В том, что я написал, нет лжи, скорее краски смягчены: чем положены густо». Предлагая направить свое произведение в «Русский листок», Самыгин отмечает: «...я убежден, что напечатание моей повести сделает прямо огромную розничную продажу, если редакция рискнет печатать без особенно безбожных выпусков». 26 марта 1902 г. Самыгин спрашивает Брюсова: «Что мои бедные оплеванные “Плевелы”? Не пропали они?». Произведение под таким заглавием опубликовано не было. См. вступ. ст., прим. 47.

⁴ Николай Львович Казецкий — редактор-издатель московской газеты «Русский листок». О сотрудничестве Брюсова в этой газете см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 49, прим. 8. Сюда Брюсов передал повесть Самыгина. Из письма последнего от 3 февраля 1902 г. мы узнаем, что Брюсов хотел устроить своего товарища на штатную работу в редакции «Русского листка» и тем самым вытаскать его из «медвежьих углов».

⁵ См. п. 32, прим. 3.

⁶ Святая — пасхальная неделя (в 1902 г. приходилась на 14—20 апреля).

⁷ Ю. П. Бартенев.

⁸ СЦ 1902 вышли в конце марта (см.: *Дневники*. С. 120). Получив альманах, Самыгин писал 18 апреля: «Крепко жму Вашу руку за то, что Вы мне доставили случай выступить в таком сообществе». В альманахе были напечатаны произведения Брюсова, Бальмонта, Сологуба, Минского, Мережковского, З. Гиппиус, В. Розанова, А. Воынского и др.

⁹ Ю. К. Балтрушайтис.

¹⁰ Брюсовы уехали в Италию 5 мая 1902 г.

(Москва. Октябрь, до 5-го) 1902.

Друг мой! Напишу Вам скоро, как только освобожусь немного. Пишите мне. Юрий Петрович ¹ болен, в деревне. «Новый путь» осуществляется, но переезжать для него в Петербург я передумал ². Что же Ваши все повести? ³ Что Величко? ⁴ Пишите ему. А Филиппов безнадежен! ⁵ Говорили даже о его самоубийстве. Есть ли у Вас что для будущих «Северных цветов»? ⁶

Ваш В а л е р и й Б.

Р. S. Написал груды стихов ⁷.

Р. R. S. Шулятиков, если это Вам любопытно, продолжает оставаться в Петропавловке ⁸.

ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 29. Л. 28 (здесь ошибочно положено в папку с письмами Брюсова к С. А. Полякову). Датируется по письму Самыгина от 7 октября 1902 г., являющемуся ответом на данное письмо.

¹ См. п. 34, прим. 7.

² См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 77, прим. 9. Самыгин писал Брюсову 7 ок-

тября: «В Петербург не смейте уезжать: я лично плохо могу себе представить Москву без Брюсова. Я твердо уповаю на то, что скоро мы все соберемся под Вашими крыльями, и «Северные цветы» перестанут быть альманахом».

³ В письмах 1902 г. Самыгин сообщал о своей работе над повестями «Тайна барсука» и «Жизни не было».

⁴ К В. Л. Величко, поэту и реакционному публицисту, сотруднику журнала «Русский вестник» (о Величко см. также наст. кн., Перениска с Курсинским, п. 1, прим. 2), Брюсов относился резко критически. Например, в письме к В. К. Станюковичу от 5 января 1895 г. Брюсов так отзывался о «Римской легенде» Величко: «И этот человек смеет называться поэтом. Да у него ни одного поэтического стиха, ни одного образа, ни одной рифмы на месте» (ЛН. Т. 85. С. 733). 7 октября 1902 г. Самыгин сообщал Брюсову: «Писал мне Ю(рий) П(етрович), что Величко обвиняет меня в плагиате: Ю. П. потребовал объяснения от Величко. Я в смущении и жду разъяснения случившемуся».

⁵ См. п. 32, прим. 3.

⁶ В письме от 7 октября Самыгин отвечал: «Вы знаете, как я дорожу своим сотрудничеством в «Северных цветах», но у меня сейчас ни одного мелкого рассказа, достойного Вашего внимания». В *СЦ* 1903 был напечатан рассказ Криницкого «Улица» (с эпиграфом из стих. Брюсова).

⁷ Речь идет о стихах, вошедших в сб. *УО*.

⁸ Владимир Михайлович *Шулятиков* (1872—1912) — литературный критик и публицист, товарищ Брюсова по университету, член РСДРП (большевик). В 1902 г. был арестован, но находился в заключении не в Петропавловской крепости, а в московской Бутырской тюрьме и тверской губернской тюрьме; затем был выслан в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции.

В. М. ШУЛЯТИКОВ

Фотография. 1900-е годы

Собрание В. И. Шулятикова, Москва

36

(Москва. Октябрь, после 10-го, 1902 г.)

Получил и прочел Вашу книгу ¹. Что Вы за бесталанный человек! Разве можно было писать, или вернее печатать такую вещь ². Она хороша, конечно, но все скажут: удачное подражание Горькому. Ну, разумеется, все будут неправы, но будут убеждены. Юрий Петрович рассказывал мне о Величко ³. Так глупо, что говорить не стоит. А на самого Юрия Петровича тоже плюньте. Ничего он из своих обещаний не исполнит. Он мне сорок вещей обещал и ни одной не исполнил. Ожиревшая скотина — это самое скромное мнение об нем. И все христианско-елейные речи в устах его — мерзость. Он был человеком и перестал быть. Впрочем, я с ним в «дружеских» отношениях ⁴. А вот с отцом его рассорился и в «Архив» больше не хожу ⁵. Рассорился я и с «Новым путем» ⁶. Там существа тоже довольно гнусные. Я с документальной точностью узнал, чего стоят пророческие речи Мережковского и его проповеди о целомудрии и против блуда. Картонный проповедник, карикатура на евангелиста с припряданным хвостом. В «Русском листке» я больше не пишу ⁷. Я остался, наконец, совсем одиноким. Кругом воздух, ветер и небо. Мечтаю уехать из Москвы. Бросить всех тех, в кого влюблен и кто в меня влюблены, всех друзей, с которыми говорим мы о вечном и о тайном, бросить все свои ненужные статьи, чтобы жить, чтобы писать стихи, чтобы быть самим собой ⁸. Последнее блаженство.

О, если б всё забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых степей,
Идти своим путем свободным и широким
Без будущих и прошлых дней.

Срывать цветы, мгновенные, как маки,
Впивать мечты, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке
Без гордой радости воскреснуть вновь и вновь! ⁹

Валерий Брюсов

1902

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 37—38. Датируется по содержанию письма Самыгина от 7 октября, в котором говорится о посылке драмы, и октябрьской записи (1902) в *Дневнике* («Одно время я со всеми ссорился...», с. 122—123).

¹ *Криницкий Марк*. Драматические сочинения: Сирена. Драма в 3-х действиях. М., 1903 (книга вышла фактически в 1902 г., ценз. разрешение от 29 мая 1902 г.). В личной библиотеке Брюсова находится экземпляр книги с дарственной надписью: «Дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову от преданного Марка Криницкого» (ГБЛ. Ф. 306. Книги, № 115).

² Самыгин писал Брюсову, посылая книгу: «Вас, быть может, поразит грубо-реалистический тон „Сирены“, но я Вас прошу уловить здесь тоненькую идеалистическую нотку». В письме от 12 ноября Самыгин так реагировал на критические замечания Брюсова: «О „Сирене“ забудьте и думать: я сам мало доволен собою».

³ См. п. 35, прим. 4.

⁴ В *Дневнике* Брюсов записал в это время: «Чуть было не наговорил вещей очень жестких Юшенъке Бартенеу. Но он сбавил тон и тем спасся» (с. 123).

⁵ В 1902 г. Брюсов перестал быть секретарем «Русского архива», но общение его с П. И. Бартеневым не прекращалось. В своих воспоминаниях о Бартеневе он писал: «Покинув работу в редакции „Архива“, я продолжал посещать Бартенева...» (*Брюсов В.* За моим окном. М.: Скорпион, 1913. С. 56).

⁶ При всех своих расхождениях и ссорах с руководством журнала «Новый путь» Брюсов сотрудничал в нем в 1903 и — значительно меньше — в 1904 г.

⁷ В «Русском листке» Брюсов продолжал печататься еще в 1903 и в начале 1904 г.

⁸ В письме от 12 ноября Самыгин так откликнулся на эти настроения Брюсова: «От Вашего последнего письма на меня повеяло такою усталостью жизни, что просто захолонуло в груди, руки опустились Вам что-нибудь ответить. Страшную сердечною и умственной скукою пахнуло на меня (...) словно часть Вашей души прикоснулась ко мне и сказала: — Я одинок! Пойми: я болен моим одиночеством. У меня нет никого и, главное, никогда не может быть...».

⁹ Заключительные строфы из стих. Брюсова «L'ennui de vivre» («Скука жизни», 1902), вошедшего в сб. *УО* (I, 294—295).

37

(Москва. 31 октября 1)903.

Дорогой Михаил Владимирович!

Не сердитесь на меня. Я отдал «Грифу» «Сны» ¹, а в «Северные цветы» возьму «Памяти младенца». И больше мне нравится этот рассказ, и — главное — хочется избежать в «Северных цветах» этого года статей ². Да будут они только художественным сборником. А для статей, вероятно, с 904 г. оснуется журнал «Скорпиона» — «Весы».

Ваш Валерий Брюсов

ГБЛ. Ф. 386, 72.31. Л. 42. Датируется по почт. шт. Ответ на письмо Самыгина от 13 октября 1903 г. В свою очередь, последний ответил Брюсову в письмах от 5 и 11 ноября.

¹ Самыгин был намерен отдать в альманах «Гриф» рассказ «Памяти младенца», но затем участвовать в альманахе отказался, вероятно после того, как узнал, что Брюсов относится к этому изданию отрицательно.

² Для «Северных цветов» Самыгин сначала предназначал рассказ «Сны», а затем принял предложение Брюсова передать ему «Памяти младенца» (автор хотел изменить заглавие на «Цветок смерти»). Но в 1904 г. альманах «Северные цветы» не выходил. В 1905 г. в альманахе «Северные цветы Ассирийские» было напечатано другое произведение Криницкого — «сказание» «Корабль».

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАРК КРИНИЦКИЙ В ЗАПИСЯХ Ф. Ф. ФИДЛЕРА

Предисловие, публикация, комментарии и перевод К. М. Азадовского

Характеризуя жизнь и личность Марка Криницкого, а также его сложные взаимоотношения с Брюсовым, следует учесть ряд записей о нем в литературном дневнике Фидлера, относящихся к 1916 г.

Федор (Фридрих) Федорович *Фидлер* (1859—1917), немец по происхождению, родился и всю жизнь прожил в Петербурге. Окончив в 1884 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, Фидлер занялся педагогической деятельностью: в течение тридцати лет он преподавал немецкий язык в различных учебных заведениях столицы. Наряду с этим Фидлер переводил произведения русских поэтов на немецкий язык. Он познакомил немецких читателей с такими писателями, как Кольцов, Никитин, Надсон, Фет, А. К. Толстой и др. Свои переводы Фидлер печатал в Германии и в петербургской немецкой газете «Герольд». Фидлер переводил также и новейшую поэзию, в том числе символистскую (Блока, Брюсова, Вяч. Иванова)¹.

Однако в столичных литературных кругах Фидлер был известен прежде всего как неутомимый энтузиаст-собираатель, как создатель уникального «музея», разместившегося в нескольких комнатах его квартиры на Николаевской улице, 67 (ныне ул. Марата). С величайшим старанием и упорством, в течение многих десятилетий, отыскивал Фидлер письма и рукописи писателей (русских и западноевропейских), собирал их книги (как правило, с дарственными надписями), их портреты, карикатуры на них, а также любые, даже самые мелкие вещественные свидетельства, имеющие отношение к литературе. «Чудесная сокровищница, где все дышит образами былых корифеев и где все обаяно трогательной любовью к ним и к литературе» — так писал о «музее» Фидлера критик А. Измайлов².

Фидлер коллекционировал также писательские автографы. Для этой цели у него были заготовлены небольшие альбомчики, озаглавленные «У меня», «В пути», «В ресторане», «Товарищеские обеды» и т. п. Фидлер неизменно носил их с собой и при первой возможности предлагал тому или другому литератору увековечить себя какой-либо шуточной записью или афоризмом³. Друзья нередко посмеивались над увлеченностью Фидлера, однако, видя в его начинаниях большое культурное дело, старались помогать ему и нередко по собственному почину пополняли его «музей» новыми материалами. «Ваше дело, Фед(ор) Фед(орович), дело великое, святое», — писал ему, например, Глеб Успенский⁴. А Максим Горький, даря Фидлеру летом 1908 г. на Капри экземпляр своих «Пьес», сделал на книге следующую надпись: «Федору Федоровичу Фидлеру, который своею любовью к литературе русской вызывает чувство глубочайшего уважения к нему»⁵.

О Фидлере и его музее не раз сообщалось в русской периодической печати. «Это самый бескорыстный и в то же время самый богатый рыцарь русской литературы», — писал Г. Вяткин. — Бескорыстный потому, что всей его деятельностью руководит исключительно любовь к литературе и писателям, лишенная каких-либо посторонних побуждений, а богатый потому, что в результате его многолетней деятельности мы видим такое ценное хранилище всякого рода литературных реликвий, которому могут позавидовать и самые культурнейшие страны и мимо которого не пройдет, не заметив его, ни один историк литературы»⁶.

После смерти Фидлера (он умер 24 февраля 1917 г. — накануне Февральской революции) его собрание распалось. Купленное почти целиком известным петроградским коллекционером Е. П. Бурцевым, оно впоследствии стало по частям поступать в различные государственные хранилища⁷. Отдельные материалы из музея Фидлера и поныне находятся в частных руках.

В наследии Фидлера особый интерес представляют его «Дневники», написанные по-немецки и охватывающие период с 1888 по 1916 г. С поразительной скрупулезностью, изо дня в день, заносил Фидлер в свои «синие тетради» все, что наблюдал и слышал «в мире литераторов» (так озаглавлены его дневники). Фидлер описывает в них свои встречи и беседы с писателями, их суждения о литературе, отзывы одних писателей о других и т. д. «Эти дневники — истинные сокровища для закулисной истории русской печати», — отмечал Вас. И. Немирович-Данченко, близко знавший Фидлера в течение многих лет⁸.

Ф. Ф. ФИДЛЕР

Рисунок И. Е. Репина. 19 апреля 1893 г.

Литературный музей, Москва

Действительно, литературный дневник Фидлера содержит массу неизвестных подробностей (подчас сугубо личного характера), касающихся русских писателей XIX—XX вв.: Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Гаршина, Надсона, Полонского, Фета, Чехова, Мамина-Сибиряка и мн. др. На основании своих многолетних записей Фидлер начал в 1913 г. публиковать воспоминания об отдельных русских писателях⁹. Однако в связи с началом первой мировой войны публикация фидлеровских мемуаров прервалась. Отрывки из дневников Фидлера появлялись в русском переводе и в наши дни¹⁰. В целом же этот уникальный памятник литературного быта и культурной жизни конца XIX — начала XX в. до настоящего времени остается неизвестным широкому читателю.

К числу знакомых Фидлера принадлежал и Брюсов, хотя общение их нельзя назвать тесным: с московскими писателями Фидлер встречался сравнительно редко. Кроме того, будучи приверженцем «классической» литературы XIX в., Фидлер скептически относился к новейшим течениям, в том числе символизму (что, впрочем, не мешало ему поддерживать в течение ряда лет дружественные отношения с Мережковскими, Минским, Сологубом, Бальмонтом, позднее В. Ивановым). Лишь к середине 900-х годов Фидлер преодолевает свое предубеждение против «декадентов».

Знакомство Фидлера с Брюсовым относится к декабрю 1898 г. Приехавший на несколько дней из Москвы Брюсов — по приглашению Бальмонта — посетил К. К. Случевского, на квартире которого еженедельно собирались петербургские поэты, читавшие друг другу свои новые произведения, сочинявшие стихотворения на определенную заданную тему и т. п. Традиция, установившаяся на «пятницах» Случевского, не прервалась с его смертью в 1904 г.: собрания кружка поэтов, получившие название «Вечера Случевского», продолжались вплоть до 1917 г.¹¹ Посещение Брюсовым очередной «пятницы» у Случевского (вечером 11 декабря 1898 г.) достаточно подробно описано в его дневнике; там же описывается и его знакомство с Фидлером: «На похоронах Полонского собирались все поэты. Им сказал Случевский: "Вот умер тот, у кого мы собирались по пятницам, будемте теперь собираться у меня". Эти пятничные собрания у Случевского поэты называют своей академией. Был там и я 11-го вечером, пришел с Бальмонтом и Бунным, — согласно с обычаем поднес хозяину свои книги стихов, сел и стал слушать... Было сравнительно немало народа — из старших был дряхлый старец Михайловский и не особенно дряхлый Лихачев, был издатель "Недели" Гайдебуров, цензор и переводчик Канта Соколов, позже пришел Ясинский; из молодых были здесь Аполлон Коринфский, Сафонов, Мазуркевич, Грибовский... Мы, трое декадентов — Бальмонт, Сологуб и я, тоскливо укрылись в угол.

(...) Когда все собрались, начали читать стихи. Мазуркевич читал то приветствие, которое написал он для вечера в память А. Толстого — "Алексею Толстому же слава... Слава Алексею Толстому"... Бальмонт читал "Майю", и ее не поняли совершенно. Гайдебуров пробормотал что-то о богатстве образов... Еще читал Бальмонт свои стихи к Случескому; тот был польщен и "отклонял от себя честь..." Я прочел "На новый колокол", а так как полагалось, что я — декадент, то все нашли, что это стихотворение архи-декадентское. Едва я кончил, Сафонов дико вскочил с места и закричал: „Господа! вот вопрос, что это — искание новых путей или что иное?“

Тут все что-то заговорили. Я пытался было вставить два слова, но перекричать Сафопова не так-то легко. — "Я — говорит он — поэзии поклоняюсь! Я здесь не уступлю ни шагу!" Я махнул рукой и замолчал. К тому же тут подползла ко мне некая фигура на двух ногах и заговорила:

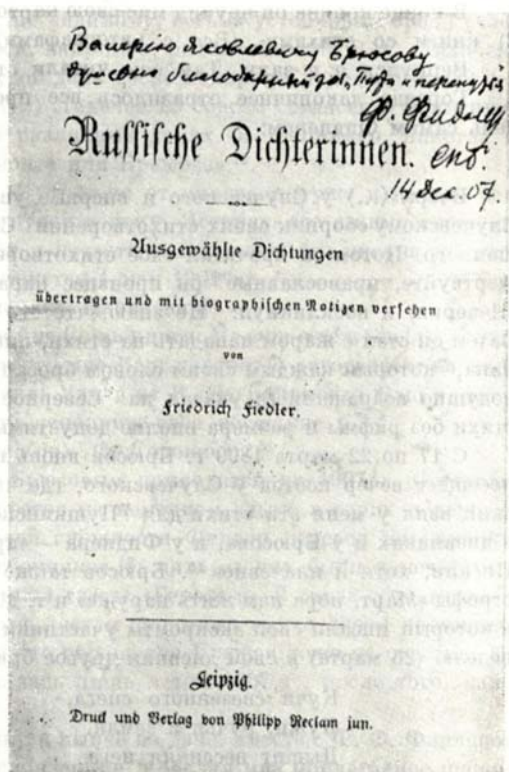
— Я много читал о вас и слышал, очень рад познакомиться. У меня есть альбом, который украшен автографами многих замечательных людей, не согласитесь ли и вы украсить его этим стихотворением.

Я согласился и украсил, а едва кончил, владелец альбома, оказавшийся немецким поэтом Фидлером, спросил меня:

— А есть ли с вами ваш портрет?

Моего портрета со мной не оказалось.

— Будьте любезны прислать мне с автографом, у меня портретная галерея замечательных лиц.

РУССКИЕ ПОЭТЕССЫ. ЛЕЙПЦИГ, <1907>

Составитель и переводчик Ф. Фидлер
Титульный лист с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову душевно благодарный за «Пути и перепутья» Ф. Фидлер. Спб., 14 дек. 07.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В конце концов он вручил мне свою карточку, где написал: Friedrich Fiedler. 1) портрет, 2) книги со стихами. (Все с автографами).

Вернулся я в залу. Там еще читали стихи¹².

Гораздо лаконичнее отразилось все происходившее в записи, сделанной на другой день самим Фидлером:

«12 декабря 1898

Вчера (...) у Случевского я впервые увидел декадента Валерия Брюсова: он принес Случевскому сборник своих стихотворений "Chefs d'oeuvre" и сидел безмолвно с видом помещанного. Потом он прочитал свое стихотворение "На новый колокол", причем слова "Пожертвуйте, православные" он произнес нараспев. Когда он закончил, поднялся Сафонов (Печерин) и воскликнул: "Не знаю, что это — новое слово в поэзии или шарлатанство?" Затем он стал с жаром нападать на стихи, лишённые рифмы и размера, сославшись на Пушкина, "который каждым своим словом бросал на стол звенящую золотую монету". Ему единодушно возражали (я указал на "Северное море"), доказывая, что в отдельных случаях стихи без рифмы и размера вполне допустимы. К сожалению, я должен был уйти¹³.

С 17 по 22 марта 1899 г. Брюсов вновь находится в Петербурге; 19 марта он вторично посещает вечер поэтов у Случевского, где читает стихотворение «Демоны пыли». «Случевский взял у меня эти стихи для "Пушкинского сборника"»¹⁴. За ужином — как отмечено в дневниках и у Брюсова, и у Фидлера — «предложили писать экспромты на тему "Весна". Писали, хотя и плачевно»¹⁵. Брюсов также принял участие в этом турнире, написав две строфы «Март, пора нам жить наруже» и т. д. (III, 254). Кроме того, из альбома «Пятницы», в который писали свои экспромты участники вечеров Случевского, Фидлер переписал через неделю (26 марта) в свой дневник другое брюсовское стихотворение на тему «Весна»:

Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.

Прежним беспечным мальчишкой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю под мышкой,
Шлепаю в воду ногой.

Годы, безумные годы!
Гаснете вы, словно сны,
С первым дыханьем природы,
С веяньем юной весны¹⁶.

Появление Брюсова в кружке петербургских поэтов не прошло незамеченным. Уже через две недели, 3 апреля 1899 г., перечисляя в своем дневнике лиц, отсутствовавших накануне у Случевского, Фидлер называет Брюсова (в одном ряду с Вейнбергом, Минским, Вл. Соловьевым и Бунинным)¹⁷. А через неделю, 10 апреля, Фидлер записывает: «Вчера у Случевского. Последний поэтический вечер в этом сезоне (...) Бальмонт декламировал стихотворение "Демоны пыли" своего друга Валерия Брюсова (который отсутствовал) и прочий декадентский вздор того же автора и рассердился, когда все кругом стали улыбаться и смеяться»¹⁸.

Споры о Брюсове и его стихах продолжались на вечерах у Случевского довольно долго. В своем дневнике Фидлер приводит, например, следующую запись, сделанную А. Коринфским 1 декабря 1900 г.: «Собрались довольно поздно, что, однако, не помешало прочесть И. И. Ясинскому горячо и остроумно написанный реферат об одном из новейших поэтов (Вал. Брюсове), в пять лет отошедшем от самого себя ("О закрой свои бледные ноги!") на пять столетий. Чтение вызвало оживленные толки. Большинство оказалось при "особом мнении", хотя и согласились, что *теперь* у автора "Бледных ног" действительно есть *стихи* и даже хорошие»¹⁹.

Приведем также эпиграмму на Брюсова, принадлежащую перу Н. Н. Вентцеля и записанную им в альбом Случевского (16 февраля 1901 г.), откуда ее впоследствии и перенес в свой дневник Фидлер:

Существовал когда-то встарь
Известный Брюсов календарь.
Он врал, но что ни говори,
И все ведь врут календари!

Календаря того уж нет,
Но Брюсов есть зато поэт.
И откровенно говоря,
Почище врет календаря²⁰.

Скептическое отношение к Брюсову было, по-видимому, весьма устойчивым среди участников вечеров Случевского. Это подтверждается, например, репликой поэта В. С. Лихачева, которую Фидлер занес в свой дневник на другой день после похорон Случевского: «29 сентября 1904. Вчера — похороны Случевского (...) Лихачев не совсем согласен с моим предложением проводить поэтические собрания в различных домах. Я, например, никогда не пушу к себе в квартиру какого-нибудь Бальмонта или Брюсова»²¹.

Однако Фидлер был настроен по-иному. В отличие от многих он уже в начале века угадал в Брюсове значительного писателя, тянулся к нему. Историю его взаимоотношений с Брюсовым, помимо «Дневников», дополняют и отчасти раскрывают его письма к поэту. Первое из них (открытка из Петербурга) датируется 1 мая 1901 г.:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

В дек(абре) (18)98 г. Вы любезно прислали мне Ваши книги: *Me eum esse* и *Chefs d'oeuvre*. Тогда же Вы не менее любезно обещали доставить мне Ваш портрет (с автографом на лицевой стороне). Увы, я его до сего дня не получил! Узнав от К. Д. Бальмонта Ваш адрес, я позволю себе выразить надежду, что Вы теперь исполните свое обещание.

Преданный Вам Ф. Ф. Фидлер (Фед(ор) Фед(орович))»²².

Следующий период общения Фидлера с Брюсовым приходится на 1907 г. Составляя обширную антологию современных русских поэтов на немецком языке в своих переводах, Фидлер обратился к поэзии Брюсова. В общей сложности Фидлер перевел на немецкий язык 22 стихотворения Брюсова из разных сборников²³; пять из них были напечатаны в июле—августе 1906 г., в петербургской немецкой газете «Герольд». В связи с подготовкой антологии Фидлер послал Брюсову вопросный лист и напомнил ему о своем давнишнем желании: иметь его портрет с автографом. На это обращение Брюсов тоже не ответил. Переписка между Брюсовым и Фидлером завязалась лишь летом 1907 г., после того, как в дело вмешался С. А. Венгеров.

4 июля 1907 г. он сообщал Брюсову: «Живу я нынче на даче, вместе с Ф. Ф. Фидлером, который, узнав, что я состою с Вами в корреспонденции, прислал мне прилагаемое письмо. Письмо благоволило прочитать и затем мне его отослать, а просьбу рачительного немца — исполните»²⁴.

В «прилагаемом письме» Фидлер подробно излагал историю своих взаимоотношений с Брюсовым: «Несколько лет тому назад я познакомился с ним у покойного Случевского. Тогда же он обещал прислать мне свой портрет (с автографом, конечно, на лицевой стороне — согласно характеру всего моего иконостаса). Прошли недели, месяцы и годы и — как Гейне говорит: «Ein Narr wartet auf Antwort»*.

Года два тому назад я напомнил ему в заказном письме о его любезном обещании — результат тот же!

К тому письму был приложен вопросный лист, о заполнении которого я убедительно его просил... Ни слова ответа!

Между тем тебе известно, что в имеющей появиться моей книге (*Moderne russische Lyriker* 2*) все биографические данные о соврем(енных) русских поэтах основаны на заполненных ими собственноручно вопросных листках.

Известно тебе также, что я перевел несколько найденных мною в разных сборниках и альманахах его стихотворений. Я их напечатал в «Herold'e» и, помнится, также послал ему. Эффект — тот же!

Ты понимаешь, что не могу же я поместить эти переводы в мою антологию, не предпослав им *автобиографических* дат (как у всех)!

Прилагаю этот вопросный лист. Авось тебе посчастливится получить его обратно заполненным!

Может быть, Бр(юсов) пришлет тебе также для меня и свой портрет!

Пожалуйста, Семен,— употреби все свое обычное ораторское обаяние, чтобы Бр(юсов) исполнил наконец свое давнишнее обаяние!

Обещал он мне также прислать свои книги (с автогр(афом)!!). Но об этом ты ему не напоминай: неловко вводить его в издержки... Собственно, это, конечно, очень жаль, так к(ак) у меня имеются книги всех русских поэтов (начиная с Фета, Полонского и Майкова) с собственноручной дедикацией... Но на силу мил не будешь!»²⁷.

* «И глупец ожидает ответа» (нем.)²⁵.

2* Современные русские лирики (нем.)²⁶.

Ф. Ф. ФИДЛЕР В СВОЕМ КАБИНЕТЕ

Фотография К. Буллы, 1910-е годы

Центральный архив кинофотофонодокументов, Ленинград

Л. 111.11.111

Письмо Венгерова было толчком, побудившим Брюсова ответить Фидлеру. Оправдывая свое долгое молчание отсутствием у него доброкачественных фотографий, Брюсов писал 25 июля 1907 г.: «В настоящее время, по счастью, я могу исполнить Вашу просьбу со всей благопристойностью, потому что у меня есть снимки с прекрасного портрета Врубеля, — портрета, которым я по справедливости горд. Очень прошу Вас не сердиться на меня за промедление в несколько лет и принять этот портрет как знак сердечного моего уважения к Вам²⁸. Одновременно я посылаю Вам сборник моих стихов "Stephanos", единственный из имеющихся сейчас в продаже, так как из письма С. А. Венгерова я узнал, что Вам будет приятно иметь мою книгу с моей надписью. Возвращаю Вам также вопросный лист²⁹, который заполнил как сумел.

С. А. Венгеров сообщил мне, что Вы перевели некоторые из моих стихотворений и напечатали эти переводы в "Herold'e". Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне, в каких №№, какого года эти переводы были напечатаны, и во всяком случае всей душою вам благодарен за такое внимание к моей поэзии³⁰.

8 августа Фидлер открыткой уведомляет Брюсова о том, что отправил ему три номера газеты «Герольд»³¹. Брюсов отвечает на это новым письмом, которое было получено Фидлером, согласно сделанной им помете, 24 августа³². Наконец, 5 марта 1909 г. Фидлер сообщает Брюсову, что переводит его стихотворения из первого тома «Путей и перепутей», полученного им в декабре 1907 г.³³. «Из этой книги я пока перевел: "Предчувствие", "Сладострастные тени", "К монахине", "Прохлада утренней весны" и "Демоны пыли"»³⁴.

В 1909—1910 гг. Фидлер был поглощен работой по составлению книги «Первые литературные шаги» — сборника автобиографий современных русских писателей. С этой целью Фидлер обращался ко многим знакомым и незнакомым ему русским литераторам, писал письма с просьбой принять участие в начатом им деле, рассылал составленные им анкеты с 25 вопросами. Такой вопросник он послал и Брюсову. Фидлер определенно хотел вклю-

читать в этот сборник автобиографию Брюсова, о чем красноречиво свидетельствует его письмо к поэту от 18 окт. 1910 г.:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Позвольте быть откровенным!

Вчерашний присыл Вашей книги меня удивил. Ведь Вы за последние годы не ответили ни на одно из моих писем! Все посреднические попытки наших общих знакомых московских писателей в этом отношении не имели результата, — Вы молчали. Я несколько раз посылая Вам анкетный лист для моего сборника "Первые литературные шаги" — никакого ответа! Я писал Вам, что перевел 22 Ваших стихотворений, — молчание!

И вдруг — вчера Ваша книга! Снимая обложку, я думал найти второй и третий том "Путей" (ибо я имею от Вас только первый, из которого и сделаны мои переводы) и нахожу — "Земную ось"!

Позвольте же Вам выразить свое большое "Dankeschön" за любезное внимание (...)

А теперь еще раз прилагаю анкетный лист с великой просьбой написать хоть две странички. Книга хотя уже набирается (она выйдет в пользу Литературного фонда), но Вы не опоздаете. Авторы помещены не в алфавитном порядке, а в хронологическом: по мере поступления их статей, на что я и указываю в предисловии. Если Вы интересуетесь книгой, — зайдите в типографию Сытина (на Пятницкой), и Вам покажут корректурные листы. На мой призыв откликнулось свыше 50 писателей и было бы крайне обидно, если Ваше имя не украсило (бы) сборник.

Пожалуйста, Валерий Яковлевич, поспособствуйте этому доброму делу и пришлите мне на днях Вашу статью (отвечать и не отвечать можно на любые пункты).

А если у Вас окажется свободный экземпляр 2-го и 3-го томов "Путей" — порадовать присылкой

преданного Вам Ф. Фидлера»³⁵.

На это письмо Брюсов откликается немедленно 20 октября:

«Многоуважаемый Федор Федорович, очень извиняюсь во всех тех прегрешениях перед Вами, в которых Вы меня обвиняете. Но если я и виноват, то "заслуживаю снисхождения". Ежедневно я получаю около десяти писем и отвечать на все не могу физически. Точно так же не имею никакой возможности ответить на Вашу анкету. Ведь пришлось бы писать чуть ли не всю свою автобиографию! Простите. "Пути и перепаутья" постараюсь не забыть Вам выслать. Уважающий Вас Брюсов»³⁶.

Книга «Первые литературные шаги» вышла в январе 1911 г.; среди вошедших в нее автобиографий 54 русских писателей Брюсова не было. Его переписка с Фидлером прерывается на несколько лет. 21 мая 1916 г. Фидлер с упреком пишет Брюсову: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Пишу Вам на этот раз не как переводчик 22 Ваших стихотворений, ибо о таковом Вы, очевидно, уже давно совершенно забыли: не прислали мне после 1-го тома "Путей и перепаутья" ни одной Вашей книги»³⁷.

Это письмо — последнее в переписке между Фидлером и Брюсовым, который на этот раз даже не счел нужным ответить своему переводчику и почитателю. Однако менее чем через два месяца фигура Брюсова снова предстает перед Фидлером — в устных воспоминаниях Марка Криницкого.

Публикуемые ниже записи рассказов Криницкого о себе самом и Брюсове содержатся в последней (29-й и незаконченной) тетради «Дневников» Фидлера, начатой 31 августа 1915 г.³⁸ Фидлер вместе с дочерью Маргаритой проводил лето 1916 г. на даче Литературного фонда близ Сестрорецка (станция Ермольевская, ныне упраздненная). Там же отдыхал в то лето М. Криницкий.

Воспоминания Криницкого, сохранившиеся в пересказе Фидлера, — ценное дополнение к переписке Криницкого с Брюсовым. Однако в отдельных местах они требуют уточнений. Так, изменившееся отношение Брюсова к товарищу его юности объясняется, конечно, не дурным или капризным характером поэта, а закономерностями его внутреннего развития. На одном из этапов своего духовного пути Брюсов разошелся с Криницким и перестал видеть в нем единомышленника (примерно ту же эволюцию претерпели в свое время отношения Брюсова с А. Добролюбовым, Бальмонтом и другими его сподвижниками). Вероятно, Криницкий и сам в известной мере осознал это: его рассказ (в том виде, как его воспроизвел Фидлер) свободен от обиды или упреков в адрес Брюсова.

Следует далее отметить, что не вполне точно освещена Криницким история женитьбы

Брюсова в 1897 г. Рассказывая об этом Фидлеру, Криницкий явно преувеличивает собственную роль, которая на деле была более скромной. Как видно из дневника Брюсова, дело обстояло далеко не так, как сообщает Криницкий³⁹. Как бы ни дорожил Брюсов в те годы мнением Криницкого, вопрос о том, жениться ему или не жениться, он все-таки решал сам. И если даже Брюсов действительно написал то письмо, о котором упоминает Криницкий, то понимать его текст не следует буквально: это не более чем поза, литературный жест молодого Брюсова.

Наиболее любопытная часть воспоминаний Криницкого — описание его визита к Толстому, относящегося скорей всего к 1894—1895 гг. Спутником Криницкого был Леонид Николаевич *Никонев* (1872—1951), впоследствии видный педагог и ученый-ботаник, преподававший природоведение в различных учебных заведениях Петербурга (с 1899 по 1917 г.). Запись, сделанная Криницким и Никоновым после визита к Толстому, видимо, погибла; во всяком случае в печати этот документ не появлялся.

Привлекает внимание и то обстоятельство, что Криницкий весьма подробно говорил Фидлеру о своей собственной семье, о воспитании сына, о своих взглядах на брак и т. п. Это была как раз та самая проблематика, которая прежде всего занимала Криницкого как писателя. В своих романах и драмах он постоянно возвращался к теме брака и супружеской верности, резко критиковал современную семью, ее моральные устои и принципы. Своими соображениями на этот счет Криницкий, видимо, поделился и с Фидлером.

Насколько можно судить, между Криницким и Фидлером сразу же установились дружеские отношения. Об этом свидетельствует, например, шутовое четверостишие, которое написал Криницкий в альбом Фидлера («У меня») в день своего знакомства с ним:

Познакомился я с Ф. Ф. Фидлером в Сестрорецке,

И хотя я пишу по-русски, а он по-немецки

И сейчас это — две враждебные стихи,

Но мы, кажется, будем с ним приятели большие⁴⁰.

Криницкий оказался последним из знакомых Фидлеру русских писателей, беседы с которым он столь подробно воспроизвел в своем дневнике. Вскоре Фидлер вообще прекращает вести дневниковые записи; состояние его здоровья резко ухудшается (Фидлер страдал эмфиземой легких), и в начале сентября он попадает в Мариинскую (ныне — им. Куйбышева) больницу, откуда уже не возвращается домой. В ноябре—декабре 1916 г. Фидлера регулярно навещают близкие и друзья, среди них — Марк Криницкий. Впрочем, 4 ноября, перечисляя гостей, посетивших его в этот день — день его рождения — Фидлер не упоминает о Криницком. В последний раз Криницкий заходил к Фидлеру 30 декабря 1916 г., но не застал его в палате⁴¹.

¹ О литературной деятельности Фидлера см.: *Тальский М.* Русская поэзия в немецких переводах // *РМ.* 1901. № 11; *Позняков Н. И.* Друг русской литературы // *Новости и биржевая газета.* 1903. № 241. 2/15 сент.; *Данилевский Р. Ю.* Переводчик русских поэтов Ф. Ф. Фидлер // *Рус. лит.* 1960. № 3.

² *И(амайлос) А.* Литературный музей Ф. Ф. Фидлера // *Огонек.* 1912. № 23. 2/15 июня.

³ В 1915—1916 гг. Фидлер напечатал наиболее удачные писательские экспромты из своих альбомов. См.: Афоризмы. Впервые появляющиеся в печати записи из альбомов литературного музея Ф. Ф. Фидлера // *Журнал журналов.* 1915. № 36; Афоризмы. (Из альбомов литературного музея Ф. Ф. Фидлера) // *Там же.* 1916. № 1; *Фидлер Ф. Ф.* Из моего литературного архива // *Там же.* № 7; *Рейсер С. А.* Из альбомов Фидлера // *Звезда.* 1961. № 2.

⁴ Цит. по записи в дневнике Фидлера: *ИРЛИ.* Ф. 619. Оп. 1. № 8. Л. 131.

⁵ Местонахождение этого экземпляра «Пьес» (Собр. соч. Пб.: Знание, 1908. Т. VIII) неизвестно. Цит. по записи в дневнике Фидлера: *ИРЛИ.* Ф. 649. Оп. 1. № 12. Л. 139. Опубл.: *Азадовский К. М.* Ф. Фидлер. Встречи с Горьким // *Лит. обозрение.* 1984. № 8. С. 105.

⁶ *Вяткин Г.* Столичные письма // *Сибирская жизнь.* 1913. № 237. 29 окт. Основной перечень работ, посвященных Фидлеру и его «музею», см. в статье: *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // *Рус. лит.*, 1988, № 2, с. 171—172.

⁷ См.: (Без подп.) Основатель музея русских писателей // *Задуманное слово. Еженедельный журнал для старшего возраста.* 1917. № 47. 24 сент.; см. также заметку: (Без подп.) Судьба автобиографии // *Литературный еженедельник.* 1923. № 43.

⁸ *Н(емирович)-Д(анченко) В(асилий).* Печальные поминки // *Русская воля* (веч. выпуск). 1917. № 57. 11 апр.

⁹ См.: *Фидлер Ф.* Литературные силуэты // *Биржевые ведомости* (утр. выпуск). 1913. № 13297. 29 дек.; № 13299. 31 дек.; 1914. № 14151. 14 мая; № 14153. 15 мая; № 14222.

26 июня; № 14234. 3 июля; одновременно те же отрывки печатались в журнале «Новое слово» (1914. № 1, 5, 6, 8).

¹⁰ См.: Фидлер Ф. Ф. Из дневника // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962; Из дневника Ф. Ф. Фидлера / Предисл. и публ. К. М. Константинова (К. М. Азадовского) // ЛН. Т. 92, кн. 3; Азадовский К. М. Достоевский глазами современников: Из дневников Ф. Фидлера // Новый мир. 1985. № 8. См. также прим. 5, 6.

¹¹ См. подробнее: Смирнский В. К истории пятици Случевского // Рус. лит. 1965. № 3; Соколов М. А. Кружок поэтов имени Случевского // Изв. книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1910. № 9; см. также «Пятницы» и «Вечера» Случевского — Петербургские ведомости. 1909. № 28 (юбилейная справка за подписью И) — криптоном, за которым укрылся В. В. Уманов-Каплуновский, секретарь Кружка).

¹² Дневники. С. 54—55.

¹³ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 679. Фидлер говорит о цикле «Северное море» из «Книги песен» Г. Гейне.

¹⁴ Дневники. С. 65.

«Пушкинский сборник», составленный из произведений русских писателей и поэтов конца XIX в., был издан в 1899 г. (к пушкинскому юбилею). Одним из редакторов сборника был К. К. Случевский. Стихотворения Брюсова в этом издании не появились (см. I, 600, комментарий М. Васильева и Р. Щербакова к «Демонам пыли»; см. также: М. Л. Мирза-Авакян. Из неопубликованной переписки В. Я. Брюсова (90—900-е годы); В. Брюсов и К. Случевский — Чтения 1971). Фидлер же был представлен выполненным им переводом пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке».

¹⁵ Дневники. С. 66.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 114—115. Альбом «Пятницы» сохранился (ГПБ. Ф. 703. № 2; записи Брюсова от 19 марта 1899 г. — л. 6 и 9).

Две первые строфы из стих. «Кучи свезенного снега» (III, 219) — 1-я и 3-я строфы печатного варианта, датированного 24 февраля 1895 г. 3-я строфа текста из альбома «Пятницы» до сих пор оставалась неизвестной. Видимо, Брюсов написал ее у Случевского вечером 19 марта 1899 г., чтобы приблизить это стихотворение к заданной теме.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 156.

¹⁸ Там же. Л. 169.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 6. Л. 278 (запись от 20 мая 1902 г.). См. также: ГПБ. Ф. 703. Ед. хр. 2. Л. 41. Реферат И. И. Ясинского был положен в основу его статьи «Новый поэт», опубликованной без подписи в издававшемся им журнале «Ежемесячные сочинения», (1901. № 1).

²⁰ ГПБ. Ф. 703. Ед. хр. 2. Л. 58. См. также: ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 265 (запись от 20 мая 1902 г.).

²¹ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 31.

²² ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 1. Упомянутый Фидлером экземпляр книги *ChdO2* имеет следующую надпись: «Федору Федоровичу Фидлеру от автора Валерий Брюсов 1898» (личная библиотека С. С. Гречишкина, Ленинград; после надписи — помета карандашом, сделанная Фидлером: «дек(абрь) Москва»).

²³ О выполненных Фидлером переводах брюсовских стихотворений см. подробнее: Данилевский Р. Ю. В. Я. Брюсов и Ф. Ф. Фидлер // Международные связи русской литературы: Сб. статей под ред. акад. М. И. Алексеева. М.; Л., 1963.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 444, Ед. хр. 52. Л. 51.

²⁵ Заключительная строка из стихотворения Г. Гейне «Вопросы» (Цикл «Северное море»).

²⁶ Издание не состоялось.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 377 (фонд не разобран).

²⁸ Фотография с этого портрета украшала кабинет Фидлера до самой его смерти. В настоящее время ее местонахождение неизвестно.

²⁹ Местонахождение этого документа в настоящее время неизвестно.

³⁰ Письмо от 25 июля 1907 г. // ЦГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 209.

³¹ ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 4—5.

³² Полный текст этого письма опубликован Р. Ю. Данилевским (Указ. соч., с. 415).

³³ В ответ Фидлер отправил Брюсову свою антологию «Русские поэтессы», изданную в Лейпциге в конце 1907 г. «Russische Dichterinnen. Ausgewählte Dichtungen». Übertragen und mit biographischen Notizen versehen von Friedrich Fiedler.

Дарственная надпись: «Валерию Яковлевичу Брюсову душевно благодарный за «Пути и перепутья» Ф. Фидлер. СПб., 14 дек. 07» (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1427).

³⁴ ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 7—8.

³⁶ Оригинал письма хранится в собрании Р. Л. Щербакова (Москва) и публикуется с любезного разрешения владельца.

³⁷ ГБЛ. Ф. 386. 106.22. Л. 15.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 649. Оп. I. Ед. хр. 25. Л. 157—161, 163—168.

³⁹ См. прим. 4—5 к тексту дневника Фидлера.

⁴⁰ ГЛМ. Оп. 4173. Л. 26. Сохранилась также телеграмма Криницкого от 26 июля 1916 г. из Петрограда, адресованная Маргарите Фидлер. В телеграмме содержится просьба бытового порядка в связи с болезнью Криницкого и его сына Сергея // ЦГАЛИ. Ф. 518. Оп. 4. Ед. хр. 41.

⁴¹ См. письма Фидлера к дочери М. Ф. Фидлер от 5 ноября, 31 дек. 1916 г. и др. // ЦГАЛИ. Ф. 518. Оп. 4. Ед. хр. 12.

Ф. Ф. ФИДЛЕР

Фотография. 1915

Центральный архив литературы и искусства
СССР, Москва

ИЗ ДНЕВНИКА Ф. Ф. ФИДЛЕРА

8 июля 1916

Вчера сюда перебрался Марк Кри-
ницкий (...) Сегодня я с ним познако-
мился. Первое впечатление — весьма
благоприятное. В последнее время он
постоянно жил в Москве (его семья еще
там) и лишь совсем недавно переехал
в Петербург. Он сказал о себе: «Я ни в
чем не имею вкуса: ни в вине, ни в таба-
ке, ни в женщинах, ни в музыке. В
музыке я даже слеп» *. Последнюю
фразу он повторил дважды. С ним и му-
жем Веры Евгеньевны Копельман ¹, на-
шей управляющей, мы говорили о войне
и особенно о немцах. Никто из них не
проявил враждебности к немцам, ско-
рее напротив — симпатию.

9 июля 1916

Настоящее имя Криницкого — Ми-
хаил Владимирович Самыгин. Сегодня
я ходил с ним на прогулку в Курорт,
где он пытался найти меблированную
комнату для своей жены с десятимесяч-
ным сыном, однако безуспешно: никто
не хотел сдавать комнату из-за ребен-
ка. В 4 часа пришли ко мне. Делая за-
пись в мой альбом, он что-то смахнул
с пера, а затем вытер пальцы о волосы.

(Я впервые видел писателя, олицетворявшего старомодную промокательную бумагу.) Потом он рассказал мне (по собственной воле) свою автобиографию. Ему 42 года. Окончив Московский университет, он намеревался остаться при кафедре философии, но это не получилось. Он стал учителем русского языка и литературы и в течение семнадцати лет преподавал в гимназиях Орла, Коломны и Рязани ². (Сейчас он получает ежемесячно пенсию в сто рублей). Он хотел вычистить «авгиевы конюшни» в учительской среде, искоренить «Передоновых» и с этой целью писал докладные записки в Министерство народного просвещения, чем вызвал к себе ненависть всех провинциальных учителей. Поэтому он не имеет ни одного ордена, хотя и дослужился до статского советника. Педагогическая деятельность отнимала у него так много времени, что он ничего не читал из современной литературы и почти ничего не писал. Наконец, от усталости и невозможности осуществить свои реформаторские планы на ниве педагогики он заболел и вышел в отставку.

После этого он целиком погрузился в литературу и за три года написал восемь томов. Он живет отдельно от жены. «Вы разведены?» — спросил я. «Нет, я принципиально против любого официального развода». От этой жены ³ у него семнадцатилетний сын Сергей, две дочери (они воспитываются в институте в Москве) и еще один несовершеннолетний сын, который учится в гимназии. Теперь же у него (Криницкого) «гражданская» жена и от нее — десятимесячный ребенок. Сергей живет с ним, а не с матерью («из чего Вы можете сделать вывод, каков у нее характер!»). Он воспитывал его в руссоистском духе, никогда ничего ему не приказывал, лишь советовал. Сергей — очень добрый,

* Эти слова Криницкого цитируются в оригинале по-русски.

даже благородный юноша, но вспыльчивый и бесцеремонный. Больше всего ему хочется защищать угнетенных. Год назад он бросил гимназию (не закончив учения) и стал санитаром (...) Теперь по совету отца он будет сдавать экзамены на аттестат зрелости в одной из здешних гимназий, но — экстерном: он сам опасается, что не сможет подчиниться школьной дисциплине. Однако год, проведенный в армии, сделал Сергея (посетовал отец, который вообще против любой войны) чрезвычайно грубым... Криницкий рассказывал также о себе как писателе (впрочем, не у меня, а во время нашей прогулки). Свои романы он печатал преимущественно в московской газете «Вечерние известия», причем отдавал их в редакцию не в законченном виде, а по частям: разработав в уме общий замысел и отдельные детали, он каждый раз писал продолжение. Литературную работу он считает священнодействием, а саму литературу — храмом. Подарив кому-нибудь одну из своих книг, он никогда потом не спрашивает, понравилась ли она. «Это то же самое, как если бы священник после службы спрашивал у прихожан, хорошо ли он говорил». Поэтому у него сравнительно мало знакомых в московских писательских кругах. «Ибо лишь немногие там — жрецы, большинство же паразиты искусства». Значительным поэтом он считает Брюсова, он был с ним некогда дружен. Игорь Северянин, по его словам, тоже выдающийся поэт, и он хорошо понимает его поклонниц, которых ошибочно считают психопатками: это неверно хотя бы по той причине, что сексуальный момент не играет у них при этом никакой роли. Сказал, что Бунин не заслужил звания академика; а если бы и заслужил, то все равно должен был бы от него отказаться в знак протеста против исключения Горького, как это сделал в свое время Чехов, добровольно выйдя из Академии Наук... Свой только что заверченный роман «Женщина в лиловом» он (Криницкий) — после того, как все глубоко продумал, — начал писать с конца и закончил началом. Стихов он никогда не писал, во всяком случае никогда не печатал. — Он знает наизусть «Лесного царя» Гете, хотя и уверял, что почти не владеет немецким... Сказал, что резкая критика со стороны незнакомого человека для него намного приятней, чем похвала друга.

17 июля 1916

14-го у меня в гостях был Криницкий со своей молодой женой. Короткие и курчавые волосы, нос с чуть заметной горбинкой. Почти ничего не говорила. Они сняли две меблированные комнаты в Сестрорецке (соседняя станция).

Сегодня он был у меня и принес свою книгу «Маскарад чувств». Просидел полных два часа и непрерывно рассказывал историю своего знакомства с Брюсовым. Оно завязалось, когда Криницкий был еще студентом I курса. С самого начала Брюсов питал к нему глубочайшее расположение (Криницкий был тогда невзрачный и хилый юноша, обросший волосами и совсем беспомощный; он служил мишенью для всеобщих насмешек). Он только что напечатал свою первую книгу «В тумане». Брюсов словом и делом содействовал литературной карьере Криницкого. «Он заботился обо мне, как нянька, и отношения между нами были самые нежные». Брюсов настойчиво отговаривал его ехать учителем в Тулу, считая, что он отупеет в провинции. Однако Криницкий уже был женат, имел ребенка, но не имел никакого дохода, так что он вынужден был поступить на службу. Брюсов несколько раз навещал его в Туле. Потом он сообщил ему в письме, что собирается жениться, но женится лишь в том случае, если он, Криницкий, посоветует ему это; а потому, писал Брюсов, он должен приехать к нему в Останкино (дачное место под Москвой)⁴. Невеста (и его нынешняя жена — ее зовут Жанна) была гувернанткой в доме родителей Брюсова. Однажды вечером она призналась ему в любви, после чего произошло «грехопадение». Спустя некоторое время она пыталась покончить с собой, бросившись в останкинский пруд, однако Брюсов успел ее спасти. Криницкий приехал в Останкино. Брюсов оставил их обоих на час друг с другом. Во время разговора она держалась с ироническим превосходством, но тем не менее по-

направилась ему — прежде всего своей любовью к Брюсову. И когда Брюсов спросил его мнение, он посоветовал ему жениться ⁵. (Когда Криницкий приехал в Останкино, то калитку ему открыла молодая девушка, спросившая чего он желает. Но как только он назвал свое имя, она побледнела и задрожала: это и была Жанна; она знала о цели его приезда.) И свадьба состоялась. Присутствовать на ней Криницкий, однако, не мог (ему не удалось отпроситься на службе), и потому он послал Брюсову открытку, в которой поздравил его с «торжественно-печальной» ^{2*} свадьбой. (Что и говорить, весьма необычный поздравительный стиль! — *Ф.*) Брюсов писал ему, что во время свадьбы он прочитал это поздравление присутствующим, и оно вызвало большой интерес (Охотно верю! — *Ф.*) ⁶. Прошли годы, проведенные Криницким в провинции. Брюсов продолжал писать ему, как и прежде. Однажды Криницкий приехал в Москву и, по обыкновению, отправился прямо с вокзала к Брюсову. Тот встретил его, скрестив руки, и заявил, что желающие поговорить с ним должны в письменном виде предупреждать его об этом за неделю, а затем ждать, когда подойдет их очередь. Однако увидев, какое впечатление произвели его слова на гостя, он попытался смягчить их парой любезных шуток, в которых все равно проскальзывала насмешка над «провинциализмом» Криницкого. В книге «*Tertia vigilia*» Брюсов посвятил каждому из своих знакомых один раздел ⁷ и лишь ему, Криницкому, — ничего, что чрезвычайно удивило Криницкого: появление книги приходилось на время их теснейшей близости. Однажды Криницкий встретил Брюсова в Москве, когда тот был уже видным членом редакции в «Русской мысли» ⁸. Но едва лишь он заикнулся о своем новом, только что законченном романе, как Брюсов прервал его: «Мы завалены материалом на год вперед!» А раньше он сам рекомендовал его в различные журналы ⁹. В другой раз Криницкий оказался в Москве на один день, а Брюсов в тот вечер делал доклад. Все билеты были распроданы. Криницкому, однако, удалось добраться до комнаты, в которой выступающие ждут своего выхода (исполнительская ^{3*}); оттуда он рассчитывал при помощи самого Брюсова пройти в зал. Но у двери, раскинув руки, стояла Жанна, которая не пропустила его к Брюсову: «К нему никто не должен сейчас входить — он сосредоточен!» Когда, ничего не добившись, Криницкий вернулся обратно, студенты-распорядители стали над ним смеяться: они с самого начала язвительно предупреждали, что его не пропустят в зал. Криницкий и Брюсов всегда были «на Вы»... У Криницкого хранится множество интимных писем Брюсова; он хочет их целиком подарить мне (сейчас они еще в Москве). Он до сих пор считает Брюсова значительным человеком (...). Криницкий рассказал также следующее: псевдонимом он пользуется начиная со своей первой книги («В тумане»). Он укрылся под псевдонимом из страха перед критикой... Некогда, желая полностью отдать себя изучению философии, он проштудировал всего Спинозу (на латыни). Однажды он слушал Ник. Як. Грота, объяснявшего своим adeptам новое определение времени ¹⁰. Никто не решался возразить, лишь Криницкий сказал, что он, Грот, не понял Канта. Грот отомстил ему: после доклада Криницкого о этике Спенсера он публично заявил, что у Криницкого отсутствуют элементарные научные познания... Будучи студентом, Криницкий вместе со своим приятелем Леон. Ник. Никоновым посетил Толстого (в его московской квартире в Хамовниках). Элегантно одетый слуга ввел их в маленькую, убого обставленную комнату, расположенную справа от передней. Появился Толстой и сразу, даже не протянув им руки и не предложив сесть, заявил, что у него нет времени для разговора: все, что они желают узнать, можно найти в его сочинениях. Тут Криницкий собрался с духом и признался, что они сомневаются в существовании бога и пришли за советом. Услышав это, Толстой сел и «с грацией аристократа и бывшего военного» закинул ногу за ногу. Одновременно он предложил сесть и своим посетителям и начал про-

^{2*} Эти два слова цитируются в оригинале по-русски.

^{3*} Это слово в оригинале по-русски.

поведовать; все существующее бrenно, все бесследно проходит, а потому все бесполезно. К земной жизни стремились вавилоняне и ассирийцы, а что от них осталось?! Стоит какой-нибудь бацилле попасть мне в рот и со мной будет покончено, и со всем тем, к чему я стремился на этой земле и что я делал, словом, — со всей моей беллетристикой, ибо и она бесполезна. Поэтому человек должен стремиться лишь к Одному, и это Одно — Бог. Такое разъяснение их не удовлетворило. Вернувшись домой, они дословно записали свой визит к Толстому. Вероятно, этот документ и поныне находится в бумагах Никонова, который живет в Петербурге и которого он, Криницкий, совсем потерял из виду... Двенадцать лет Криницкий страдал от нервного расстройства, он стал почти невменяемым... Мне показалось странным, что он, прочитавший в оригинале всего Спинозу, попросил меня перевести употребленное мной выражение "jalousie de métier"^{4*}.

¹ В. Е. Копельман (рожд. Беклемишева; 1881—1944) — жена С. Ю. Копельмана, совладельца З. И. Гржебина по издательству «Шиповник». Сохранилась запись, сделанная ею в альбоме Фидлера («У меня»): «13 июля 1916 г. *Ермолова*. Я могу открывать кооперативные лавки, но не умею писать в альбом стихов. В. Е. Беклемишева» // *ГЛМ*. Оф. 4173. Л. 26об.

² Неточность: Самыгин преподавал в реальных училищах и гимназиях в Туле, Иваново-Вознесенске, Коломне и Рязани (см. наст. кн., вступ. ст. Н. А. Трифонова к публикации писем к Самыгину).

³ Об А. И. Самыгиной см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 17, прим. 2.

⁵ Письмо Брюсова такого содержания неизвестно.

⁵ В неопубликованной записи дневника Брюсова о приезде Самыгина в Останкино и о результатах их беседы говорится совсем иначе. Воспроизводим эту запись от 13 августа 1897 г.: «У меня был Самыгин. Мы, конечно, говорили о Жанне, и, как ни горько, пришли к убеждению, что лучше мне не жениться. Я стал намекать на это Жанне, говорить ей, что она погубит мой талант, что я люблю в ней только тело. Она много плакала.

Вчера я был особенно беспощаден. Вечером Жанна прямо сказала мне: «Не хочу губить тебя, хочешь, я уеду». Что я мог ответить, куда делась моя решительность, которой я хвастаюсь. Я ничего не умел ответить, я боялся. «Значит, хочешь, чтобы я уехала? не отвечаешь? ну хорошо». Она встала и пошла прочь. Я еще что-то говорил ей (...) Мы встали и пошли в лес. Жанна была как безумная. Вдруг она остановилась. — «Значит, ты меня не любишь вовсе?» — «И никогда?» — «Никогда!» Она вдруг заломила руки и заплакала горько, навзрыд, неужержно. Конечно, я упал перед ней на колени, целовал ее руки. Сказал, что люблю.

Примиренные, мы вернулись в сад. Мы сидели рядом, смеялись, были счастливы. Еще одна целомудренная оргия, — более безумная, чем все прежние» (*ГБЛ*. Ф. 386, л. 14/2. Л. 33—33об.).

⁶ См. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 7, прим. 1.

⁷ В сб. *TV* отдел «Любимцы веков» посвящен Модесту Дурнову, «Город» — К. Д. Бальмонту, «Книжка для детей» — Георгу Бахману, «Картинки Крыма и моря» — Ив. Булину, «Повторения» — Юргису Балтрушайтису, поэма «Царю Северного полюса» — Ивану Коневскому, поэма «Аганатис» — А. Березину (Лангу), поэма «Сказание о разбойнике» — С. А. Полякову.

⁸ Брюсов заведовал литературно-критическим отделом «Русской мысли» с осени 1910 г. до конца 1912 г.

⁹ См. наст. кн., Письма к Самыгину. Вступ. ст. Н. А. Трифонова, прим. 48.

¹⁰ Николай Яковлевич Грот (1852—1899) — психолог и философ, профессор Московского университета, основатель и редактор журнала «Вопросы философии и психологии».